

СОДЕРЖАНИЕ

Все силы, все жизни — делу Ленина— Сталина! (переложка)	2
Е. ГРИГОРЬЕВ — Визды Октября (статья)	4
СЕРГЕЙ ОСТРОВОЙ — Сыну (стихи).	7
П. ДЫБЕНКО — За власть советов (воспоминания)	7
А. СУРКОВ — Рождение человека (стихи)	10
А. ИЛЬИН-ЖЕНЕВСКИЙ — Два дня (воспоминания)	11
М. ИЛЬИН — Повесть без названия	14
А. ПРОКОФЬЕВ — Октябрьские песни (стихи)	19
А. МАКАРЕНКО — Грешня (рассказ)	20
Мех. ЗОЩЕНКО — Бесславный конец (отрывок из повести)	23
М. ГОЛЬДБЕРГ — Посмотрите на кар- ту (очерк).	25
Ю. НЕЙМАН — Поэт Октября (статья)	29
АНКЕТА «СМЕНЬ» — ЧТО НАМ ДАЛА ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.	
А. СТАХАНОВ — Миланом братьям по имени и делу	31
Я. ЮСИМ — Доверие стражи	32
Б. ЧИРКОВ — Счастие творить	33
В. ХЕТАГУРОВА — Гордость быть дочерью великого народа	34
Н. ФЛОРИЯ — Оружие науки	35
И. ПАРФЕНТЬЕВ — Самое почетное право	36
Н. САЛАТКИН — Все!	37
З. СКРИПКИНА — Сибирь родная	38
Г. КАПУСТЯНСКИЙ — Старое и но- вое люди (фотоочерк)	39
Леонид ЛЕНЧ — Синяя красавица (фелетон)	41
Слова, рожденные Октябрем. — По- сладшее подражание Ленину. — Со- ветское письмо. — Октябре и Мо- ске	43
Шажматы	44

Номер иллюстрировали художники: К. Ра-
тов, А. Калевский, А. Шуаф, П. Клеттен-
берг.

Фото П. Навицкого, И. Шагина, Г. Ка-
пустянского, Л. Дебильна, И. Гушина.

Репродукции с карты Н. Минина, В. Кривоного-
ва, Ю. Ябло, И. Власовича, В. Шуленина, И. Ка-
вергина, Р. Фурца, П. Виноградова.

На обложке: «Домет» и «Лидар», репродукция с
картины П. Шуткина.

Номер составлен на заказу К. Уман.
Техническая корректура по фотопро-
дукции Д. Понявского.

Книга подготовлена и дизайнирована Издательством ЦК
ВКП(б) «Издатель».
Номер отпечатан на типографии газеты «Правда»
имени Сталина.

Вячеслав Кривошеин.

С картины Н. Мешкова

«Революции в прошлом оканчивались обычно сменой у кормила правления одной группы эксплуататоров другой группой эксплуататоров. Эксплуататоры менялись, эксплуатация оставалась. Так было дело во время освободительных движений рабов. Так было дело в период восстаний крепостных. Так было дело в период известных «великих» революций в Англии, во Франции, в Германии. Я не говорю о Парижской Коммуне, которая была первой, славной, героической, но все же безуспешной попыткой пролетариата повернуть историю против капитализма.

Октябрьская революция отличается от этих революций принципиально. Она ставит своей целью не замену одной формы эксплуатации другой формой эксплуатации, одной группы эксплуататоров другой группой эксплуататоров, а уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, уничтожение всех и всяких эксплуататорских групп, установление диктатуры пролетариата, установление власти самого революционного класса из всех существовавших до сих пор угнетенных классов, организацию нового бесклассового социалистического общества.

Именно поэтому победа Октябрьской революции означает коренной перелом в истории человечества, коренной перелом в исторических судьбах мирового капитализма, коренной перелом в освободительном движении мирового пролетариата, коренной перелом в способах борьбы и формах организации, в быту и традициях, в культуре и идеологии эксплуатируемых масс всего мира.

В этом основа того, что Октябрьская революция есть революция интернационального, мирового порядка.

В этом же корень той глубокой симпатии, которую питают к Октябрьской революции угнетенные классы всех стран, видя в ней залог своего освобождения».

И. СТАЛИН

Партия решила

23 (10) октября 1917 года в Петрограде состоялось историческое заседание Центрального комитета партии большевиков с участием Ленина в Ставке.

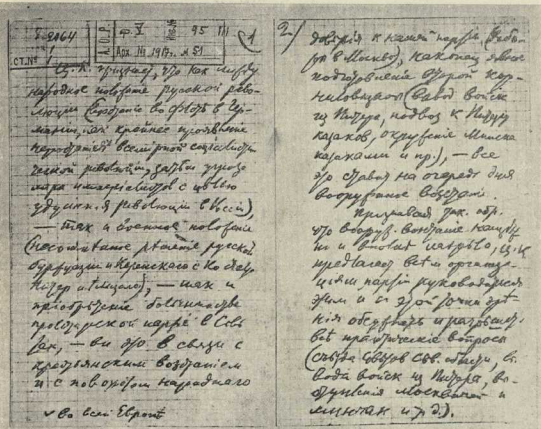
Валентин Ильич Ленин предлагал резолюцию о вооружении восставших для свершения власти буржуазии.

Против ленинской резолюции голосовали только Каменев и Зиновьев. Через несколько дней эти подлые предатели намерены, а Илья-Троцкий по своей глупости и бабальности выдала буржуазные наказы и призыв к восставшим. Однако Лениным не удалось создать победоносную революционную пролетариату.

Вот текст ленинской резолюции: «ЦК признает, что как международное движение русской революции (исключая не факте в Германии, как крайнее приращение нарастающего во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империализма и целью развития революции в России), так и движение левых, (исключая движение русской буржуазии и Керенского и К. с. с. (Петр Кандид), так и приращение большинства проработки партии и Советов, все это и своим с истинными намерениями и с империализмом переднего двора и нашей партии (выборы в Миске), наконец новые подвиги партии второй революции (самой войне на Петер, пол-ва и Петеру казаны, окружение Миски и казаны и др.), — все это ставит на очередь дня вооружение восставших.

Признавая таким образом, что вооружение восставших необходимо и вполне необходимо, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой целью принять необходимые и разрешить все практические вопросы (Следя Советов Северной области, завода войны на Петеру, выступления восставших и женщин и т. д.).

(Ленин. Сов. Т. XXI, стр. 330).

Партия повела в бой

У Смольного в октябрьскую ночь...

С картины худ. В. Кузнецова.

Владимир Ильич Ленин.

Несчаиваем дни Великой социалистической октябрьской революции. Они навсегда останутся в летописи истории величайшим свидетельством революционного гения, дерзновения и прозорливости.

Октябрьская революция не была результатом стихийной вспышки, стихийного выступления масс. Она не была также плодом конспиративно организованного заговора. Ее подготовила большевистская партия, многолетним тесным связанным с миллионами массами рабочих, солдат, беднейших крестьян, опиравшаяся на них и руководившая ими. Ее организаторами и вдохновителями были величайшие мастера революционного руководства — Ленин и Сталин.

После расстрела Временным правительством рабочей демонстрации в июле 1917 года Ленину пришлось уйти в подполье. Источники преследованиями обрушились контрреволюцию на рабочий класс и его большевистскую партию. На фронте была восстановлена смертная казнь. Разоружались революционные полки. Против воли рабочего класса Ленина была пущена в ход гусиная казьята. На поиски Ленина были мобилизованы не только контр-

ВОЖДИ

разведка и сыщики Керенского, но и собаки-ящери, в том числе замешанные в то время собаки «Грефа». Его искали сотни добровольных сыщиков из среды буржуазии и контрреволюционного офицерства. Буржуазные газеты бешено травляли всякого большевиков.

В то время Ленин, изменив свою внешность, пробирается на Сестрорецкий вокзал. Его провожали Сталин и другие товарищи. В аутгах, за озером Разлив, в дикой, болотистой местности скрывался Ленин в течение полутора месяцев. Отсюда он давал указания партии, писал статьи. Сюда приезжали к нему из Петрограда боевые товарищи.

В то время людям недальновидным могло показаться, что рабочий класс потерпел поражение, что революционные силы разбиты. На самом деле загнанная в подполье революция накапливала силы. Расстреляв июльскую демонстрацию, буржуазия и ее подлые приспешники — меньшевики и эсеры — растеряли доверие к себе, ускорили нарастание революционного кризиса.

Ильич в своем шалаше говорил приехавшему к нему с поручением от Сталина тов. Серго Орджоникидзе:

«Ваша можно взять теперь только путем вооруженного восстания, оно не заставит ждать себя долго. Восстание будет не позже сентября — октября».

• • •

Осень 1917 года... На фронте стоит под ружьем около 10 миллионов рабочих и крестьян. В окопах, где сгрудились солдаты, грязно и сыро. С тоской думают они о приближающемся четвертой зиме, которую предстоит провести под оружейным огнем... Голько что

В. И. Ленин и И. В. Сталин с красновардскими в Смольном. С рис. П. Васильева

ОКТАБРЯ

прошедшая коринявская авантюра¹ обострила классовые противоречия в армии. Большевистские активисты находят на фронте все более горячий отклик.

«Идем господ большевиков», — пишет в сентябре 1917 года с фронта группа раненых солдат, — «обратить внимание на господина Керенского — вместе с Коринявым на один крючок. Просим немедленно передать посылки в руки народа — совета крестьянских и солдатских депутатов... Товарищи рабочие и солдаты, оружие берегите, пойте на Петроград буржуа, козачийское управление колоть, бить и вешать. Из терпения вышла окопная мука солдат».

В деревнях неустанно растет крестьянское движение, оно распространяется как огонь по бурелому. Крестьяне выкупают отмененных из насильственных гнзед. Не помогают карательные экспедиции, которые посылает против крестьян Временное правительство. Крестьяне терпят веру в асеров, ставших противонародной, противокрестьянской партией. Крестьянское восстание пылает по всей стране, окутывая отбегивающие колыбели губернские центры.

В городах разгром коринявщины неизмеримо поднимает авторитет партии большевиков. В Московском и Петроградском советах, где до тех пор господствовали меньшевики и асеры, впервые проходит большевистские резолюции. Быстро идет вперед вооружение и военное обучение рабочих.

В то же время не дремлют в свои контрреволюция. Коринявщина потеряла провала, но те, кто направляла и вдохновляла генеральскую авантюру, остались. И они готовятся развязать революцию раньше, чем она успеет подготовиться к решающему штурму. Правительство Керенского намеревается бежать в Москву, отдав Петроград немцам, чтобы немечки штыками разгромить сияет революция.

Из своего подполья Ленин верно следит за изменениями в соотношении сил. Он внимательно читает сообщения, которые приходят от его гениального соратника — товарища Сталина, расширяет прислушивающихся товарищей о настроении рабочих и солдат.

Из Гельсингфорса, куда с наступлением холодов перебрался Ленин, он пишет 12—14 сентября в Центральный комитет партии знаменитые письма: «Большевики должны взять власть», «Марксизм и восстание». В этих письмах Ленин призывает партию немедленно начать подготовку к вооруженному восстанию. Он говорит о том, что к восстанию нужно отнестись как к искусству, нужно его организовать.

Вооруженное восстание, необходимость которого была провозглашена уже историческим VI съездом РСДРП(б), проходившим под непосредственным руководством товарища Сталина, становится в порядок дня, становится лозунгом действия.

Речь еще не идет о выборе дня

восстания, речь идет о том, «чтобы задача сделать ясной для партии: на очередь для поставить вооруженное восстание в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства».

15 сентября ЦК партии обсуждает письма Ленина. На этом заседании выступает председатель Каменев, ставший в дальнейшем вместе со своими сообщниками — Зиновьевым, Троцким и др. — фашистским наемником, изменником родины, врагом народа. Он пытается сбить партию с ее курса на социалистическую революцию, он выступает против вооруженного восстания. Презренный капитулант пытается помешать рабочему классу взять власть в свои руки для построения социалистического обще-

1 Ленин. Собр. соч. Т. XXI, стр. 194.

ства. Выдавая Каменева получает на этом заседании решительный отпор.

Уже на второй день после заседания ЦК в центральном органе партии «Рабочий путь» (так называлась в то время «Правда», закрывая под старым названием Временным правительством) появилась статья товарища Сталина.

«Революция идет», — пишет товарищ Сталин. — Обостряются в июльские дни и «покоренная» на Московском совещании, она вновь поднимает голову, ломая старые преграды, творя новую власть...»

Вся власть советам — таков лозунг нового движения...

Вся власть империалистской буржуазии — таков лозунг правительства Керенского.

Сомнения невозможны... Либо власть правительства Керенского, — и тогда господство помещиков и капиталистов, война и разруха.

Либо власть советов, — и тогда господство рабочих и крестьян, мир и ликвидация разрухи.

Так и только так ставит вопрос сама жизнь...».

2 Сталин. «Наш путь в Октябре», стр. 168—169.

Фото Н. Шаина

Иосиф Виссарионович Сталин.

¹ Попытка контрреволюционного генерала Коринява организовать поход на Петроград с целью разгромить Совет рабочих и солдатских депутатов.

В подпольной, легальной печати некая была открыто призывать к вооруженному восстанию. Но ясное сказать нечего, — неслыханным историком товарищ Сталин разъяснил массам необходимость свержения правительства Керенского, подложив их к вооруженному восстанию.

К началу октября положение в стране еще более обострилось. Контрреволюция стягивает свои силы в ударный кулак. Временное правительство вымывает с фронта верные ему части в Москву переформируется казаческий полк, под Петроград — 3-й конный корпус генерала Краснова, в Киев, Минск, Могилев приносятся казаки. На Кубани создается юго-восточный союз в составе казачьих войск: кубанских, терских, донах, астраханских и др. Здесь подготавливается опорная база контрреволюции.

Приближается момент, когда нужно выступать по тому, что бы то ни стало.

Ленину, разумеется, не была известна секретные планы Временного правительства. Но по разрозненным сведениям, по отрывочным сообщениям о передвижениях войск, по той ярости, с какой выступали против власти буржуазная печать, он понял, что решающий момент наступил.

«Кризис нагрял», — пишет Ленин в статье под тем же названием, — выступать надо немедленно.

Со всей резкостью обрушивается Ленин на противников вооруженного восстания — Каменьева, Зиновьева и др. Он резко критикует Игу-Гродного, предлагающего отложить восстание и попытку созвать ЦК съезда советов. Это предательское предложение прямо вело к провалу восстания.

«...Нало поборо́ть это течение нам мнение», — пишет Ленин. — Иначе большевики не оживили себя насилие и сошли на пол как партизаны.

«...Но пропускать такой момент и «ждать» съезда Советов есть полный идиотизм иная полная неадекватность».

«...Ждать» съезда Советов — есть полный идиотизм, ибо это значит пропустить неслучайно, а неминуемо и даже для решения теперь все. Это значит трагично отречься от всякого влияния, ибо 1—2 ноября оно должно быть (и политически и технически) собрано путем казавок во главе гутенкиным образом «назначенного» восстания»¹.

В начале октября Ленин с разрешения ЦК партии переживает в Петроград, чтобы непосредственно руководить подготовкой восстания. Товарищи передают его в физическом состоянии, гримируют. В таком виде он приезжает в Петроград и поселяется на окраине города, в квартире одного рабочего. В первый же день Владимир Ильич просит вывезти к себе товарища Сталина. Радостно встречает он своего верного ученика и друга. Он подробно расспрашивает его о положении в партии, о настроениях рабочих, обобщает все наиболее важные меры по подготовке восстания.

10 (23) октября Ленин впервые после долгого перерыва участвует в заседании Центрального комитета. Поездка Ленина внаемывание рабочих, большевиков приветствуют своего вождя, наперебой пожимают ему руку, обнимают его. Ленин делает доклад о вооруженном восстании, призывает технически подготовиться к нему. Только Каменьев и Зиновьев выступают против него. В решении ЦК восстание признается неизбежным и неизбежным.

Ленин вместе со Сталиным, Свердловым и другими своими ближайшими помощниками разрабатывает план восстания. Для руководства восстанием создается боевой центр во главе с товарищами Сталиным и Свердловым. На места посылаются представители ЦК, которые проверяют готовность к восстанию. Завтра же наместники, какие пункты следуют и первую очередь занять. Устанавливается шифр, при помощи которого Центральный комитет связывается с местами.

16 (29) октября в пригороде Петрограда — Ахматом — созывается второе заседание ЦК по вопросу о вооруженном восстании. На этом заседании присутствуют представители местных организаций. Ленин выступает с речью,

которая, по свидетельству очевидцев, произвела на присутствовавших потрясающее впечатление. «...Он заканчивает свою речь призывом брать власть немедленно».

И на этом заседании прелатен Каменьев и Зиновьев выступают против Ленина. Их даст, уничтожающая отрезал товарищ Сталин. «То, что предлагает Каменьев и Зиновьев», — говорит Сталин, — объективно приводит к возможности для контрреволюции сорганизоваться. Мы без конца будем отсутствовать и проигриваем все революцию». Товарищ Сталин со всей силой полемизирует, что зарила красноречивых, а Каменьевым и Зиновьевым не в частных вопросах, а в коренном вопросе о судьбах революции. «Тут две линии», — говорит товарищ Сталин, — одна линия — левый курс на победу революции и сдвигается на Европу, вторая — не верит в революцию и рассчитывает быть только оппозицией»².

Получив сокрушающий отпор на заседании ЦК прелатен Каменьев и Зиновьев остаются на несмысленном, измывчивом шаг. Они выступают в буржуазной печати против решения ЦК и выдают буржуазия военную тайну пролетариата. Они сообщают врагам рабочему пролетариату большевиков готовят вооруженное восстание.

Узнав об измене Каменьева и Зиновьева, Ленин требует исключения их из партии. Он оценивает их выступление как «бесмерную подлость» товарища Каменьева и Зиновьева черным именем шпильрейберов, прелатен социалистической революции.

Предательство Каменьева и Зиновьева усугубилось изменчивым поведением Гродного. ЦК предостерегал на многолюдном заседании Петроградского совета, этот изменник проластался и для возможности буржуазия узнать о сроке восстания.

Узнав об измене Каменьева и Зиновьева, Ленин требует исключения их из партии. Он оценивает их выступление как «бесмерную подлость» товарища Каменьева и Зиновьева черным именем шпильрейберов, прелатен социалистической революции. Предательство Каменьева и Зиновьева усугубилось изменчивым поведением Гродного. ЦК предостерегал на многолюдном заседании Петроградского совета, этот изменник проластался и для возможности буржуазия узнать о сроке восстания. Узнав об измене Каменьева и Зиновьева, Ленин требует исключения их из партии. Он оценивает их выступление как «бесмерную подлость» товарища Каменьева и Зиновьева черным именем шпильрейберов, прелатен социалистической революции. Предательство Каменьева и Зиновьева усугубилось изменчивым поведением Гродного. ЦК предостерегал на многолюдном заседании Петроградского совета, этот изменник проластался и для возможности буржуазия узнать о сроке восстания.

По плану Керенского были осуждены на провал. С генеральной провозглашением разгала Ленин замиском контрреволюции. Он всеми силами тормозил с началом восстания. Вечером 24 октября Ленин пишет членам ЦК:

«...Нало, то что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, переформировать (пообещать, если будут сопротивляться) офицеров и т. д.

Нельзя ждать! Нельзя потерпеть все!... В то время как Ленин писал эти строки, в столице уже начиналось восстание: большевики, левые социал-демократы, левые члены правительства, члены Временного правительства.

Вечером того же дня Ленин переживает в Смольном. В городе уже слышны стрельбы, Временное правительство расставило патрули, приказало вывести мосты через Неву и засады на них караулы. Путь небезопасен. Хозяйка конспиративной квартиры, где скрывался Ленин, пытается удержать его. Но напрасно. Ленин надевает пальто, подвязывает шарф платком как будто от зурбый боим, и направив на голову старую шапку, выходит на улицу. На столе остается записка: «Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я ушел». И т. д.

С трудом удается проникнуть в Смольный, так как пропуска и документов у Ленина нет. Там его встречает товарищ Сталин, рассказывает о всех отпавших распоряжениях, о намеченных планах действий по захвату Зимнего дворца.

Ленин приступает к непосредственному руководству восстанием. Почти все следующие день, 25 октября (7 ноября), он проводит в

Военно-революционном комитете, руководя его работой по проведению вооруженного восстания. К исходу дня Ленин предпринимает начать решительную атаку Зимнего дворца.

«...Революционные войска орудиям дворца палатым колымом. В реку Неву войска революционных крестов «Аврора» и три миномета. Осла дворами дворянскими засадами. Наступила темнота. И только огромный Зимний дворец был освещен. К ночи борьба усилилась. Застреленная пулемета. Раздались залпы винтовки. Началась перестрелка между засадами во дворце войска и наступающими революционными. Красногвардейцы начали штурм дворца».

Большевики, руководившие взятием Зимнего дворца, провозгласили «да здравствует»! Они ответили. Был дан сигнал. По Зимнему дворцу открыли стрельбу пушки Петропавловской крепости. Реваншю орудия с крейсера «Аврора». Артиллерийская стрельба подействовала. Пулеметы во дворце замолчали. Войска революции ворвались во дворец. Офицеры и жандармы продолжали еще отстреливаться, но вскоре они сдались. Узким коридором красногвардейцы вошли в круглую комнату дворца, по стенам которой висели портреты государей. Это было последнее буржуазное правительство России. Керенского не оказалось, так как он успел убежать и скрыться.

Именин революции все министры были объявлены изменниками. Арестованных министров отвели в крепость»³.

Вся государственная власть переходит к советам, ее берет в свои руки II всероссийский съезд советов.

26 октября (8 ноября) на ночном заседании съезда советом появляется Ленин. Восторженно овацией встречают депутаты съезда вождя и организатора Великой социалистической революции. Ленин, один из депутатов, восторженно приветствует провозглашение Ленину «как самому стойкому защитнику крестьянской бедноты».

Съезд принимает декреты, которых с нетерпением ждал народ. Декрет о мире, который предлагала всем воюющим государствам немедленно начать переговоры о прекращении войны, и декрет о земле, отменивший частную собственность на землю и передавший ее в пользование трудящихся.

Съезд образует первое советское правительство. Председателем его утверждает Ленин, народным комиссаром национальностей — Сталин.

Съезд постановляет: «Вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок».

Даваясь нет прошло с тех пор... Совети депутаты трудящихся выросли и окрепли в результате свершения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатурой пролетариата. Они составляют незаменимую политическую опору Союза советских социалистических республик.

Великий соратник и преемник Ленина товарищ Сталин уверенно дернул курс советской корабля. Гигантский путь пройден страной под его руководством. Достигнута великая цель — вступила в историю новая Конституция, воплощающая торжество социализма.

Победа социализма в нашей стране одержана в жестокой, кровавой борьбе. В этот бою со стороны вражеских позиций оказались те, кто боролся против ленинско-сталинской партии накануне Октября — презренные изменники и прелатен Троцкий, Каменьев, Зиновьев, Бухарин, Рыков и др. Их многочисленные борются против коммунистической партии, против советского народа заперли в каютах фашизма; они превратились в шайку бандитов, шпионов, диверсантов, измывчивых фашизма, панацеи, предателей, капиталистов и империалистов. Вернуть власть помещиков и капиталистов.

Но возврата к старому нет и никогда не будет. Советский народ, прошедший через горнило великих классовых боев, воспитанный в те дни, когда Ленин и Сталин с честью выдерживали вершин коммунизма. Он раздал и сокрушил всех врагов, какими бы личинами они бы прикрывались.

Е. ГРИГОРЬЕВ

¹ Ленин. Собр. соч. т. XXI, стр. 240.

² Сталин. «Из путев в Октябрь», стр. 211.

³ Ленин. Собр. соч. т. XXI, стр. 362.

⁴ «Краткий курс истории СССР» под ред. проф. Пестова.

СЫНУ

Валуны лежат — они седые,
Ты посауши их — они жмут.
Не задором, видно, ветры заше
Даже камню источил гряды.

Моучальным, он сказать не может,
Сколько лет с тех пор уже промчал,
Как его нескончаемый галест
И в морщинах горе заелало.

Я и сам такой же. Я немало
Наготовался соли на ветру.
Мне в мать-то песен не невала,
Кальмбей качая поутру.

Чем ее я вспомию? Нелетка мне
Слез ее далеких немота.
Вот она тавится в дымок камне,
Песенка несказанная та.

Почернший, пасмурный и голый
(Это слезы наших матерей!),
Он лежал, тот камень претяжелый,
Как гробница радости моря.

Как панта могильная, где горе
Громоудалось множеством веком.
Было это горе, словно море:
Не было у горы берегов.

Так тогда росал мм. Не с того-ли
Камень этот горше всех стал.
Сколько и нем, большой, спряткой боли
На меня из прошлого галдит!

Горестный, валався он в плащине...
Но сквозя ночь, сквозя ветер и тесны
Молодой пришла к нему гавалачини
И разбила тот камень на куски.

Я ли вто была или не я ли
(Время не сотрет его черты!) —
Так мм наше горе разбивали,
Каменное горе ницеты.

И когда мой сын с душой открытой
На пути своем в какой-то год
Камень встретит, кино не добитый,
Он его за всех за нас добьет.

П. ДЫБЕНКО

За власть советов

Воспоминания

НАКАНУНЕ

На наступал Петрограда, с яростно зашумевшей цитаделью революции от нашествия покорных немецкому кайзеру эскадр, гордо, с криками «Вся власть советам!» умирала в неравной морской битве багратион-моряки.

В последний раз содрогнулся после выстрела из носовых башен броненосец «Славя». Вслед промывавший в неравном бою, он медленно погружался в холодную морскую пучину. Германская эскадра приближалась к наголову изну автоленному броненосцу и открыла ураганный огонь. Броненосец молчал. Команда утлаивалась от бурундий воронки... На 40—50 кабалавотках к германской гибнущему броненосцу поплавали немские миноносцы. Казавшийся жертвам, гордый великан дал последний залп по миноносцам. Три комендора остались до конца. Потопил немецкий миноносец, они взорвали машинный и, портуя своей собственной изначию, телом броненосца закрыва фавартер немцами эскадром.

Не стало и безрохотного миноносца «Гром», который в июльские дни шел полным ходом из Гельсингфорса в Петроград с десантной батальице-морской, с гордо развещающими на стенах лозунгами «Вся власть советам!»

Один за другим, ирваненные с пробоями и пастырями, выходили из строя крейсера и миноносцы, сплыв в бязи, чтобы засечь свои рамы и снова быть готовыми к бою, на этот раз на два фронта: против внешних и внутренних врагов Великой пролетарской революции.

После восьмидневного боя постепенно скопал гул орудий и рассеивался пороховой дым над безбрежной ширью Балтийского моря.

В минуты, когда от разрыва многочисленных снарядов взлетали в воздух неистовые тамбы морской воды, когда разрывались в ключи тела мориков погружались в холодную пучину, желтопределательная пресса с бешеным светом оплавляла горев, называя их изменниками и предателями «родины». Правительству Керенского с жалостью и злобой ладло тибсан Балтийского флота.

С тяжкими потерями отходя Балтфлот на вторые оборонительные позиции, потерял укрепленные острова: Засад, Даго, Моон, Борне — и несколько германских погибших кораблей. Но эти потери ни на одну секунду не поколебали веру мориков в свою боевую мощь и победу над всеми врагами революции. Едце теснее сплотались морики вокруг большевиков: у всех на устах было имя Ленина.

Немецкие эскадры, погнавшие еще большие потери, не посмели вторично атаковать балтийский флот. Отбив атаки кайзеровского флота, Балтфлот готовился к походу на Петроград, на помощь питерским рабочим и революционным полкам.

11 октября в Петрограде открылся Северный областной съезд советов, на котором сехались представители армии, флота и многих за-

водов. Съездом руководили товарищи Сталин и Свердлов. Съезд выслушал истинный гоас армии, флота и рабочих и сделал смотр вооруженным и организационным силам, подлинным знания борьбы за передачу всей власти советам. На съезде была набрана Северный областной комитет, ставший генеральным штабом подготовки и руководства боями против сил контрреволюции. В состав областного комитета вошли товарищи Сталин, Дзержинский, Володарский, Антонов-Овсеенко и др. Болея и с тем чтобы находиться в Гельсингфорсе — базе Балтфлота.

Мм стояли у порога величайших исторических событий.

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ

Началась вторая половина октября. В Финляндии наступила осень.

С каждым днем все настоящее и настоящее несутся запросы с кораблей:

«Когда же? Не отаюганли я еще?» Хотелось как можно скорее ринуться в бой, пока не наступила халода, пока крепкие алы не сковали воды залова, пока свободо морской путь для кораблей.

Все было готово к выступлению, и ждали только сигнала.

«Что же медлите? Скоро ли? Когда же?» Ответ был один: «Идем приказом».

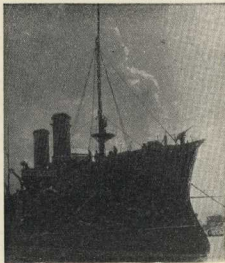
Идем и мм.

Идем условного сигнала из Петрограда.

Этот сигнал состоит только из двух незначительных слов, подписанных Антоновым-Овсеенко: «Высшая устан».

«Устан» — это миноносцы, два крейсера и десант в 5 тысяч человек. Их надо выселить в Петроград.

Постепенно, один за другим, направляем в Петроград как бы для ремонта вышедшие из строя в последних боях корабли. В числе других посланных заградителей «Амур», самое надежное судно, овера Центрбальта. Загради-

Минный заградитель «Амур».

1 Центрбальт — центральный комитет Балтфлота.

Десант моряков 25 октября 1917 года.

С картинч Жабо.

тею «Амур» приказано стать рядом с крейсером «Аврора».

Несколько тревожит вопрос, успеем ли к тому времени отремонтировать миноносцы, участвовавшие в сражениях под Эсселем и Даго. Большинство из господ инженеров и механиков категорически отказывается руководить ремонтом. Зато вышвырнутые Центроблат матросы и матросы миноносцев заявляют: «Выйдем головными. Не опоздаем. Ночь превратим в день. Зато мрачное и тяжелое превратим в светлое будущее». Центроблат ответил: «Верим. Идите господам!».

Наступали последние дни и часы...

Вот примерно в какой хронологической последовательности протекали события.

В ночь на 22 октября телеграмма с «Авроры»:

«Приказано выйти в море на пробу и после пробой садоват в Гельсингфорс. Как быть?» Центроблат отдал распоряжение: «Авроре» остаться на месте и произвести пробу только 25 октября.

Несмотря на угрозы и повеление бронсников с зонирями «Аврора», подержанная заграделем «Амур», категорически отказавшись выполнить приказ Временного правительства. Вернее часоме остался на своем посту.

В ночь на 23 октября арестовываем представителя Керенского в Финляндии, остатки коалиционного правительства. Перед арестом примому проводу с экипажем Львовым. Книга Львова сообщила, что в Петрограде начинается анархия. Большевики готовят вооруженное

свержение правительства. С фронта вызваны войска. Керенского решено отправить в Японию в целях вызова японских войск для подавления восстания.

Разговор этот был немедленно передан в Петроград Военно-революционному комитету. Саказ с Петроградом целиком и полностью перешла в наши руки.

Было отдано распоряжение на всех кораблях, во всех командах и пехотных частях держать наготове боевые роты. Потуги отступников и продолжавшийся, подвозка их к товарной станции уже заканчивались...

Спешно ремонтировались миноносцы: ремонт должен был закончиться к утру 25-го.

В 16 часов 23 октября созывается плавное заседание Центроблата и судовых комитетов. Еще раз все корабли заявляют о полной боевой готовности и требуют немедленной помощи достаточных сил в Петрограде. В 20 часов получила долгожданная телеграмма:

«Высший устав. Антонов-Овсеенко».

Флоту отдано приказание: «Боевым ротам прибыть на вокзал 24 октября к 24 часам».

С утра 24 октября установлена наша коммандатура на всех станциях до Петрограда. Перелок потуги и сдвигания вышелем перед командату и старшим вышелем.

23 часа 24 октября. Разговор с представителем Военно-революционного комитета по прямому проводу:

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ В.Р.К. Насторожне тревожное. Можете ли надеяться на своевременную поддержку Центроблат в наших руках. Правительство растерялось. С минуты на минуту может начаться вы-

ступление. Не опоздаете ли прийти на помощь?

Я. На рассвете выйдут миноносцы. Отправляю отряды.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ В.Р.К. Передан Военно-революционному комитету.

Ночь с 24 на 25 октября. Буржуазия заперлась в своих особняках. Забылся в конуры обитатель, дрожа за свое благополучие.

Иные переживания валуют матросами.

В Петрограде собрался съезд советов, который, может быть, сегодня же скажет стране: «Временное правительство свергнуто. Вся власть перешла в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...»

Тихо, без сирен, подходят к пристани один за другим катеры и буксиры. Бесшумно высаживаются боевые матросские роты.

Как бы по безмолвной команде выстраиваются и мормы, твердые шагами идут к вокзалу. На перроне нет праздной, гуляющей публики. В гробовой тишине проходят роты в черных и серых шинелях. Вагоны перемещены. Они за другим отходят вышелем. Из вагонов несетя громовой, дагоде, несмолкающее «ура». В 8 часов 25 октября отходит последний вышелем.

Моркин-балтийцы ринулись в последний и решительный бой.

Проводил отряды, с вокзала спешив в Центроблат. Он помещается на яхте «Полярная звезда». Медленно выравниваясь в кильватер, одна за другой проходят мимо яхты миноносцы. Их стеньги укрываются красивыми стаями с надписью «Вся власть советам!» Команда на

1 Набоков В. Д. — капит. кавалерия Временного правительства в Финляндии.

миноносцах и остающихся кораблях стоит во фронт. Оркестры музыки и громовые раскаты орудий. Небо очистилось от тум, и слышно ради этого дня, ярко сияет солнце.

С «Республики» и «Петропавловска» беспрерывно звонят по телефону и спрашивают:

— А мы разве не пойдем в Петроград?

У нас все готово. Мы ждем приказаний.

— Вы резерв. Протуберетесь — и нас пошлем.

Пока будьте готовы.

В 14 часов 23 октября полковника телеграмма, приказ действующим армиям: власть взята Всероссийским съездом советов.

Эта телеграмма немедленно передана на все корабли и во все базы флота, а также 5-й и 12-й армии.

В 16 часов получена вторая телеграмма. Она гласила:

«Всем! Генеральный штаб сдался и вся власть принадлежит Совету рабочих и солдатских депутатов».

ПУЛКОВО

27 октября, утром, выезжаем в Петроград. У входа в Смольный часовые требуют пропуск. По лестницам огромнейшего здания взбег и вперед спешат толпы народа. С трудом размыкаю комнату, где помещается тов. Подвойский. Захожу к нему.

От Подвойского узнаю, что высланные нами люди и батареи нужны немедленно. Наши части оставил Гатчину. Керенский движется с войсками на Царское и Петроград.

— Позвоните сейчас же в Царское, — говорит Подвойский, — узнайте, что там делается, и немедленно сообщите.

Выходя от Подвойского, встречаю Антонова-Овсеевского. От него узнаю, что он едет на Пулковский уступ. Решаем ехать вместе.

Едва мы выехали из город, сошлись автомобиль. Какая неудача! Мы беспомощно стоим на дороге. Пытались найти телефон, дозвониться в Смольный... Гатчина.

Едут с противоположной стороны мчится какая-то машина. Останавливаем. В автомобиль довольно упитанный, в роскошной шубе господин.

Спрашиваю:

— Вы разрешите доехать до Царского по срочным делам в вашем автомобиле? Как только минует надобность, мы возвратим его вам. Через несколько минут будет исправлен наш автомобиль, и мы доедем в нем.

Пассажир возмущается:

— Позвольте, я итальянский консул, пользуюсь правом неприкосновенности.

— Что же делать? Дело революционное, спешное. Вам все же придется выйти из автомобиля.

Мырщась, с явной злобой, господин медленно выходит из автомобиля.

Едем дальше.

По дороге в Царское нескончаемая вереница отставших групп вооруженных рабочих — разрозненные Красная гвардия.

На краю Пулкова, в небольшой избе, расположен штаб. «Штаб» состоял из бывшего полковника Балабуна, растерянно развалившегося на стуле и неловко бормочащего: «Разрешите доложить, у нас никого не осталось. Все разбежались, у нас никто не осталось». Все разбежались, у нас никто не осталось. Все разбежались, у нас никто не осталось. Все разбежались, у нас никто не осталось.

Со стороны Царского уже началась обстрел Пулкова артиллерией. Одним из первых снарядов была наполовину разрушена изба, где помещался штаб.

Красногвардейцы засыпают вопросы: «Где же матросы? Скоро ли придут на помощь?»

Уверга, что матросы движутся на фронт и с ними следуют артиллерия. Ожидание надежд, красногвардейцы постепенно занимают позиции на Пулковских высотах.

Срочно возвращаюсь в Смольный. Встречаю Владимира Ильича. Он спокое. Увидел меня, спрашивает:

— Ну что, как дела на фронте?

Сообщаю о положении, заявляю, что собираемся двинуть матросские отряды, которые сегодня должны прибыть из Гельсингфорса. В противном случае Керенский может войти в Петроград. Владимир Ильич одобряет наш план безмолвным кивком головы.

В течение ночи уезжает двинуть в Пулковку отряды моряков. Прибывшие из Финляндии артиллерия также была направлена в Пулковку.

Весь день 30-го войска Керенского, после захвата Царского, оставляли психически и тем самым дали возможность Военно-революционному комитету не только под Пулковым, но и под Красным и Колпинным сгруппировать отряды моряков и пехотные части.

Боевое настроение пулковского отряда было на высоте. С прибытием на фронт артиллерии моряки потребовали немедленного перехода в наступление. Они заявили: «Какого чорта стоим на месте, на позиции! Поскорее вса-

дять штыки в спину Керенскому, и дело с концом. Тогда можно и на корабли».

Им казалось, что с разгромом Керенского будет покончено со всей контрреволюцией.

ПОСЛЕДНИЙ УДАР ПО КЕРЕНСКОМУ

С утра 31 октября войска «демократического» правительства Керенского под руководством генерала Краснова начали наступление. Первая колонна атака казаков красновского 3-го конного корпуса была отбита нашими ружейными и пулеметными огнем.

Через час при поддержке пехоты и под защитой артиллерийского огня батарей и бронепоезда Краснов повел вторичное наступление. Повторная, энергично начатая атака сложилась об упорную стойкость революционных моряков Балфорта. Казаки, понесшие значительные потери, стали поспешно отступать.

Моряки, обнаружив упорном, повели энергично преследование беспорядочно отступающих частей генерала Краснова и одновременно атаковали бронепоезд, стараясь его отрезать.

Войска Керенского — Краснова поспешно отходили по направлению к Гатчине.

Наши отряды заняли Царское село.

В 11 часов вечера в Царское из Гатчины, где находилась штабквартира Керенского, без ведома его и Краснова прибыла казачья делегация из двух казаков и одного офицера с предложением вступить в переговоры.

2 часа ночи 1 ноября. Темнота — ни зги не видно.

На плаховском санитарном автомобиле по извилистой грязной дороге я вместе с казачьей делегацией и сопровождающими меня матросом Трупиным выезжаю в Гатчину для переговоров.

Часам к трем с половиной подсаживаем в Гатчинскому лесу. Пристаивая к нему площадь слабо освещена.

Автомобиль останавливается у ворот.

Узнаю, что м. дежурный офицер питается арестовать нас и требует сдачи оружия.

Отвечаю:

— Оружие мое — револьвер — я не сдам. Если вы посмаете к нам доехать для того, чтобы взять одного из нас в заложники, то этим вы не достигнете цели. Знать, мой арест вам дорого обойдется.

Шум похолодевшего автомобиля и мой разговор с дежурным офицером привлекают внимание групп казаков. Казаки, окружив нас вольном, требуют немедленно освободить меня и пригласить к себе в казармы.

На Пулковских высотах.

С картины Р. Френца.

Спрашиваю:

— Керенский здесь?

— Да...

— Я требую, чтобы к нему был приставлен надежный караул. В случае его погоне вы отечаете.

Не теряя времени, рассказываю собравшимся о перепроходе, о разминувшихся событиях. Некоторые офицеры из числа присутствующих стараются перебить меня выкриками, но казаны, ископа поспытывая на офицеров, нетерпимо заывают:

— Правильно, матросы — наша братва, мы с ними пойдем.

Через час казармы не вмещают всех собравшихся казаков и конюхов.

К 6 часам утра удается добиться согласия казаков немедленно арестовать Керенского.

Из казармы в сопровождении неизменного сутенера — матроса Грушина — нескольких сот казаков направляюсь во двор, в казачий комитет.

Около 10 часов собирается комитет, почти целиком состоящий из офицеров. Обращаясь к казам:

— Позвольте, ведь у вас офицерский комитет, а не казачий. Где же казаки в вашем комитете?

Прислушавшись, как у них будут реагировать казаны.

В ответ несется дружный воглас:

— Правильно!

На этот раз офицерство просчиталось. Перед двором в течение получаса происходит перебранка комитета. Казаны просто избивали своих представителей: не голосуя, выкрикивали фамилии и тут же посылали в комитет.

Долго убеждая волей комитет в необходимости немедленного ареста Керенского, заявляя, что я отпущен моряками до определенного срока, после чего моряки начнут обстрел Гатчины и перейдут в наступление.

Около 12½ часов, когда мне, наконец, удается склонить комитет арестовать Керенского, приходит телеграмма, оглашенная дежурным офицером: «Из Луги отправлены 12 вешелов уадириков. К вечеру прибавят в Гатчину. Савицков».

Телеграмма вызвала среди казаков замешательство, нерешительность. Мне предьявля контртребувание — подписать договор, в котором казаны отказываются от вооруженной борьбы с нами, но с тем, чтобы их пропустили на Дон и Кубань с оружием в руках.

Нужно, с одной стороны, выиграть время для подхода отряда моряков, чтобы Гатчину захватить врасплох, с другой — без промедления, до прибытия уадириков, арестовать Керенского.

Воспользуясь «стратегический ход», решаю подписать договор.

Между тем Керенский, следивший за ходом переговоров, не нашел в себе мужества в последний момент появиться среди казаков и заявить о том, что он готов погубить на своем посту, но несогласен с заключением договора. Переодевшись, он позорно бежал.

Воспользуясь бегством Керенского было промедло; казаны и конюеры тут же послали телеграмму:

— Всем! Всем! Керенский позорно бежал, предательски бросил нас на произвол судьбы. Кавдий, кто встретит его, где бы он ни появился, должен его арестовать как труса и предателя. Казачий совет 3-го корпуса».

Вскоре после того в Гатчину вступили Финляндский полк и отряд моряков, а через 2 часа конюеры и казаны были обезоружены. Оставался еще генерал Краснов — надо было его арестовать. В 6½ часов вечера вместе с командиром Финляндского полка им вошли в казарму Краснова. Краснов подказал нам настречу.

— Генерал Краснов, именем Совета народных комиссаров вы и ваш адъютант арестованы.

Краснов: Мы меня расстреляете?

— Нет. Мы вас немедленно отправим в Петроград.

Краснов. Слушаюсь.

В эту же ночь несколько напившихся казачьих офицеров пытались поднять восстание среди казаков и конюеров, но были тут же расстреляны.

Для защиты Гатчины против приближающихся батальонов уадириков имелась налицо бое 500 метров, один батальон Волынского полка и около 150 красногвардейцев.

Я вместе с командиром Финляндского полка решил послать настречу уадирикам делегацию, предлагающую сдать Гатчину. В 8 часов утра 3 ноября вешелом уадириков подошли к Гатчине на расстоянии 5 верст.

После кратких переговоров уадирики (их около 3 тысяч) переходят на нашу сторону. Лишь незначительная группа офицеров, отстреливаясь, пытается бежать, но сами уадирики рассеивают их пулеметным огнем.

Через некоторое время уадирики жарво

вступают в Гатчину. Для ознакомления с событиями они посылают своим делегатам в Петроград к Владимиру Ильичу.

Наступила первая, как будто спокойная ночь после занятия Гатчины и разворованной конюеро, уадириков и казаков 3-го казачьего корпуса.

Гатчинский дворец, где недавно еще слабые мира еще вершили судьбу обезбоженных масс, сиял, поруганный в темноту. Сегодня он занят теми, кто пришел из далеких, неопытных просторов родной земли, кто на своих спинах вынес всю тяжесть казаны помещиков и фабрикантов, кто выносил всемоуло зло к победе, к торжеству рабочего класса. Моряки, красногвардейцы, вожди, еще вчера со штыками наперевес бросившиеся на бронешоел, отражающие казачьи атаки, уничтожавшие посланий отряд Волеминого правителя, сейчас спят глубоким сном людей, уставших от бессонных ночей и бита.

Закатясь, утренняя заря после первой безмятежно проведенной бойцами ночи. Красногвардейцы и моряки с радостными лицами и детскими улыбаками шутят, отпуская остроумия. Но вот команда полков. Снова суровые, с полными отбави аннами, девируясь страдла на вокала. Они спешат на помощь московским рабочим, они спешат туда, где мощным ударом разметут сям контрреволюцию.

Они понимают, что первыми отбкрывшими победаны далеко еще не упрочили авосования революции. Контрреволюция организовывалась. Уже предьявлялись многочисленные фронты. Среди рабочих-путловцев, участвовавших в боях под Гатчиной и Красным селом, было очень много молаеши.

Мое внимание привлекла одна пария, в которой маленькому елаи ми минуло 16, а старшему — 18 лет. С ними был из отей, крепкий уадирикий, в глазах которого светилась молаеши энергия, не сломленная долгими годами тяжелого труда и лишения.

Невольно заинтересовавшись тем, что толкнула старика-отца подвергнуть смертельной опасности сына синовей, я задал ему вопрос:

— Зачем ты взял с собой ребят?

— Пусть учатся, как надо уничтожать идеологию каз нады буржуазия,— был ответ, сопровождаемый суровым блеском взгляд ставших колесными гавз.

«Случайные попуты карган болавишников, покурт Ленина и Сталина, рабочие без страха взяли аппарат управления государством в свои руки».

А. СУРКОВ

Рождение человека

Убор свей берега уроонит,
И сдвинется грань бытия,
Вот вся она, как на аадоии,
«Пора золотая» моя.

Картини уюмной природы:
Далеский сосновый лесок,
Кустарники, тощие асходы,
Стулмог до желтый песок.

Над уадицей нашей пустынной
Закат догорает, багров.
Солдаты, грозил хворостиной,
На двор загонит коров.

Промывает ленский пл на бере,
В травеюи и сияете кизита,
За ригами в пыльном угаре
Частушки поет рекрута.

Плывут паутини волоака,
Крайняя за гута густя,
Словом никак мутные она
Урюмо глядят нивыта.

Старик, похивамай и дрешник,
Кобылку адет в ниводу...
Такой я оставил деревню
В десятиаадем, дальнем году.

Просторные светаме дали
За лесом мерещилась нива,
Но счастья напарно не было,
Мы в дальней, нудной стороне.

И юность, без ласки, без друта,
Тнулася пуста и горька...
Все было: любовь, и ругань,
И слезы в тени верстака.

И юность, темна и убога,
Ивакала тысячей жала.
И рано замерзала в бита
И рано душой возмужала.

И ераде мне в интересеи
Стучало: не сдвинь, держись!
Как солнце весеннее, Ленин
Вошел в эту страшную жизнь.

Он мне, человеку овраню,
Бесправнейшему из людей,
Сказал: поднимайся, ходишь,
Сражайся с миром вражде!

И встал я под красное знамя,
И был беспощадеи и бов;
И выпрала синовия руками
Из пропасти долю свою.

Восстания

В армии, большинство которой состояло из крестьян, с каждым днем нарастало озабоченное против буржуазного Временного правительства, бесконечно затягивавшего войну и отнимающего крестьянам в земле.

Накануне восстания ряд работников Военной организации большевиков был поручено обеспечить переход на нашу сторону частей петроградского гарнизона. Я получил также же задание в отношении Западного гарнизона гвардейского полка и Западного отменительно-химического батальона.

Всем нам были выданы мандаты от имени Военно-революционного комитета Петроградского совета, в которых значилось, что мы назначены в части в качестве комиссаров Военно-революционного комитета. Формально эти мандаты не имели законной силы, так как ни Петроградский совет, ни его Военно-революционный комитет не имели права назначать комиссаров в воинские части. Но этим обстоятельством можно было сполна пренебречь: революция вступала в свои собственные права.

Мне легче всего было договориться с Отменительно-химическим батальоном, так как я был в нем младшим офицером и солдаты его по положению состава выбрали меня депутатом в Петроградский совет.

Являвшись в батальон, я прежде всего направился к солдатам. По всем ротам я созвал общие собрания. Выступая от имени Военно-революционного комитета, я указывал на то, что контрреволюция, группирующаяся вокруг Временного правительства, в настоящее время

исполняет только распоряжения Военно-революционного комитета. Настренив солдат было боевое, революционное. Помимо, в одной роте у кого-то из солдат вырвался искренний возглас: «Давно бы так!»

Чувствуя за собой поддержку солдат, я решил известить о моих назначениях командира батальона гвардии полковника Мартынова.

В штабе батальона полковника Мартынова не оказалось, и мне пришлось говорить с его помощником поручиком Наведкиным. Услышав мое сообщение и прочтя мой мандат, он полна из меня холодеет, ставшие глаза и безстрастным голосом сказал:

— Мы принимаем распоряжения и назначения только от штаба Петроградского военного округа. Вы, как офицер, должны были бы это знать.

— Хорошо, — ответил я, — попробуйте действовать помимо меня, но только помните, что ни одно ваше распоряжение без моего подтверждения не будет выполнено солдатами. Глава поручика Наведкина на мгновение басуны лобой, но он овладел собой и, позав похвально, сказал:

— Хорошо, я передам ваши слова командиру, но только помните, что вы играете в опасную игру.

Впоследствии штаб Петроградского военного округа для приказа арестовать комиссаров Военно-революционного комитета, но для приведения этого приказа в исполнение у него не оказалось сил.

В Гвардейском полку командир части полковник Корнев не пользовался абсолютно никакой властью и весной делами заправляла полковой комитет, состоявший почти полностью из левых эсеров. Партия левых эсеров тогда еще только образовалась и представляла собой якобы дружескую нам, но колеблющуюся организацию. Впоследствии, в 1918 году, эта партия окончательно скатилась в контрреволюционное болото и перестала существовать.

Членам полкового комитета во главе с его председателем левым эсерам солдатам Федоровым принял меня довольно любезно. Комитет на экстренном собрании единогласно принял мое полномочие, но я чувствовал, что искренность в их поведении мало и что на этих «лужайках» особенно полагаться не следует.

Своем мне отношение встретила и со стороны общего собрания солдат, которое было созвано в большом зале Гвардейских казарм. Здесь я с первых же своих слов почувствовал, как протиснулись инстинкты доверия между мной и слушателями. Дождя мой часто прерывался восторгами «правильно», а когда я предложил резолюцию о готовности всех встать, как один, на защиту Петроградского совета, за не поднялся целый лес солдатских рук.

...

Ввиду того, что Гвардейский полк как военная единица имел больше значения чем Отменительно-химический батальон, я решил остаться в полку и поддерживать с батальоном непрерывную связь. Для этого я взял одну из свободных кроватей в пулеметной комнате Гвардейского полка.

Решением были два дня — 24 и 25 октября 1917 года.

24 октября я позвонил по телефону в Военно-революционный комитет, чтобы узнать, как обстоят дела и нет ли каких-либо новых инструкций. Мне сообщили, что момент откры-

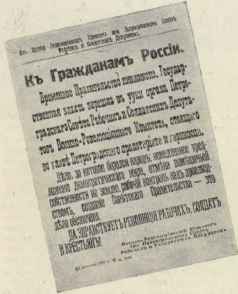
Уже двадцать лет прошло после великих Октябрьских дней, а как будто все это было только вчера. Так ярко стоят в памяти эти туманные, осенние вечера, полные тревог и надежд, эти митинги и собрания, насыщенные боевым революционным настроением, бурная бессонная ночь 25 октября и, наконец, всеобщая радость при чтении таких простых и простых газетных строк: «Временное правительство свергнуто. Власть перешла в руки Рабоче-крестьянского правительства». Но, о чем десяти лет мечтали лучшие представители прогрессивного человечества, намало твое реальное осуществление. Пришло время социалистической революции, разрывающей цепь мирового империализма в ее наиболее слабом звене.

Проведение Октябрьского переворота является изумительным образцом большевистской революционной тактики. Но даром ни непосредственно руководившие нами гениальные вожди товарищи Ленин и Сталин. Подготовка к перевороту велась задолго, и были приняты все меры, чтобы исключить самую возможность успеха и поражения.

Задача осложнялась тем, что мы, к сожалению, никак не могли рассчитывать на не ожидающую для Временного правительства нашего выступления. Главные предатели Зиновьев и Каменев, не ограничивавшие опостыленной борьбой, которую они вместе со своими единомышленниками вели против Октябрьского переворота внутри нашей партии, опубличовали в буржуазной печати свое письмо, в котором они подлым образом открывали врагу наши планы. Буржуазное Временное правительство и верхи армии оказались, таким образом, предупрежденными о готующемся перевороте. Однако это не могло спасти волю нашей партии, поддерживаемой миллионами рабочих и крестьян, и подготовка к выступлению продолжалась, не ослабевая ни на минуту.

Накануне Октябрьского переворота стало очевидно, что на стороне большевистской партии большинство рабочего класса и что наши лозунги поддерживаются миллионами массами крестьян. Советы рабочих депутатов, в которых с начала революции преобладали меньшевики и эсеры, теперь становились сплошь большевистскими. Уже в августе — сентябре большевики получили большинство в Петроградском и Московском советах. Социалистический центральный исполнительный комитет советов получал со всех концов стран резолюции с требованием перехода власти к советам. 1 сентября, ЦИК получил 126 таких резолюций от местных советов.

Революционные настроения рабочих выразились не в одной только резолюции. По всей стране перекатывалась волна экономических и политических забастовок. На многих предприятиях рабочие по собственному почину вводили контроль над производством, а в некоторых местах (например в шахтах Донецкого бассейна, на Харьковском паровозостроительном заводе) выгоняли администрацию и захватывали предприятия в свои руки.

Листовка, написанная Лениным, о победе Великой октябрьской социалистической революции.

мобилизует свои силы, и потому Петроградский совет более чем когда бы то ни было нуждается в поддержке избранных им рабочих и солдатских масс.

Солдаты дружными аллопедиями приваивались мое сообщение и единодушно обещали

го столкновения с Временным правительством приближается. Временное правительство пытается сосредоточить вокруг себя преданные ему части и, несомненно, сделает попытку разогнать Петроградский совет. Поэтому нужно быть все время начеку и в полной боевой готовности. Узнав об этом, я сейчас же предупредил Огнетисто-химический батальон и отдал соответствующее распоряжение по Гренадерскому полку.

Едва я покинул с этими делами, как прибежал солдат и сообщил, что Временное правительство разводит мосты. Вспомнил я изюминку дня, когда Временное правительство именно с развода мостов начало свой поход против нас. Но теперь соотношение сил было уже не то. Весь петроградский гарнизон был за нас.

Если немедленно послать один патруль к Гренадерскому мосту и другой к Самсониевскому с приказанием во что бы то ни стало свести мосты.

— Если вам будет оказано сопротивление, — сказал я им на прощание, — действуйте оружием.

Через несколько минут солдата одного из посланных патрулей вернулось, таща с собой какие-то тяжелые железные предметы.

— Товарищ комиссар, — доложил мне старший, — мы свали мост, а чтоб надежнее было, — забрали от него ключи. Теперь его уже никак нельзя развести.

За патрульными, хрюкая и ругаясь, тащились старикотеры.

— Ничего, дедушка, не беспокойся, — утешал я его. — Ключи у нас будут в полной сохранности.

— Да я ничего. Уж ладно, — проворчала себе под нос старик и, взглянув еще раз на ключи, пошел к выходу.

Индивидуальная патруля была очень убойной, и я поручил другому патрулю сделать то же самое. Скоро весь угол комитетов, где помещалась полковник комитет, был завален тяжелыми ключами.

Знаком с мостами интересен я характером тем, что здесь мы впервые выступили как сила, противопоставляющая себе Временному правительству. Оно дало распоряжение, а мы самолично, опираясь на вооруженную силу, отменили его и настрадали на своем. Этим шагом мы уже непосредственно вступали в борьбу с Временным правительством.

Вечером того же, 24 октября в Гренадерский полк прибежал захваченный солдат из коламы, общающийся Павловское военное училище. Военные училища были частью, вверенные Временному правительству. Солдат в волнении сообщил, что получил приказ от Временного правительства явиться в полном составе на Дворцовую площадь и что конюхи собираются вступить. Для члена полкового комитета Гренадерского полка и я поехал в Павловское училище.

На прилегающих к училищу улицах стояли и лежали в разном состоянии группы солдат, вооруженных с ног до головы. В одном месте, прямо на мостовой, стоял пулемет, повернутый дулом к училищу. В темноте осеннего вечера, прорезанной лишь яркими огнями фонарей, картина эта казалась странной и жуткой.

Это была солдатам Огнетисто-химического батальона. Они радостно приветствовали нас и сообщили, что готовы прийти бой с Павловским училищем, куда конюхи вздумают вступить на поддержку Временного правительства. Лица их горели воодушевлением и отвагой. Нас порывали на революционное дело и индигитация.

Простившись с химиками, мы направились в Павловское училище. Здесь в помещении команд солдат мы застали большое волевание.

Маленькая ярко освещенная комнатка была битком набита солдатами, шумно разговаривавшими между собой.

Председатель комитета, солдат среднего возраста с умным и энергичным лицом, сообщая нам о том, что происходит в училище. Получив приказ Временного правительства прибыть на Дворцовую площадь, конюха собрался уже выступить, но команда солдат категорически заявила, что она не допустит выступления и с оружием в руках будет ему противодействовать. Пока конюха собрался и строились на дворе, команда солдат совместно с отрядами красной гвардии фабрики «Дукат» и химиками успела оцепить училище и растащить пулеметы таким образом, чтобы все входы и выходы оказались под пулеметным огнем. Это произвело на конюхов большое впечатление, и они вернулись в свои помещения.

Однако не исключена возможность, что они повторят свою попытку, и поэтому «осада» училища продолжается. Председатель комитета тут же показал нам набросанный на клочке бумаги схему расположения отрядов с указанием, где находится пулеметы. Все было сделано толково и с пониманием дела.

Узнав, что сейчас как раз происходит за-

Ктога представитель ЦИК советов окончила свою речь, я попрощался со слона.

Я слышал возмущение, как тех знала, что если не удастся убедить слушателей словами, то придется в буквальном смысле вступить с ними в бой. Об этом я прямо и открыто заявил им с первого же своего слова. Я сказал, что если над нами висит сейчас опасность гражданской войны, то их выступление будет к ней первым шагом. Мы не можем допустить выступления конюхов, так как оно явилось бы вызовом остальным частям Петроградского гарнизона.

После меня выступил член солдатского комитета Гренадерского полка с аналогичными заявлениями. Затем слово было поставлено на голосование. Три человека голосовали за выступление, 9 — против и 18 (!) воздержались. Пробовая было переголосовать, но результат получился приблизительно такой же. Он ясно показывал, что большинство конюхов отрядами колебания и нерешительности не подвержено. Тогда решили второе голосование считать окончательным и не вступать.

К вечеру 24 октября положение выяснилось с достаточной определенностью.

Военно-революционный комитет под непосредственным руководством товарищей Ленин и Сталина приступил к активным действиям по свержению Временного правительства и взятию власти.

Вечером 24 октября Ленин покинул свою загородную квартиру и прибыл в Смольный, где уже находился Сталин.

Ленин утвердил план восстания. Весь ход восстания подтвердил основные положения революционной тактики, гениально изложенные Лениным в «Советах по борьбе с контрреволюцией, фашизмом и террором» и в «Письме к товарищу Ленину» от 15 октября. В 6 часов 40 минут сводный отряд красновардейцев, матросов и солдат занял Штаб военного округа.

Около шести часов Ленин передал записку в штаб Военно-революционного комитета. Он требовал ускорить взятие Зимнего дворца. Гренадерский полк и Огнетисто-химический батальон не успевали вступить в Зимний дворца: эти части были оставлены в резерве как угроза против возможного удара конюхов с тыла. Это решение было очень дальновидным и впоследствии полностью себя оправдало.

Уже началось темнеть, когда раздался пушечный выстрел. Это стреляла «Аврора», вошедшая в устье Невы. Вслед за пушечным выстрелом раздался третий выстрел. Наши части начали штурм Зимнего дворца.

Я сейчас же отрядил одного солдата на Дворцовую площадь узнать, как обстоит дело и не требуется ли подкрепления. Одновременно я распорядился держать половину полка в полной боевой готовности.

Солдат вскоре возвратился и сообщил со слона, что конюхи не вступили, что все обстоит благополучно. Зимний дворец занят. Временное правительство арестовано.

Итак, социалистическая революция, возглавляемая нашей партией под гениальным руководством товарищей Ленин и Сталина, победила. Открылась новая важная страница мировой истории.

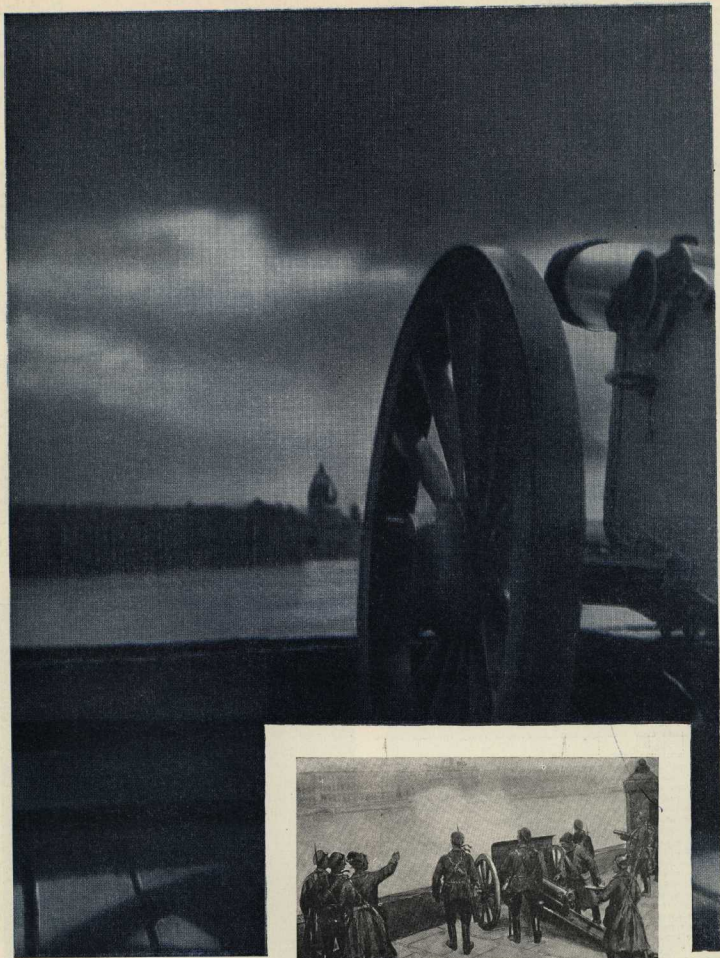

Первое выступление В. И. Ленина в Смольном

С картины К. Юона.

дание общеполкового комитета, на котором обсуждался вопрос — выступать или не выступать, мы поспешили туда. Наше появление в зале, где заседал училушский комитет, состоящий преимущественно из конюхов и офицеров, вызвало удивление. Все отгадывал нас, не зная, кто мы такие и зачем сюда пришли.

В это время говорил делегированный на собрание член, покинувший свои последние дни сослуживцев центрального исполнительного комитета советом, какой-то офицер. Выступление его было очень характерно. Сначала он настаивал на безропотном исполнении приказа Временного правительства, но потом, видя, что собрание напугано перспективой предстоящего столкновения с солдатами, он предложил «согласительную» резолюцию, смысла которой был таков: комитет Павловского военного училища считает, мало, нежелательным в данной обстановке выступление конюхов на улицу, но если Временное правительство настаивает, а последнее требование не исполнено, то Павловское училище немедленно его выполнит. Временное правительство пыталось обеспечить себе вооруженную поддержку, а меньшинство-искусственный ЦИК совет в лице своего представителя нигде при этом возмущал роль прямого исполнительного революцион. Картина была поучительная.

Гулф Ливонии. Вид с батареи Петропавловской крепости.
Отсюда в 11 часов вечера 25 октября 1917 года армейско-
гвардейцы начали обстрел Зимнего дворца (фото И. Гуденко).
Внизу — рисунок г-на. Валленберга «Обстрел Зимнего дворца».

ПОВЕСТЬ *без вымысла*

Угренная «обработка» дворников в полицейском участке.

1. ЧУГУНО-МЕДНОЛИТЕЙНЫЙ ВСАДНИК

Среди хранившихся в архивах старых протоколов, актов и писем я напел несколько таких, из которых можно было бы составить правдивую повесть о мальчике, попавшем «в ученье» в большой завод.

Эту повесть надо было бы начать с того, как мать берет сына за руку и отправляется с ним в полицейский участок.

В участке, у деревянного барьера, толпятся просители. В тесной и грязной комнате спертый воздух, пропитанный запахом тысяч запаленных, запалевавших бумаг, которые кишами лежат на столах, заволакивая развешенные плакаты, грохочащиеся кучами в угаз.

Паспортист, хмурый, небритый, с опухшим лицом, словно он три дня пил запоем, перелистывает бумаги, делая вид, что никого не видит и не слышит.

Тогда то и дело расступается, пропуская какого-нибудь именитого просителя, который проходит прямо в кабинет пристава, или давая дорогу бравому околоточному, красавцу с черными усами и кизым глянцевым лицом.

После двух часов ожидания очередь доходит, наконец, до нашего героя и его матери. Суровый паспортист обретает слух и зрение, ошущив в кулаке трепыхавшуюся бумашку. Короткий разговор, скрип пера по бумаге, завитки над подлинно — и чудо совершилось: десятилетний мальчишка стал двенадцатилетним, потеряв сразу три года своего детства.

Детство внезапно кончилось. Ребенку ничто не препятствовало больше поступать на фабрику: по закону, разрешалось принимать детей на фабрику начиная с двенадцатилетнего возраста.

Нахлобучив опять шапку на голову сына, мать идет с ним в фабричную контору. Конторщик извлекает из стола бланк договора, записывает в него имя, фамилию, возраст «ученика» и протягивает договор матери: «Распишитесь». Красная, потная, взволнованная мать ставит внизу «за неграмотность» большой крест.

Договор заключен на четыре года. Это значит, что ребенок опять потерял четыре года жизни, но на этот раз не на бумаге, а на деле. Крест на договоре — это крест над лучшими годами жизни, когда человек учится, растет, познает мир.

Такой договор лежит сейчас передо мной. Заключен он между заводчиками господами Лангензиппен и К^о и Елизаветой Волковой. Елизавета Волкова отдала своего сына Владимира в учение по чугунолитейному мастерству сроком на четыре года.

Условия такие: Елизавета Волкова обязуется содержать сына на свои средства и «приложить все меры к тому, чтобы он всегда был лучшим поведением и к делу относился с усердием». Вознаграждение определяется в первом году учения 4 рубля 50 копеек в месяц, во втором — по 5 рублей 50 копеек, в третьем — по 6 рублей 50 копеек, в четвертом — по 7 рублей. Это выходит в первом году «учения» меньше двугривенного в день! «За прогульные дни или неявку на работу по случаю болезни вычитывается по 30 копеек за каждый день».

Значит, если мальчик заболел, он подпадает за это наказание,

штрафу: за каждый день болезни должен платить столько, сколько может заработать только в два дня.

Но и это еще не все: «штрафы» и вычеты за прогульные дни или: за неявку на работу улаживают срок учения. Этак, если соблюдать договор, можно было до седых волос просидеть в учениках!

И, наконец, последний, самый грозный параграф предупреждал:

„Мы, Лангензиппен и К^о, принимая в учение Владимира Волкова, предоставляем себе право при дурном поведении его, частых проступках против заводских правил и установленного порядка вообще, неохоте к работе, явной неспособности или по другим уважительным причинам удалить Владимира немедленно от учения и с завода, не уплачивая ничего, а в случае самовольной отлучки Владимира с работы преследовать его законом“.

Вы только представьте себе. На одной стороне — «Мы, господа Лангензиппен и К^о, чугуно- и меднолитейный механический и электротехнический завод».

На другой стороне — мальчик Володя Волков.

Стоило только Володе Волкову опоздать, заболеть, недосмотреть за чем-нибудь, как в его памяти возникали слова: «Мы, чугуно- и меднолитейный завод... удалить от учения, не уплачивая ничего... преследовать законом».

Всем нам странно становится, когда мы читаем о том, как Медный всадник преследовал Елену. Но тот гигантский чугуно-меднолитейный всадник, который преследовал Володю Волкова, был, пожалуй, еще страшнее.

В каждом углу разлазился грозный окрик, который был самшен на самых алчных окриках. А удары парового молота сотрясали землю тяжелее топота тысяч копит.

В кузнице старой фабрики негде было упасть 1000-ю.

2. О СЕМЕЙНОМ ОЧАГЕ

Таким, как Володя Волков, было много на заводах прежней России.

На «Красном треугольнике» и сейчас еще есть работница, которые поступили на завод маленькими девочками. Елизавете Волковой было одиннадцать лет, Вере Жуковой девять, когда они стали работницами «Товарищества Российско-Американской резиновой мануфактуры».

В одном подвале несколько семей, в каждой семье дети.

Помню: в детстве мне не раз приходилось читать в какой-нибудь чувствительной повести, как трудолюбивый бедняк, провел день на работе, возвращается домой, к семейному очагу. Там его уже ждет семья, собравшаяся за столом. Малышки-дети хохочут в ладоши, увидев отца. Пленя подает на стол скромный ужин. Сторожим молчуть, семья принимается за еду. Вечер проходит в тихой, душевспокойной беседе у камелька, в котором потрескивают дотрагующие угольки. И, наконец, в назначенный час, благословив малышей, честный труженик ложится на свою жесткую постель и засыпает счастливым сном человека, который хоть и беден, но чист сердцем и не променяет своей участи ни на какую другую.

Так ли все это было на самом деле? Начнем с «семейного очага». Рабочий возвращается после работы домой, но всегда ли он находил дома своих «малышек»? Очень часто случалось, что в то самое время, как он приближался к дому, его дети сидели уже или стояли за работой на одной из соседних фабрик.

Об этом автор чувствительных повестей обычно умалчивал. А между тем, как трогательно могли бы они рассказать о «заблудившихся» фабрикантах, которые устранили для малышей особые подставки, чтобы им легче было дотянуться до рабочего стола!

По закону 1890 года, запрещалось принимать на фабрики детей моложе двенадцати лет.

Немало сказать, чтобы это был «человеколюбивый» закон. Что ни говори, а в двенадцать лет ребенку рановато еще становиться рабочим!

Но и этот закон всецело обходил. Хозяевам выгодно были дешовые «рабочие руки», или, вернее, «рабочие ручки», а родителям надо было как-нибудь прокормить семью.

За соблюдением закона должны были следить фабричные инспекторы. Но столько только прозвенит колокольчику тройки, на которой ехал по тракту фабричный инспектор, как сейчас же всех детей выпускали на свободу. И эти маленькие «рабочие», радуясь минутному отпуску, принимались сейчас же гоняться друг за другом, играть в пятнашки, в бабки.

Фабричный инспектор Гвоздев рассказывает, как он однажды, пригласив колокольчик, внезапно явился на фабрику и застал всех детей за работой, даже совсем крошечных.

Когда он обратил на это внимание хозяина фабрики, тот пришел в негодование.

— Я из милости принимаю малышей, — возмущался он, — чтобы только дать им кусок хлеба, снисходя к слезным мольбам их матерей,

у которых, может, и рабочих больше нет! Мне же они не нужны совсем, а меня за то будут штрафовать... Удалить сейчас же всех малышей и больше не принимать! Пусть ходят, милостиво вьются!

«Не знаю, — пишет Гвоздев, — что взошло вверх над его оскорбленным чувством: человеколюбие или расчет, — но только малыши уволены не были».

Кроме закона 1890 года были и другие законы, циркуляры, распоряжения, которые должны были защищать детей, ограждать «семейный очаг».

21 июня 1891 года министерство финансов разослало циркуляр, в котором сказано:

«В видах ограждения добрых, нравственных основ семейной жизни, которые могут быть поколеблены при разобщении на ночное время родителей с детьми, а жен с мужьями... разрешать ночные работы подросткам и женщинам, когда эти работы исполняются ими одновременно и совместно с главами их семейства... Только при совместности ночных работ подростков с их отцами, а жен с их мужьями может осуществляться действительный контроль глав семейств над поведением остальных его членов».

Вот как закон ограждал «семейные основы», «семейный очаг»!

Что же это был за «очаг», перед которым с благословения начальства собиравшись вся семья поздним вечером, когда обычно детям уже полагается спать крепким сном?

Разве это был тот камельок, о котором рассказывала чувствительная повесть?

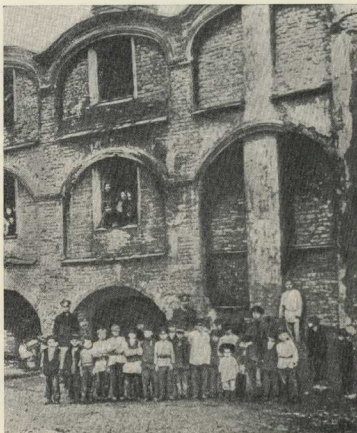
Нет, это была какая-нибудь громадная, запыленная пылью и никчемная остовающаяся заводская печь, в которую надо было не переставая подбрасывать уголь.

И эта печь сядла вместе с углем и все здоровье, все силы детских, еще не окрепших тел.

3. ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ МАЛЬЧИКА

Но будем продолжать нашу повесть, основываясь не на вымыслах, а на протоколах и актах.

Мы же знаем, что дальше было с Володей Волковым. Но мы знаем историю другого мальчика, который работал на том же самом заводе, у тех же господ Лавгенинцев и К°. Эта история дошла до нас в акте, составленном фабричным инспектором 30 ноября 1904 года, «о дурном

Бегдаворные дети во дворе фабричного общежития.

обращении мастера, германского подданного Эриха Берядского с под-
ростком, рабочим Станиславом Воляским.

Воляский показывал:
«Я работаю на заводе с мая этого года. Во все время моего пребывания на заводе за различные мелкие упущения и проступки меня бил мастер Бернадский обыкновенно ударом кулака по лицу или по шее. Недавно, неделю или три назад, он меня побил очень сильно при таких обстоятельствах.

Дети на вредном производстве. Стекольный завод.

В коковой печи для закаливания инструментов недоставало немного кокса, а на моей обязанности было подбрасывать в эту печь кокс. Заметив это, Бернадский очень сильно ударил меня в шею, всладевшись что я упал. А когда я поднялся и начал плакать, то он ударил меня лопаткой для подбрасывания кокса сильно в бок. Болит от этого удара и чувствовал до самого вечера.

Когда после удара лопаткой я от сильной боли прынул на косяк и плакал, то Бернадский ударил меня несколько раз ногой в бедро и по ногам, требуя, чтобы я перестал плакать».

Затем следуют показания рабочих. Все они почти в одних и тех же выражениях подтверждают правильность показаний Воляского и удостоверяют, что мастер избивал Воляского неоднократно. Когда они выступали за мальчика, мастер ответил им: «Это — не ваше дело, я его хочу сделать человеком».

Почему же мальчик терпел столько времени и не жаловался никому? Мальчик на это отвечает в своих показаниях так:

«Не жаловался я на побои заведующему заводом, боюсь, что меня удалят с завода. Я живу с матерью, работающей на фабрике «Керстена», и маленьким братом. Средства у нас нет никаких».

Чем же кончилось дело?
В графе «Отметка об окончании дела» нет ничего.
Дело кончилось ничем.

Да этого и следовало ожидать. Ведь внимание ребенка вовсе не было каким-то особенным происшествием на заводе прежней России. Били и учеников, били и взрослых рабочих.

Защиты искать было негде и не у кого.

Защищать рабочих, по закону, должны были фабричные инспектора. Но у заводского инспектора в портфеле лежал циркуляр главного фабричного инспектора, а в этом циркуляре — «секретно» и «доверительно» — давались особые указания, как себя вести в подобных случаях. Циркуляр этот (№ 315 от 26 июня 1891 года) стоит того, чтобы его сейчас огласить.

Начинается он весьма грозно:

«Инстанциям, состоящие у нас на фабриках и заводах директоры, надзиратели (обермастерами) и мастерами, часто позволяют себе, как вам известно, крайне дурное обращение с подчиненными им рабочими, собственноручно подвергая их даже побоям за нарушение порядка и другие проступки.

И поступают они так не случайно, но под влиянием внезапно возникшего гнева, вызванного дерзостью рабочего, хотя и такое обстоятельство не может служить для них оправданием, а сознательно, систематически, из убеждения, что с русскими и польскими рабочими обходятся иначе, нежели, извину, иногда во неуважении производящего, неуважения к законам страны, в которой они, однако, находят себе средства жить и даже наживаться».

После такого грозного выступления главным фабричным инспектор продолжает излагать несколько более смягченным тоном:

«Хотя чины фабричной инспекции, по закону, не имеют права прилагать виновных в оскорблении рабочих действием к уголовной ответственности, тем не менее они могут весьма много содействовать уменьшению и даже искоренению этого столь распространенного у нас зла своим личным влиянием».

Тут голос фабричного инспектора делается еще более яростным и тихим, понимаясь почти до шепота:

«Конечно, здесь мне нет надобности напоминать вам, милостивый государь, что делаемые вами хозяевам, директорам и мастерам замечания по указанным мною выше поводам должны отличаться в той же степени нежностью, в какой и возмущительностью, как то подобает представителю правительственной власти».

И заканчивает фабричный инспектор свое обращение еле слышно: «Замечания следует делать наедине, в отсутствие рабочих, и вообще так, чтобы рабочие не знали об этом, дабы тем не подать им повода к превратному толкованию ваших действий и к пренебрежению надеждам на вашу защиту».

Яснее сказать нельзя было! Мы должны быть благодарны главному фабричному инспектору за откровенность.

Рабочим нечего было надеяться на представителей власти, нечего было надеяться на то, что их защитит закон.

Но вернемся к истории мальчика. Мы не знаем, что стало со Станиславом Воляским. Так же, как на станции меняют паровоз, так в нашей повести придется сменить, во второй раз, сменить героя.

Мы попались как-то на глаза номер газет «Речь», выпавший в марте 1911 года. На последней странице я нашел несколько заметок о мальчиках-подмастерьях и «учениках»:

● «В доме № 17 по Аштунскому переулку ученик мастерской И. Любо правит кат. Приселки — вальсы организованы с широким участием».

● «Возле Валадского сада падает с крыши одним из учеников-подмастерьев мастерской Костопорова. Мальчик заявил, что решил поговорить с собой вследствие местного общения с ним хозяина. Последней, по словам Костопорова,יתהוה היה в другие ученики».

Вот и конец истории «ученика».

Но это только один из концов — и притом самый грустный.

О другом, несомненно и существенном конце я расскажу дальше, на последних страницах этой повести.

4. ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ НАШЕГО ГЕРОЯ

В этой повести о мальчике нет того, что должно быть во всякой повести о детстве и отрочестве, — нет школы.

Почему же я ничего не сказал о школьных годах нашего героя?

Потому, что далеко не каждому мальчику удавалось поступить в школу.

Представим себе, что наш герой — на этот раз четвертый или даже пятый по счету — живет у Оубовского завода, где работает его отец.

Мальчику восемь лет, тот возраст, когда каждый из наших советских ребят в первый раз занимает принадлежавшее ему по праву место за партой.

Но дело происходит не сейчас, а в 1908 году.

Наш герой с нетерпением ждет осени. Он уже немножко разбирается в буквах, не пропускает ни одной новости на улице и с гордостью то и дело объявляет матери, что уже написано «Трактир», а там — «Гробовый мастер».

Трактирный и гробовый мастер были добрыми соседями.

Наступила осень. Осталось всего несколько дней до начала занятий. Мать ему покупает сапоги, шьет сумку из своего старого ситцевого платья. Прощение написано и отнесено в школу.

Мальчик покидает мать и уходит в школу. Он уверен, что через несколько дней попадет туда, где виднелось тесно сдвинутые парты и таинственная черная доска на трех ногах.

Правда, когда примерял сапоги, отец с сомнением покачал головой: Не рано ли собрался? Примишь ли еще?

Но сапоги эти мать и сам пропустил мимо ушей. В самом деле почему же его не принять, чем же он хуже других?

За три дня до начала занятий, 29 августа, в проходной конторе завода появилось объявление о порядке приема детей.

Вот это объявление полностью, так, как оно было написано в действительности:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Ввиду большого количества прошений, поданных мастерами, об определении детей в школу Обуховского завода на имеющиеся 160 вакансий в I отделении (80 мальчиков и 80 девочек), 40 вакансий во II отделении и 17 в III, мною утвержден следующий порядок приема в школу.

Подобно тому как для назначения квартир в казенных домах каждому кандидату в школу определено свое число, которое составляется из произведения: числа лет службы отца на заводе, числа детей у него, числа соответствующего разряда отца (причем I и II разряды присваивается число «В», III и IV — число «Н», V и VI разряды — число «10») и возраста кандидата в школу (причем это число лет умножается на 5).

Так например:

Мастер III разряда прослужил на заводе 20 лет, детей у него 5 человек, возраст определяемого — 9 лет. Школьное число будет:

$$20 \times 9 \times 5 \times 9 \times 5 = 40500$$

Первые 160 номеров считаются принятыми в школу.

Под объявлением стояла подпись начальника завода.

Рабочие, у которых были дети школьного возраста, подолгу простаивали около объявления, стараясь уразуметь его смысл. Решить головоломную задачу — высчитать «школьное число» своего ребенка — было не так-то просто. Весь этот вечер в рабочих домах взрослые люди занимались арифметикой: кто считали, складывали, зачеркивали и снова принимались считать.

Занимался арифметикой и отец нашего героя. Дела тут как будто обстояли неплохо. И разряд был не такой маленький — IV, и число лет службы разрядное — 12, и семья большая — семеро ребят мал-мала меньше. Хоть раз мог быть прок от этой оравы, которая вечно просила есть, но еще не могла работать.

Школьное число получилось:

$$30240$$

Через несколько дней в проходной конторе был вывешен список принятых. Около списка толпились рабочие: каждому хотелось поскорее отыскать свое «число» среди многих чисел. А число было все большее: 40 тысяч, 50 тысяч, 60 тысяч. В каждом числе, как в номере выигрышного лотерейного билета, была скрыта судьба.

Чем же кончилось дело для нашего героя?

Нашел ли его отец среди прочих чисел 30240?

Нет, этого числа в таблице не оказалось.

Что же было делать дальше?

Оставалось только одно — дожидаться следующего учебного года. За год увеличится на сантиметр и возраст кандидата, и число лет работы его отца, и, может быть, даже число членов его семьи.

Ну, а если и тогда «школьное число» не подойдет? Тогда придется отдать мальчишку в учение, где его будут учить не читать, а не считать, а бегать в пивную, подметать пол, таскать тяжёлые трубы и баяники.

Так очень часто и бывало. И если бы мы поведали нашу повесть в этом направлении, мы опять попали бы туда, где мы назвали уже Володою Волковым и Станиславом Боярским.

Предполагали другое. Предполагали, что наш герой — особенно способный мальчик и что отец во что бы то ни стало хочет дать ему образование.

За изоружную плату как почти совсем бесплатно знакомый студент соглашался подготовить мальчика в гимназию. Мальчик занимается усердно. Нет такой строчки в старых, потрёпанных учебниках, которую он не мог бы увидеть перед собой, закрыть глаза.

В день экзамена мать отправляет его с сыном в гимназию, захватив с собой в узелочке яблоко — для утешения на случай провала.

Шейфар, украшенный золотыми пуговицами величайшей с блочечко, ипрорная мраморная лестница, высокие классы с чистыми стеклами дверей. В коридоре, как по гадям воя, прогуливаются по сияющему паркету мальчики в черных куртках и поиски с металлическими пряжками. Их потопорились нарядить в форму, видно, никто не сомневался в том, что они будут приняты.

Мальчик уверенно оглядывается на вновь прибывших: на женщину «из протексы» и на мальчишку в куртке из жесткого сукна.

Важно и медленно пропалывает по фарфору королевы флажничский корабль — громадный директор с парусами расчесанной надвое бороды и с флагом орденской ленты на груди. За ним следом появляется и вся аскадра: быстроедыне крейсеры — учителя и суетливые миноносцы — хитроносые надзиратели.

Бой начинается.

Для нашего героя он кончается через несколько часов полной победой. С торжеством возвращается он домой и рассказывает всем о завоеванных потерях и четверках.

А на другой день мать, отправившаяся в гимназию за окончательным отчетом, прозвонит оттуда все в саазах.

Смы не принят «за отсутствием вакансий».

В чем же дело? Действительно ли не было вакансий?

Нет, вакансии были. И не приняла нашего героя совсем по другой причине.

Еще в 1887 году министр народного просвещения распорядился «о недопущении в средние учебные заведения детей лиц, занимающихся некоторыми предосудительными профессиями».

Что же это были за «предосудительные», т. е. постылые, профессии, за которые лишали детей возможности учиться?

Вы думаете, может быть, что тут имелись в виду дети воров, разбойников, мошенников? Ничуть не бывало. Чтось не было низких сомнений, министерство разнасило в особом циркуляре:

«Допускать в гимназии и гимназии только таких детей, которые находятся на попечении лиц, представляющих достаточное рачительство и правильное над ними домашнем надзоре и в предоставлении им необходимого для учебных занятий удобства».

Таким образом, при неуклонном соблюдении этого правила гимназии и гимназии освобождаются от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек и тому подобных людей, детей коих, за исключением разве одаренных необыкновенными способностями, вовсе не следует выводить из среды, в коей они принадлежат».

Этот циркуляр, словно сито, отсеивал при приеме всех тех, чьи отцы или матери занимались «предосудительными делами», т. е. попросту работали собственными руками. Отседал он и нашего героя.

Давите слазеем еще одно предположение: наградим нашего героя самыми необыкновенными способностями и предположим, что несмотря на все строгости его же-таки принимают на следующий год в гимназию, хотя отец его и занимается явно «предосудительным» делом: работает на заводе.

Мальчик учится прекрасно. Чтобы как-то просуществовать, он дает уроки, берется за всякую работу, почти просиживает над занятиями. И чем глубже проникает он в чудесную страну науки, тем сильнее хочется ему остаться в этой стране ее полновластным гражданином-исследователем.

Петербургский университет был местом митингов и демонстраций.

Как по ступенькам, подымается он, перескочив из класса в класс, к дверям университета.

И вот, наконец, он в первый раз входит во двор старинного красного здания на берегу Невы.

Каменная маршачная лестница — и вдруг перед ним знаменитый университетский коридор, бесконечная шумная улица, ведущая вдоль всего здания, главная улица города науки. Вот здесь и библиотеки! Вот в приоткрытую дверь лабораторий видны сверкающие на солнце колбы и реторты. Раздается звон, толпы студентов устремляются в коридор из аудиторий. Знаменитый ученич-человек, портрет которого висит у нашего героя в комнате, идет сам навстречу ему, окуривший учениками.

Но надо торопиться в канцелярию — подавать прошение.

Чтобы проникнуть в страну науки, нужно пройти через этот темный чиновничий мир.

А свидетельство от градоначальника о благонадежности имеется? Не имеется? Без свидетельства прошения принять не могу.

Но, полагая, и свидетельство от градоначальника тоже получено. Остается послать прошения в канцелярию.

В том же 1887 году, когда был издан циркуляр о «детях кучеров, лакеев и поваров», был издан и другой циркуляр, тоже для отсечения и просвещения.

В Историческом обзоре деятельности министерства народного просвещения об этом сказано так:

Ребята тоже вышли на улицу со своим знаменем.

ная пелука — и фишка стремглав летит вниз, в номер первый. Начните сначала, если не хотите сдаваться и бросать игру.

В жизни фишкой был человек. Если «школьное число» не подошло... — лети вниз. Если экзамен выдержал, — иди вверх.

Если твой отец — не чиновник, а попар, занимается «предсудительной профессией» — падай вниз до самого дна.

5. ТРИ СЛОВА, КОТОРЫЕ ПЕРЕВЕРНУЛИ МИР

У нашей повести много героев и много концов. Одни из героев, самые слабые, бросали игру. Другие, познание, провозглашала игру, стараясь если не идти вверх, то хотя бы удержаться на месте. Но были и такие, которые не хотели признавать законов игры, которые упорно боролась за новый строй, за новый справедливый порядок.

Это они разбрасывали на заводах большинство листовки. Это они первыми оставляли машин, когда начиналась стачка. Это они первыми шлоком и кусками железа в непрошенных гостей-городовых. Это они в девятсот пятом году выворачивали телеграфные столбы, соорудив баррикады. Это они в Москве, во время декабрьского восстания, отстреливались из револьверов от наступающих регулярных войск. Это они в феврале семнадцатого года на приказ «Разойтись!» отвечали криками: «Хлеба!», «Долой войну!». Это они в Октябре, стучи привадами, заколаки коридоры Смольного и громом приветствий встречали Ленина. И это они сражались у Зимнего дворца под знаменами, на которых было написано: «Вся власть советам!»

«Вся власть советам!» Эти три слова были в те дни везде. Написанные мелом вдоль бортов грузовика, они сопровождали в бой вооруженных рабочих. Напечатавшие на красное полотнище, они раскладывались над ушами, по которой двигались манифестанты. Напечатанные большими буквами на странице большинства газеты, они звали рабочих бороться до конца и победить.

«Вся власть советам!»

Три слова, в которых сосредоточилась вся воля большинства партии, весь разум лучших людей народа.

В 1887 году с целью отвлечь от университетов лиц низших и немудрых классов была в попытку министерства была «возвращена». Во сколько же раз она была «возвращена»?

Ровно в пять раз.

Удаться ли нашему герою одолеть и эту преграду?

Не знаю. Некоторым некогда удавалось.

Если оглянуться теперь на весь этот путь к науке, можно подумать, что это не повесть о человеке, а игра «вверх и вниз».

Знаете ли вы эту веселую игру, с доской, на которой множество всяких лестниц, стрелок, линий, ведущих и вверх и вниз? Вы бросаете косточку. Если она удачно легла, выпад фишка летит по лестнице прямо вверх, из номера седьмого в номер пятидесятый. Но в следующий раз не раз маленькая фишка летит в номер первый.

Вспомните, как раз маленькая фишка летит в номер первый.

Вспомните, как раз маленькая фишка летит в номер первый.

Три слова, которыми заканчивалась история порабожденной страны и начиналась история страны освобожденной.

Весь в самом деле, что это значило: «Вся власть советам!» Это значило, что власть переходит в руки тех, кто работает, в руки народного большинства. Это значило, что подавляющее большинство народа перестает быть подавленным и приращиванием и становится свободным.

А если так, то можно было тогда уже предсказать, что трудящийся народ, взяв власть в свои руки, позаботится уж о том, чтобы обеспечить за каждым, кто трудится, право на труд, право на образование, право на счастье.

6. СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ ПОВЕСТИ

А теперь мне хочется рассказать счастливый конец повести о мальчике.

* Прошло двадцать лет.

На большом металлургическом заводе в кабинете директора сидит за столом человек. Перед ним иностранные и советские технические журналы, сине листы чертежей с хитросплетением белых линий, клочки бумаги с колонками цифр, с закорючками радугами, с нитерками, похвощами на абелевских псах.

Человек проверяет чертежи и расчеты новой установки.

Знаете ли вы его?

Ведь это один из тех мальчиков-учеников, которых мы видели в думу и мраме низких, закопченных щек прежней России.

Теперь он директор социалистического завода.

Идемте дальше.

В круглых кобках ключом князь прозрачные итарные и рубиновые жидкости. Шумит над равновинной водоструйные насосы. В дементальных воронках меласно рассаживаются мучальщи. Белый пар подымается в потоку из фарфоровых чашек. Глушое памя горелок, колеблется, отражается в черной глади стола.

Напряженно сасая за термометром, замер у стола химик в синем халате. Ошибка в полграууса, и работа многих месяцев может пропасть даром.

Кто этот химик?

Это тот самый мальчик, который когда-то не попал в школу из-за того, что не подошло его «школьное число».

Идемте дальше, за горы, туда, где виднеется пологий холм и за ним — равнина, поросшая темными балками и оватами.

На холме группа командиров салит за ходом маневров. Один из них смотрит в бинокль, другой передает призыв по полевому телефону, третий выхлещивает над картой.

«Красные» перешли в наступление.

Кто же командует частями «красных»?

Это тоже старый знакомый. Это один из тех мальчиков, которые когда-то, во время стачки, швыряли шлоком и кусками железа в непрошенных гостей-городовых.

Меня спросят: кто же эти трое: инженер, ученый, командир?

Я отвечу старинной поговоркой: «Имя им — агитон».

Гуськи рабочих и крестьян стали в нашей стране знаменитыми инженерами, учеными, командирами, агрономами, педагогами, артистами.

Молодые летчики Советской страны ставят мировые рекорды. Молодые музыканты берут первые премии на мировых конкурсах. Молодые ученые создают новые виды растений.

В чем тайна их успеха?

В том, что миллионы людей открыт в нашей стране свободный путь к вершинам человеческой деятельности.

Раскройте Сталинскую Конституцию на той странице, где речь идет о правах гражданина.

Прочтите этот длинный перечень воленостей, прав, привилегий гражданина СССР.

Что они означают?

Они означают, что люди в нашей стране завоевали и отстояли свое право на осмысленную и разумную жизнь, достойную человека.

«За власть советов».

С картины Н. Кочергина.

ОКТАБРЬСКИЕ ПЕСНИ

1. СААВА

Саава солнцу золотому,
Саава звездам на Кремле,
Саава Сталину родному,
Саава сталинской земле!

Саава светлой жизни новей,
Саава родине труда,
Саава сталинскому слову —
Будет жить оно всегда!

Саава пламенному флагу
В поднебесной вышине,
Саава давшей нам отвагу
Нашей сталинской стране!

Саава всем, кто поднял реки,
Кто возводит города,
Саава Сталину навеки —
Будет жить она всегда!

2. ПЕСНЯ О БАЯНЕ

По лесам, долинам и полянам,
Вдоль прикамских, волжских берегов
Все с байном, ой, да все с байном
Мы ходили, ходили на врагов.

Покрывали нашу землю росы,
Падая снег, и ветер ема в краю,
Завивались ленточки матросов.
И летели конники в строю.

Мы свою страну отвоювали,
От боев к другим летя боям,
Запевали песню запедали
И свистел и вторил нам баян.

Где-нибудь в долине, в поле чистом,
В чистом поле за белой пургой —
Убивала пуля бляжиста,
Но вставала извнеч его другой.

Ой, ходила песня до Урала,
За Байкал, и с ней мы шли вперед,
И тогда она не замирала,
А теперь навеки не умрет!

На боевой вахте.

Рисунки А. Шульца.

Гришка

На станции Гришка нелого ждал Илью Ивановича. Он вышел на площадь веселый, румяный, даже подпритыкал чуточку. Сел на андешку и сказал:

— Поехали.

Гришка чокнула на жеребца, натянула вожжи: жеребец любил ходить на натянутых.

— Погоний, погоний, Грязшук! — сказала хозяйка. — Теперь некогда молоко возить. Раньше мы с тобой были обывателями, а теперь граждане. Дела другие пошли — молоко некогда возить.

В город ведет старенькая мостовая. Она называется «замостьем». На замостье булыжники от булыжника на аршин, а между ними разная дрянь и лям. Кованое колесо провалится в яму, даже жеребец с рысн сбивается, а хозяин хватается за Гришку:

— Ишь ты, дорога называется, вот бы ее забрали! Правнук, сволочи, двором строили да ямками цепами, а дорога хоть завалилась. Постой, Гришка, вот мы дорогу построим, дай с немцами управиться! Я тебя тогда на такой фаете посажу — во! Перышко на шапочку, а в руках не две вожжи, а четыре: пара — совсем другое дело!

— Пары, конечно, лучше, — говорит Гришка. — А кто теперь будет заместо царя?

— Народ будет, вот кто!

— А народу много...

— Ну вот и хорошо, что много. Из двух чашек один — дурак, а другой — с роду так. А со всего народу умного легче смыкать. Найдется кому.

Илья Иванович кивает на хаты, просторно разместившиеся по сторонам высокого замостья:

— Ишь живут! Соламенная жизнь! Привыкли и живут! На крыше солома, на воротах солома, на плетнях солома, на соломе спит, и в голове, кроме соломы, ничего нету. Другие государства все тебе делают: и часы, и очки, и коверкот разный, и манчестер, а у нас только солому умеем. А здесь построить нужно фабрику, например сушко делать. Сколько людей кормиться будет! Дело можно какое развернуть! Вот тогда мы с тобой и автомобиль кушим!

— Это какой же? — спрашивает Гришка, немного пугаясь будущей сложности.

— Ой Это, брат, чуло такос: был лошадей слет!

— Как посла?

— Куда там посла годится!

Гришка дальше не расширяет: ему все равно, на чем сидеть, главное, чтоб харчи были хорошие, а то в последнее время с харчами плохо стало...

III

Уже яблоки и арбузы послали, когда снова въехал Гришка за хляпином на станцию.

Илья Иванович вышел на площадь сердитый и даже «задрастав» не ответил. Сел на андешку и сразу заковырал спичкой в зубы. До самого моста возился с зубами. И только когда перекачал мост, спросил неласково:

— Ну, пролетарий, был на этом собрании? Как там эти... эмздораванованое?

Гришке почему-то не хочется рассказывать о собрании — он всякий чмокает на коня и отвечает между чмоканьем:

— Был.

— Солдаты разорялись?

— Как вы говорите?

— Солдаты были... Оратеры?

Гришка начинает вспоминать подробности собрания, и к нему приходит охота говорить:

I
Городишко Мирополье стоял на горе. Из окна вагона он казался живописным: на зеленых склонах кое-где мелькали светлоглаубые, светлоглаубые и темноголаубые маковки церквей, выше все-то подымалось из зелени стройное белое здание.

Железная дорога проходила от города в шести километрах, по железной дороге проносилась мимо города жизнь. Редко, редко кто-нибудь направлялся от станции в рошу. Чаще всего проезжала на своей андешке Илья Иванович Пивоваров.

Андешка у Пивоварова новая, яркая ее окрасили в розовый цвет, красна андешку Гришка держит в руках темнокрасные вожжи и управляет золотистым могучим жеребцом, не взятым на войну только потому, что засекрест.

В прошлом году Илья Иванович съезжал в губернский центр по делам и привозил оттуда целые ящики товаров, за которыми выезжали на поезде. Кое-что укладывали и на андешку — галантерее. А в этом году Пивоваров был неизвестно зачем, из всех карманов у него торчал газетик, а портфельчик каким тощим уезжает, таним и присажает...

II

Ранней весной, когда только что оделась листвою верба, Гришка въехал на станцию за хляпином. Это было гораздо приятнее, чем возиться в конюшне или перекадывать в магазине ящики. Кроме того Пивоваров был приятный и разговорчивый хозяин, а Гришке только и приходилось с ним поговорить что по дороге.

Гришка учился в школе и умел довольно ловко читать, Илья Иванович несколько раз хвалил его. В школе Гришка привык к мировому устройству. Была, например, японская война, тогда убил гришкина отца. А теперь тоже война — и убил на ней гварийского отца: всякому своя очередь. Высоко где-то царствовал царь, а еще дальше, за лесами, за ветрами и тучами, жили разные боги и святые угодники. О царе и о боге Гришка никогда не думал, но всем нутром своим чувствовал, что бог и царь Гришкиной совершенно не интересуются. Гришка тихонько жил в таком именно мировом устройстве, работал у Пивоварова и получал три рубля на всем готовом.

Но вот, месяца полтора — два назва, царя, говорят, скинули. И в мировом устройстве что-то такое сдвинулось. Гришке, собственно говоря, и дела до этого нет никакого, а все-таки как-то интересно. И хозяин от этого часто разговаривает.

— Солдаты больше говорили, а еще один из Благодузова здорово так говорил...

— Хе! Здорово, говоришь?

— Здорово говорил!

— А солдаты радовались?

— Там не только солдаты. Всем понравилось.

— Понравилось! И тебе, значит, понравилось?

Гришка повернул к хозяину улыбающееся лицо. Из-под растрепанного козырька глянули на Пивоварова довольные, ясные глаза:

— Понравилось, а как же? Здорово понравилось!

— Хе! А что ж тебе, например, понравилось?

— Да все.

Гришка оперся черной ладонью о подушку линейки и жеребец сразу понял, что можно идти шагом.

— И как это, чтобы войну кончать, потому что, говорит, довольно кровь проливать за их, сволочей.

— За сволочей?

— Так и сказал: за сволочей, за буржуев, значит, довольно кровь проливать! И власть советам!

— Ой!

— Ага. Совети, сказал, должны быть для трущыхих. Кто трудится и работает. А кто не работает, того, говорит, к чертовой матери выкинуть.

— Действительно! Выкинуть! Разумный народ!

— Да, он разумный, — подтвердила весело Гришка. — Такой разумный! Прямо все хлопают и хлопают!

— А солдаты что?

— Солдаты больше всех хлопают. А он еще про одного говорил, про Ленина, и тогда тоже здорово хлопали.

— И ты хлопал?

— Ага.

— А чего ж тебе хлопать?

— А как же? А я что ж? Тоже... что ж... работаю.

— Да ведь ты Ленина не видел? Какой это такой, скажи, пожалуйста, Ста, Ленин?

Гришка похлопал рукой по подушке, а на лице все то же довольное выражение.

— Ленину за всех трущыхих.

— Дурак ты, Гришка! Он за тебя беспокоится? Где он за тебя беспокоится? За тебя я беспокоюсь. Вон башмаки тебе купил! Купил. Денги тебе плачу? Плачу. Укормлю тебя? Кормлю. А ты говоришь: Ленину. Пускай он тебе картуз купит, скажем...

Гришка поднял глаза на Пивоварова. В серых его зрачках отразились вербы, небо, какая-то радость и какое-то удивление:

— Спасибо вам, это я не говорю. А только он за всех.

— Значит, ты мой магазин заберешь? Хозяином станешь?

Гришка удивленно возразила на хозяина.

— Да что вы, Илья Иванович! Зачем ваш магазин? Это ведь про-

тив буржуев так говорят! А ваш магазин, что же?..

Гришкиным глаза потемнели, он сердито глянул на жеребца: с какой стати шагом плетется и голову даже повесил.

— Но! Задумался!

Ехал молча до второго моста. И тут Гришка спросил:

— А вы андаи большевиков? Хоть од-

ного выдали?

Пивоваров ответил неохотно:

— Вот добра нашел смотреть! Больше-

вики!

— Интересно посмотреть: какные?

— Подумаешь...

Гришка почувала что-то неприятное в ответах Пивоварова. А ведь у Гришки приготовлены для него городские новости. Мож-

ет, хозяин еще и развеселится. Правда, это не такие важные вещи, как политика, но все-таки интересно.

— А вчера Воротиловка горела... Куда тебе зарево! Ни одной звезды не видно.

— Воротиловка? — быстро спросил Пивоваров.

— Всю ночь горела. Ой, и здорово ж горела!

— Воротиловка?

— Ага. Мы с Гавришкой бежали.

— Много хат сперли?

— Зачем хаты? Хаты все целые. Панский дом горел.

— Позови. Как ты говоришь?

— Я говорю: панский дом. Хорошо горел!

— Да что такое?

— И солома, и конюшни, и конуны. Все начисто.

— Ай-ай-ай! — задыхнулся Пивоваров. — Лошадь там какие замечательные! Сперли?

— Нет, зачем? Лошадь нет. Лошадей мужики развели. Лошадки у мужиков теперь. И машины. И так еще. Организовались!

— Ай-ай-ай!

— А чего? — оглянулся Гришка. — Мужики сказали: ударили панам в город, пускай там и сядут, и им спокойнее, и нам без хлопот.

Пивоваров почему-то до самого дома не сказал больше ни слова. Гришка чмокала, чмокала на жеребца, то натягивала поводья, то отпускала, несколько раз оглянулась: непонятно для него было это молчание. Расстрелял хозяин, видно, а может, и что-нибудь другое...

IV

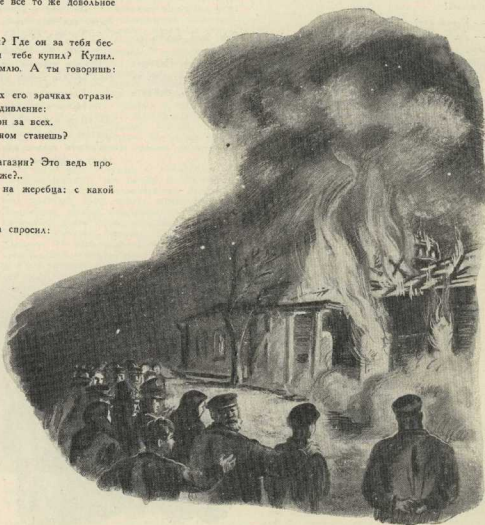
На вербах уже ничего не осталось, а на замостье серая жижка зарыла и булавнички и ямы. Жеребец шел злой, шатался на ямах, спотыкался.

В городе возле управы стояла полуостань казаков. Оттуда они взяли и для чего торчали в городе, никто не знал. Говорили, что из этой полуостани будет сделан новый какой-то парк. Правда или неправда это, никто не знал, а казаки гуляли по улицам и ухаживали за девчатами.

Едучи на станцию, Гришка думал о казаках. Он тоже испробовал бы сесть на коня и надеть череску.

Но это было не самое главное.

Самое главное было другое: в Петрограде Ленин выгнал Керенского, большевики взяли власть.

Воротиловка горела, зарево застилаало небо.

Пивоваров, как услышал об этом, так и полетел в губернию. А чего ему летать, если и так все напечатано в газетах подробно?

На станцииной площади Гришка насчитал человек двадцать из команды вымороженавоющих. Они гуляли по площади, заглядывая на пути, собираясь по три, по четыре, болтали. С ними было несколько своих парней, миропоольских. Гришка, привязав жеребца к столбику, прислушивался и присматривался к солдатам. Все говорило, что сейчас должны приехать большевики.

Из команды Гришка знает Власова. Подborough у Власова мааинский, толпий, скаум широкие. Власов гуляет в старенькой шинельке, руки греет в карманах и поглядывает на город:

— Вот постой, привезут мне сейчас того-сего. Хотя и не мой город, а поддам кой-зону колоном.

— А чего привезут? Чего привезут?—пристал к нему Гришка.

Власов засунул руки в карман по самым лоптя и смеется:

— Что привезут? Пуки-туки-буки! Обраща девяносто пятого года.

— Это ружья?

— Не ружья, деточка, не ружья—винтовки. Да ты понакайная.

— Большевики привезут?

— Вот любопытный! Ну, а кто ж: меньшевики что ли? Догadyвать-ся надо.

— А скоро привезут?

— Чего?

— Да эти...

— Ох, несознательный какой!

— Да чего я несознательный?

— Дубина просто! Ты ж видишь, что я с голыми руками. И другие.

Чего ж ты орен? Погулять выйти нельзя на станции: так сейчас и пристанут.

Подожел пассажирский. Солдаты бросились к вагонам, но оказалось, что большевики не приехали. Гришке так стало досадно, как никогда в жизни не было. Солдаты собирались у входа и тихою скупали. Но прибежал Власов, зашептал:

— Идет следом поезд. На Влагодохух. И трехдюймовка с ними. Минут через двадцать будет... А этот чего здесь? Ох, и парень же любопытный!

— Какой это?

— Да вот этот, пивоваровский!.. Эй, парен! Вон бери своего ховина.

Пивоваров вышел сам со своей, на Гришку и не посмотрел. Подошла к линейке и не садится, а стоит и смотрит куда-то, руку положила на крыло и пальцами постукивает. Гришка сидит на линейке, ожидает.

Хозяин вздохнул и полез на линейку. Поехали.

— Что в городе?

— А что в городе?

— Не понимаю, что ли?

— Не понимаю...

— Казаки в городе?

— Большое дело,—казаки. Пока в городе.

— Как это ты разговаривался?

Гришка опустил глаза, потрогал кнутовищем сапог, промочая.

— Большевики, говорят, приезжают?

— А что ж?

— Что ж, что ж! Погоняй, чего пастисься!

Гришка ничего не сказал и погонять не стал: куда там погонять?

Всё равно было.

Так и ехал молча до самого моста. А только вдернувшись на мост, как оглушительно гайнула свали и пошла громом по свету. Пивоваров ухватил Гришку за плечи:

— Что такое? Господи!

А всмотрелся в Гришку, еще больше испугался: в серых глазах Гришки не отражается сейчас небо: они холодно смотрят на холмья и уаьбаются без шутки.

— Приехали, хозяин!

— Куда приехали?—с испугом оглянулся Пивоваров.

— К нам в город, большевики приехали!

И как бы в подтверждение этих слов снова взорвался мир, и снова резкий звон разнеслась над городом.

Пивоваров закричал:

— Гони! Гришка, гони! Господи!

Взволнованный жеребец затрел по мосту.

— Да куда ж мы едем? На смерть, что ли? Сворачивай сюда! Сворачивай в этот двор...

По дороге навстречу шли два солдата. Они быстро шли под пастями, всматриваясь вперед. Гришка неожиданно соскочил с козла.

— Куда ты, чорт!—закричал Пивоваров.

Гришка гайнул: под пастями шли все двадцать, у каждого винтовка, а у некоторых и две.

— Власов!

— А! Любопытный! Возьми вон у него!

— Кого?

— Кого, душень! Кого! Пуки-туки возьми!

— Да ну!—Гришка присел, может быть, от удивления, может быть, для того, чтобы лучше пригнать к винтовке.

— Ты что, дурач?

— Дай ему, дай! Свой человек.

Гришка ухватил винтовку, свали в руках перед собой. Его глаза теперь пылали серым, странно горющим огнем.

— Власов, а где большевики?

— Ну и гайный ты, парен, просто непостижимо! Где большевики!

Да ты ж и будешь большевиком, дурья твоа башка. Да довольно тебе болтать: в бой иди!

Гришка только один раз ошеломенно хлопнул глазами, взяв винтовку в правую руку, радостно вздохнул и пошел вперед...

Гришка взял винтовку, радостно вздохнул и пошел вперед...

Песни о Керенском

КЕРЕНСКИЙ

Головокружительная карьера А. Ф. Керенского заставляет с любопытством присматриваться к этому человеку, чье имя так или иначе неразрывно связано с февральской революцией и с политикой восторженного сопричастия Октябрь.

Память о Керенском в народе осталась крайне приподнятой для него. Фигура, поэт, историк — вот какие наименования давались ему его же собственными современниками.

Скорее забвение, чем трагические, сценки, в которых он участвовал, зарисовки на воспоминаниях и мемуарах.

Комический и, пожалуй, опереточный элемент присутствует почти в каждом воспоминании.

Изучая по материалам и документам характер бывшего «Главнокомра», видишь, что ему, в сущности, ничего не удавалось сделать из того, что он задумал. Его слабая воля не доводила до конца ни одно из начинаний.

У него не было того основного, что делает человека вождем или хотя бы руководителем. У него не было умения видеть события, уметь философски обобщить их, не было даже элементарного знания людской психологии: он принимал за чистую монету все изложения восторга при встрече с его особой. И все государственные дела, как первый и крикливый председатель дела, велел дела своего дома.

Но все же нам кажется, что для ничего не было. И если человек выдвинулся на столь высокую ступень жизни, то, вероятно, были еще какие-то, весьма серьезные причины, кои мы скоро сразу не увидим.

ЗАКАТ

«Собственно, закат Керенского начался тогда же, когда начался восход.

Он, как рогата, по законам протектики, влезая в небо, засверкал фальстатическими, искусственными огнями и, моментально сгорев, стал стремительно падать. И все, находящиеся облака, разбегаются, бьются, как бы он, падая, не придавил их своей высокой особой.

Уже в сентябре 1917 года все было залуно и в разрушено.

Подготовка вооруженного восстания шла у большевиков весьма энергично и успешно, и в это время почти открыто говорили на улицах и в казармах.

24 октября гибель Временного правительства была почти очевидна. Но ни Керенский, ни Временное правительство не отдавали себе в этом отчета.

Совет Республики¹ занимался многословными речами и спорами.

В 11 часов утра 24 октября Керенский явился в Марининский дворец и ввиду чрезвычайного положения потребовал в своем слове всей меры доверия и содействия.

Совет Республики устроил Керенскому овацию и стоя приветствовал его.

Премьер, счастливый и самоуверенный, не дожидаясь резолюции, послепина в штаб, чтобы заняться военными делами и оправдать высокое доверие.

Между тем в Совете начались длинные дебаты о тексте резолюции.

Большевики тем временем энергично вели подготовку восстания и в ночь на 25 октября стали занимать правительственные здания.

НОЧЬ НА 25 ОКТЯБРЯ

«Наконец, в Зимний, где находилась Керенский, прибыла делегация с долгожданной резолюцией.

Принес резолюция была далеко не такая, какую ожидал Керенский. Резолюция не выражала доверия правительству.

Керенский, выйдя к делегатам и прочитав резолюцию, с возмущением заявил, что, несмотря на такой оскорбительный для самодельной резолюции кабинет министров завтра же подает в отставку.

Делегаты стали разъяснять, что резолюция в основном полезна, так как есть вероятность, что большевики посчитаются с ней и, может быть, даже откажутся от вооруженного восстания.

Делегация отбыла, и в Совете министров снова началось обсуждение, как реагировать на резолюцию и какие меры принять против действий большевиков.

Именно во время этого исторического словоперения большевики и начали занимать правительственные здания одно за другим.

Правительственное совещание закончилось около двух часов ночи, и утомленные министры начали расходиться. Начавшееся восстание между тем разгоралось с невероятной быстротой.

Однако, как ни странно, правительство не видело еще слишком большой опасности. Узнав о том, что большевиками занят телеграф, и поговаривая об этом, правительство отбыло по домам, поручив Керенскому «организовать надлежащее военное командование».

Явившись в два часа ночи в штаб, Керенский потребовал, чтоб казаки, в верности которых он не сомневался, срочно прибыли для защиты правительственных зданий. Однако казаки уклончиво отвечали, что сейчас кончат обсуждение и в скором времени начнут селать лошадей.

Но время шло, а казаки не появлялись.

Поняв, наконец, что казаки не выступят в защиту Временного правительства, Керенский стал выяснять, какие войска, находящиеся в Петрограде, можно использовать. Но точных сведений в штабе не имелось. Как будто бы и в это время двинулся казачий корпус генерала Краснова. Но пока никакой связи с фронтами не представлялось возможным. Тогда Керенский стал по прямому поводу беседовать со Ставкой главнокомандующего северного фронта. Керенский потребовал, чтоб войска с фронта были немедленно подвинуты к Петрограду.

Главнокомандующий уверял его, что он делает все, что в его силах.

Между тем в штаб приходили тревожные сообщения: отрядом восставших захвачен Николаевский мост, и суда Балтийского флота входят теперь в Неву.

Керенский стал буквально метаться по штабу.

Перебегая от телефона к телефону, он в промежутках между двумя разговорами диктовал телеграммы, отдавая распоряжения и делая переписания среди колышального состава.

Вест о захвате Балтийского флота наполнил его гневом и бешенством. С криком «Немедленно потопить негодяев!» он стал лично писать радиограмму.

Эта радиограмма не снискала толковых радиограмм: сохранялась для истории. Она весьма красочно говорит о душевном состоянии «Главнокомра»:

«Всем судам, идущим в Петроград без разрешения Временного правительства. Приказываю: командирам подводных лодок топить су-

— Ступайте... Хотите разбудить моих адъютантов.

да, не повиновались Временному правительству».

Но так как в радиограмме не было указания, какие именно суда не повинуются Временному правительству и какие суда самовольно вошли в Неву, то при всех обстоятельствах эта радиограмма была пустым звуком.

Между тем в штабе стало известно, что здание Главного почтамта и телеграфа уже в течение часа находится в руках большевиков.

Среди офицеров штаба началось замешательство.

Вторично отдав приказ об аресте всех большевистских вождей и обязав этим свою душу, Керенский стал на карте высматривать, каким образом окружить Смольный, чтобы пресечь действия восставших. Нужны были казаки.

Но казаки попрежнему отсиживались в казармах и на все просьбы и мольбы снова неизменно отвечали: «Сейчас начнем селать лошадей».

Вторая часть Керенского — команда блиндрованных автомобилей — стала волноваться. Офицеры штаба всея себя выматывали.

Полковник создавался критическое. Оставалась надежда, что генерал Краснов успеет потянуть своей казачий корпус к столице.

В седьмом часу утра, так и не дожидаясь известий о движении войск к Петрограду, Керенский, разбитый и потреснанный, с мыслями «утро вечера мудреней» направился в Зимний дворец, чтобы хоть немного вздремнуть.

25 ОКТЯБРЯ

«Юнкера, охранявшие Зимний дворец, заволановались при виде премьера. Наружная дисциплина, они группами подползли к Керенскому и, окружив его тесным колым, заволавно расширили о положении дел и о дальнейших возможностях.

Керенский, подвинувшись и приняв соответствующую позу, бодром голосом успокаивал их, говоря, что он с минуты на минуту ожидает прибытия в Петроград свежих воинских частей, верных ему и Временному правительству».

¹ Отрывки из повести «Бесславный конец», Помощник главного редактора в № 11 журнала «Литературный современник».

² Точно — Временный совет Российской республики. Социально-экономическая партия представляла в учреждении, которое Ленин характеризовал как «Совет контр-революционного правительства».

Это несколько удивило юнкеров, и они расступились перед преподавателем, который развешенной походкой проследовал в свои покои.

Он вошел в свой кабинет и не разделяясь бросился на оттоманку. Но заснуть не мог. Нервное возбуждение, которое стояло внутри, что он ни минуты не мог оставаться в спокойном положении. Он налил эфир на носовой платок и жалко поднес его к своему лицу.

Он не заснул, но какое-то оцепенение овладело его.

В восемь часов ушел в кабинет примера портня, збежав фельдгегера.

Керенский, бледный, без кровинки в лице, открыл глаза, продолжал лежать, ожидая слов фельдгегера, как приговора.

— Центральная телефонная станция, господин верховный главнокомандующий! — сказала фельдгегер, — в руках большевиков... Штаб потерял связь с городом... Что прикажете доложить командующему?

В одно мгновение всколыхнулся с оттоманки, Керенский подбежал к окну.

У Дворцового моста он увидела пикеты матросов.

Неслышно закрыв лицо рукой, Керенский сказал фельдгегеру:

— Ступайте... Должните, что к сейчас буду... Хотите разбудить моих адъютантов...

Керенский, дав его адъютанта и министров торгов и промышленности, поспешивший до дворца, почти бегом дошел до штаба. В штабе было разлаз и суматоха. Охраны не было. Какие-то офицеры, солдаты и штатские бегали по лестнице, не обращая внимания на верховного главнокомандующего.

Узнав от начальника штаба, что бандирированные машины неизвестно кем испорчены и что нет никаких сведений об вхождении, мажорант в Петрограде Керенский растерянно взглянул на своих адъютантов и на двух министров, Кишкина и Коновалова, исповедующих стоявших у окна.

Но ядрот оже решимости зажегся в глазах преподавателя.

— И сам приведу войска! — закричал Керенский. — Это ядрот и ересь!.. Большевицские агитаторы разложили все войска петроградского гарнизона. Но я знаю истинное фронтя. И к тому я имею любие доказательства!

Керенский показал рукой на письменный стол, на котором в беспорядке лежали несколько полученных вчера телеграмм с извещениями верноподданнических чувств.

Министр торговли и промышленности Коновалов, плотный, бритый человек, с внешностью русского купца, получившего образование загранич и одного по-английски, сказал, покая плачами:

— Эти бумажки, Александр Федорович, сейчас не имеют значения. Это, конечно, очень хорошо, если вы сами поедете за армией, но как это сделать? почти весь город в руках большевиков.

— Это ядрот и ересь! — снова аскричал Керенский. — Я, допуская, что генерал Духонин и Черемисин против меня, но за солдатскую массу я отвечаю... Я сам поеду войска к Петрограду!.. И это большевицское отребие, как дим, исчезнет при виде двух-трех ескитов рот!

В коридоре, за дверью кабинета, раздался вдруг шум и топот солдатских ног. Керенский побеждал и допросительно взглянул на адъютантов.

Группа юнкеров вошла в кабинет. Один из них, отдавая честь, сказал, обращаясь к Керенскому:

— Господин верховный главнокомандующий. Большевики только что прислали нам ультиматум — очистить здание Зимнего дворца. В противном случае они грозят расправиться с нами без пощад... Как прикажете поступить? Своей даой мы согласны вспомнить до конца, но есми...

Войсковая речь юнкера ослеслась, и он, ямная и подмявшая слова, тихо добился:

— Но если у вас... если войска... если нет подкрепления то юнкера стипают... Может быть, это и нужно... Оборотить дворцы...

— Юнкера, — торжественно сказала Керенский, — вы гордость моей армии. От вас ли я слышу эти слова? Ступайте и скажите всему что полагается даасно не безнадосно и что мы каждую секунду ожидаем подкрепления. Ступайте, господа, и выполните ваи даот перед родины согласно нашей присяге.

Адъютант, поручик Миллер, вившись, доложил, что машина поехала.

Юнкера поуюро упали выполнять свой даот перед Временным правительством.

Поручик Миллер, доложив о машине, сказал, что сейчас в Ставку отправляется американская машина и было бы безопасно выехать вместе с ней под защитой американского флага.

Извеша на это согласие, простоявший Керенский стал прощаться с министрами.

Оставив своим заместителем Коновалова, он сказал, обратившись к нему:

— Кроме того, Александр Иванович, я оставляю вас своим заместителем и по обороне Петрограда.

Министр торговли и промышленности, молча покая плачами, отворачивался к окну...

БЕГСТВО.

«Рано утром 1 ноября в Гатчину вернувшись посланным к большевикам парламентером — два казака и офицер. Вместе с парламентарями прибыл представитель от матросов тов. Дибенко в сопровождении матроса Трушина.

Первые его слова были: «Здесь ли Керенский?» Узнав, что Керенский здесь, Дибенко приказал постановить у входа усиленный караул и никого из дворца не выпускать.

Керенский стоял теперь у окна. Все плащ перед дворцом кинесла казаками. Решительно не было никакой возможности отсюда уйти. Главная правительства и верховный главнокомандующий, «железа республиканской России», курьер толпы и вечерней вальсман, был обречен, и жалкая секунда приближала его к последнему ответу.

Смерть или позорный плен — вот, кажется, неизбежный конец...

Власть и безразличие скопала его, и он почти безучастно стоял теперь у окна. Юный поручик Миллер со слезами в глазах смотрел на своего обожанного господина.

Офицер для поручения, поручик Виннер, спросил: пришло ли время застрелиться?

Варут казака Керенского зажали гневом и бешенством.

«Надо бежать! — сказал он гауко. — Машина ялет мне как парком... Надо яйти виха. Ах, если бы можно было, господа, достать сейчас хоть какой-нибудь костюм!»

Поручик Виннер подла Керенскому дорожные очки, взятые им на всякий случай у шопера.

Оставалось дело за небольшим: надо было яйти какой-нибудь костюм.

— Если бы можно было достать костюм матроса, — сказала Керенский, бегая по комнате.

Но как это сделать? Нет сомнения, что тут матросский костюм не достать. Да и стоит ли си Керенского? Напротив, все обратит внимание на вышедшего из дворца матроса. Очки вряд ли помогут делу.

Офицеры выбивали из головы, с тем чтобы подкрасить что-нибудь подходящее.

Они вскоре вернулись с костюмом стрелы миноартирии.

Поручик Миллер, захлебываясь от волнения и бегая, сказал, что этот костюм даа им сейчас произвояющая тут, во дворец, старуха, великая княгиня. Сейчас у нее сидит неизвестная им молодая особа, которая сама вызвалась яйти с Керенским из дворца и провонд его до машины. Выйдя ядром, они, без сомнения, не вызовут подозрения у стражи.

Должидными руками Керенский стал наплавлять на себя серое длинное платье, косынку и большой переклад с красным крестом.

Он стал теперь походить на старую, рыхлую бабу с отвисшей челюстью.

Несмотря на трагизм момента, офицеры не могли удержаться от приговора исторического смеха: до того фигура стрелы была странна и неказиста.

Действительно, плохо выбитое, бласное, заселенное лицо, с ржавчиной цветной, мажорант, сверкающей глаза и чересчур крупная, плоско не женская голова придавали стрелу миноартирии устрашающий вид.

Керенский, поглаживая в зеркало, со стоном отирала глаза. Он моуче не смелать с себя трагизм, с состоянием бросая их в угол комнаты.

Равневшись, он тяжело опустился в кресло. Голова его скопалась на грудь. Нить мысли, в эти минуты он думал о Гангоме, который отказался бежать с острова святой Елены только потому, что его хотели перенести на пароход в белесой корзинке. Император не пожелал до этого унизиться.

Подурадавший и неподвижный, сидел Керенский в кресле. Сознание почти подало его.

Офицеры стали уговаривать Керенского надеть это платье, так как ничего другого не оставалось. И кроме того неслабы было медальте: незнакомка ожидала его в коридоре.

Снова должидными руками Керенский с помощью офицеров стал надевать на себя этот дамский убор и, пообавив закрыв лицо косынкой, неуверенной, развешенной походкой вышла из комнаты, путавая в дамских юбках.

В коридоре его ждала неизвестная ему молодая женщина в костюме стрелы миноартирии.

Видя его под руку, она спустилась с ним по лестнице. И он ядром, беспрепятственно пройдя мимо охраны, вышел на двор, полный казаков. Казаки посторонились, давая дорогу являющейся молодой женщине, волевающей под руку свою, быть ноем, разбитую парализмом мамашу, у которой заметно подгибалась ноги.

Казаки посторонились, давая дорогу молодой сестрице, волевающей под руку свою мамашу.

Посмотрите на карту...

1. ДУМА О СТРАНЕ

Может быть, это было так.

На столе бегали птицы незакопченной рукописи, Напротив, на стене, висела карта России. Человек, работавший за столом, иногда вставал, приближался к карте и полуголу всматривался в очертания огромного евразийского материка.

В дочной тишине разлаживались медные карты Славской библиотеки.

Задумавшись, человек прохаживался по кабинету. Потом снова брался за ручку.

«Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова на Дону и от Саратов, а югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необитаемые пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царят патриархализм, полудикость и самая настоящая дикавщина. А в крестьянских заолустьях верст остальной России? Везде, где десятки верст просека—вернее, действительный бездорожный отдаленный от железных дорог, т. е. от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом. Разве не преобладает везде в этих местах томе патриархализма, обломочничества, полудикости?»

Это Ленин. Это один абзац из знаменитой статьи «О продовольственном налоге», написанной в апреле 1921 года.

Когда Ленин писал ее, тяжелое время переживала страна. Стояли заводы, разваливался транспорт. В деревне вспыхивали кулацкие восстания. Ленин и Сталин поворачивали страну на рельсы новой экономической политики. Ленин говорил о необходимости учиться у капитализма, учиться хозяйничать и торговать. Перед его взором неотступно стояла крестьянская Россия, с мелочными и крупными, с кишкиными полями и сомоленными избыми. Из оврата феодальной отсталости эту страну надо было поднимать на вершины социализма.

Необходимо волюнтерство, в дни великого двадцатилетия, эти простые ленинские слова: «Посмотрите на карту».

Посмотрите на карту, товарищи. Различные города, о которых упоминал Ильич. Проведите линия на север, на юг, на восток...

2. К СЕВЕРУ ОТ ВОЛОГДЫ...

Это направление хорошо знакомо нашим поларным активистам. Путь на Архангельск... Первый этап великой трансарктической магистрали Москва—Северная Америка...

Геооргий Байдуков фиксирует в своем дневнике, как меняется облик района. С халанд голом все меньше болот. Равнине зелена окраска берега лугов и пашен окрашивала только берега рек,—теперь она заливает огромные куски горной территории. Широкие заливные луга козловые массивы. Вот необычные для Севера пятно: море спелой свежелогающей пшеницы. Гости с Украины? По стальной дороге путешествие оно переселяется к высоким широтам.

Чем ближе к Архангельску, тем гуще леса. Зимой в лесных чащах ползают тысячи мощных гусеничных тракторов. Тракторы тащат к сплавному рекам тележки поезда драгоценимого ценного леса. Исчезли дымные дымовые лесозаготовки. На их месте—просторные дома, каюты, маленькие эстакады.

Перелетим через индустриальный Архангельск и Белое море. Мы на Колском полуострове.

В тот год, когда Ленин писал о карте России, это была пустыня, пересеченная одинокими реками пустыни. Что знали о крае? Мерзлые тундры. Конечная конная конная. Численность. Десять тысяч людей на это сорок тысяч квадратных километров.

Сейчас в одном Кировске больше пятидесяти тысяч жителей. Город, состоящий из планового трибуна революции,—центр нового горнопромышленного района. Это город фабрик, рудников, лабораторий, школ. Город с театром и стадионами с единственным в мире запасыми ботаническим садом. Забегая вперед, скажем, что со слов Кировска споричает другой заполярный район, Игarka.

Кировск, Мончегорск, Нивграс, Туломграс—форпосты социализма в Заполярье. Меняется география полуострова, и вместе с нею меняется быт. Вверхние чотечники сено кормовые травы и салат овощи. Обогатились в колоды. Посылают сыновей в школы. Пользуются услугами машинно-тракторных и машинно-семеновских станций...

Карелию раньше называли «подполотной Сибирью». Экономический географ от этого карты не доставала особая хлопот. Хотел бы отметить. Дичь, амень, болюта...

А сегодня? Зубчатой лентой протянулся сплошной водный путь от Онежского озера до Белого моря. Гордость страны—Беломоро-Балтийский канал имени Сталина. Канал пересекает страну глыбистости, лесозаводов и бумажных фабрик. Его шлюзы пропускаяют баржи и караваны судов. Эскадрилья лес на Северной Карелии, апатиты из Кировска...

Ожиз бассейна Печоры. На дикой речке Ухте найдена нефть. На Воркуте—уголь, а также большие добываемости. В самом густом северовосточном углу европейской части СССР поднялись нефтяные вышки и копыры угольных шахт...

3. К ЮГОВОСТОКУ ОТ РОСТОВА НА ДОНУ И ОТ САРАТОВА...

Район полудикости и пустыни. Голе, угримые берега Каспия. Солончак. Дальше—Кара-Кумь, пекли...

Вот Нукусе—столица автономной Кара-Калпакской. Девяносто девять процентов территории этой республики—безводная пустыня. Но в Нукусе живут виноградные и дательные оазисы. Они изучают проблему Аму-Дарьи. Реку хотят заставить снова течь в Каспийское море. По дороге река должна оросить Кара-Кумь.

Репетки—город в сердце пустыни. Там живут ученые. Они творят чудеса. Среди барханных песков снимают урожай винограда.

Ворзаврауню оловы, арбузы. Заставляют вырывать ямочки.

Кара-Бугаз-Гол—это из молодежи не знает этого залива, описанного в прекрасной повести Паустовского? Здесь вырос могучий химический комбинат.

А лес нефтяных вышек на Эмбе? Серный завод в Кара-Кумь? Заводы Актюбинска? Да, водно, пустыня ли это?

Да, пустыня. Но пустыня становится болотинами.

Ее штурмуют аэлалими. Ее берут в плен самолетами, засаживают пустыню долинками и желтой аперной. У нас ботанский дачник юрии. Они могут доставить воду из-под раскаленных песков.

Граны и реки остановят пекли.

И победил здесь, в огне сухих и раскаленных ветров, будет означать также победу в районах засухи—на огромной территории от Азовского моря до отрогов Урала.

Ленин писал свою статью девяносто девять лет до этого. Летом двадцатого Поволжье подала засуха. А через год страшный голод опустошил край.

Старая Россия не знала средств для борьбы с засухой. Мобилизм не помогал. В первые годы революции из нас было слишком мало кадров и слишком мало опыта, чтобы борьбу

со смертоносным суховеям вести в государственном масштабе.

Такая борьба ведется сегодня. Пустыня неуклонно и планомерно превращается в культурный район. Но победить пустыню не так просто. Колоссальное крестьянство юговостока принимает свои меры против дующего на пустыню суховея. Вводят новые, засухоустойчивые культуры. Штитами задерживают снег на полях. По краям полей вымываются ценные почвы и лесов—ассоциационные пояса.

А скоро придет на помощь и Волга. Она даст свою воду для орошения азовских степей. Электростроительство окончательно победит сухие и горячие ветры.

4. К ЮГУ ОТ ОРЕНБУРГА И ОТ ОМСКА...

Взгляд Ленина скользя по пустыням и голым краям...

Кавказская была одной из самых безлюдных и урюмих околн царской империи. Ни дорог, ни складовых рек. Лишь верблюдами тропа тянулись от Аральского моря к логам Ишима и Тобола. Тула, на север, на луговые пастбища, шла всякая отоваривая за зиму мук. Вместе со скотом двигались книги, нитки и юрты. Скот для казаков означал все. Скот кормил, скот одевал, скот перевозил с места на место.

Капитализм хозиничах варварски. Он халал то, что лежало под ногами. Он вырубал лес вдоль рек и железных дорог, выкачивал нефть из верхних слоев, разрабатывала только легководную тулу. Так он погубил и со страной. Эксплоатировалось то, что было погублено—уголь, долинная, руда Кирвогилья. Русский князь, провалившийся окрившим дешовым ситец и ситчик, члечески тормозил развитие местных производственных сил.

Казакстан, в недрах которого революция открыла богатейшие залежи угля и цветных металлов, давал—полностью довоенной промышленности. В то же время десятки миллионов рублей тратились на закупку цветных металлов заграничных.

Еще в начале первой пятилетки экономическая карта республики была пустотами. Значимых фабрик и рудников было отмечено три-четыре пункта.

Посмотрите на карту Казакстана теперь. Она вся пестрит змеями, стрекодами, треугольниками, квадратами—условный язык экономической географии. Поражает гигантская вымощенная железнодолинная сеть. Вот знаменитая Туркестано-Сибирская магистраль, вымощенная к жизни десятки новых заводов, фабрик и сплавных сооружений. Эта магистраль обесшечила Среднюю Азию хлебом и лесом. Караганда—третья угольная база СССР—протягивает артыя дороги к Петропавловску на севере и к Кырмулау на юге.

Заселяются пустынные берега озера Балхаш. Здесь сорелоточиваются крупнейшие новоотстроенные цветной металлургии.

Тесно переплетаются жизнь Казакской республики с жизнью всего Союза.

Нефть Эмбы идет к Уралу и Волге по трубам мощного нефтепровода Туркеск—Орск. Уголь Караганда, через Петропавловск идет к домам Магнитки.

Великая дружба народов СССР находит свое выражение в гармонии планового, социалистического хозяйства.

5. К СЕВЕРУ ОТ ТОМСКА...

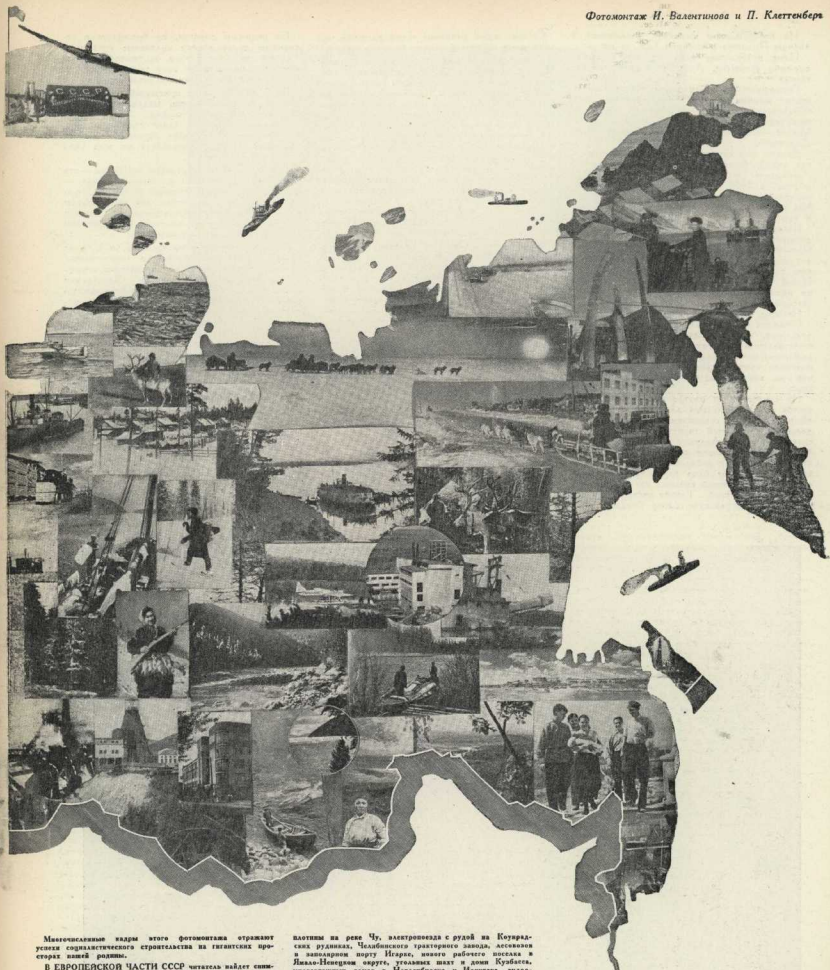
Иначе этот раздел, как и раздел «К северу от Вологды», можно было бы назвать: «К югу от Северного полюса»... Ибо полюс—тоже советская территория.

Попробуем этот участок пройти не с юга на север, а с севера на юг.

(Окончание см. на 28 стр.)

ВОТ НАША РОДИНА

Многочисленные кадры этого фотомонтажа отражают успехи социалистического строительства на гигантских просторах нашей страны.

В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР читатель найдет снимки великой фабрики тяжёлого Копейска, Белогорского Балтийского завода имени Сталина, завода Мухоморо-Вологодского автомобильной техники в Архангельске, Александровского торгового порта, завода Дина Красной армии в Минске, заводов Днепропетровского завода имени Ленина, сталелитейного завода Грозного, завода на Волге завода «Гигант», нефтяных вышек в Баку, заводов Горьковского автомобильного завода имени Молотова, завода Мухоморова, завода на необитаемом острове Звездный, завода на Дамбура и др.

В АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ СССР, особенно обращаясь на Юге, запечатлены и социалистический колхоз Узбекистана, антифашист на горной дороге Галджинского, азиатского труда, индустриального или Сталина, промышленной

нашум на реке Чу, электростанция с рудой на Кутурдаских рудниках, Челябинского тракторного завода, аэровокзал и заводской порт Ижевск, нового рабочего поселка в Липово-Новгородском округе, угольных шахт и долины Кузбасса, многоэтажные дома в Новосибирске и Иркутске, гидростанция в Буре, острова Ленин, новый аэропорт в Якутске, паровозов и самолётов на Амур, драки на заводе имени Алдына, самолёты самолётов, добывающие и фабрики «русского золота», старинных владельцев и буре Тунга, паровозных домов на Чукотке, караванов судов на Камчатке, нефтяных вышек на Сахалине, горной шахты — Комсомольска на Амуре, рыбного леса на Камчатке, паровозов, заводов колхозов Северным морским путем, нового города Магадана, действующей станции «Северный полюс» и др.

Фото: Ермаков, Дубовая, Паскарев, Шершнев, Небожнов, Эсслер, Салдамова, Д. Гусев, Соснов, «СССР на стройке».

На воображаемом самолете поднимаемся с альпинистом Папанкиным и взлетаем курс на юг. Наше путешествие вряд ли приведет к какому-либо открытию. Арктика обжита основательно.

Географическую карту в этом секторе пересекают жирные красивые линии, обозначающие: «Сталинский маршрут», «Перелет советской экспедиции на Северный полюс», «Перелет Москва — Портланд», «Перелет Москва — Сая-Джасанто»...

Дальше наш самолет попадает в клубок других линий, более извилистых и запутанных: «Сибирякова» в 1932, «Челюскина» в 1933, «Литке» в 1934 годах. Это пути героических хоррабелей, пионеров Северного морского пути. Мы им обязаны тем, что летим с удобством и комфортом.

Полярные станции с островов и берегов Ледовитого океана — число их приближается к 60 — передают нам погоду, корректируют полет радиомаяком. Невероятно представить, что еще пять лет назад на всем протяжении, от Новой Земли до Тихого океана, не имелось ни одного — нет, что радио — но и простого светового маяка!

Наконец, материя. Оставшаяся позади фактории Ямальского полуострова, мы разворачиваемся над Енисейским заливом и летим над рекой. Прострелом рыбоконсервного завода. Дулинка... Дулинка — конечный пункт Красноярской авиолинии, одной из многих воздушных магистралей Сибири.

На семиком километре от устья показывается город с трубами лесопильных заводов. Игарка! Детище сталинских пятилеток, оживающий, детский город-порт. Игарка прославилась на всю Арктику тем, что первая, не боясь морозов, начала выращивать овощи в открытом грунте и добилась успешных результатов. На острове близ города создан мощный овинно-молочный совхоз.

Красноярский край... Глухие места. В Туруханске отбывал царскую ссылку Сталин.

Сегодня здесь работают сотни колхозов, вооруженных передовой техникой.

У индустриализации свой шаг, свой ритм. Москва, Донбасс и Ленинград помогли созданию Урало-Кузбасса. Сейчас Урало-Кузбасс толкает вперед Сибирь. Красноярский край добывает не только золото, но и уголь и барилит, строит аэродромы, фабрикует бумагу. В школах края учатся дети индей, дагланов, эвенков — народов, которым Октябрь не дал окончательно исчезнуть с лица земли. Теперь эти народы, которых производимизм обрекал на вымирание, переживают период расцвета и роста. Достаточно показательными результатами пробных переписей населения. У эвенков прирост населения достиг 20,9 на тысячу, у индей — 14,0, у нивхов — 20,8. Любопытно отметить, что у тех же нивхов, живущих на японской части Сахалина, прироста нет.

Впрочем, мы отвлеклись от нашего маршрута и проехали Тонск. Ну что ж, еще раз окнем взглядом всю Сибирь. Вот она легла на карте — с широкими реками, с могучими хребтами, с необорванными пространствами тайги. Много еще предстоит совершить здесь советскому человеку! И он совершит новые подвиги труда и науки с той же изумительной простотой, с какой Папанкин и его товарищи на одиноко плывущей льдине измеряют глубину океана...

Б. ...А В КРЕСТЬЯНСКИХ ЗАХОЛУСТЯХ ВСЕЙ ОСТАЛЬНОЙ РОССИИ?

Как хорошо отвечают на этот ленинский вопрос слова Сталина, прозвучавшие с трибуны Чрезвычайного VIII съезда советов:

«...вместо океана мелких единоличных крестьянских хозяйств с их слабой техникой и засильем хулаха мы имеем теперь самое крупное в мире, механизированное, вооруженное новой техникой производство в виде всеобъемлющей системы колхозов и совхозов».

По мощным дорогам, по брусчаткам и гудроновым шоссе мчатся колхозные грузовики. Тяжелые машины с хлебом, картошкой, с яблоками. Обилие в этом году урожай. Он делает еще богаче тысячи колхозов страны.

Город отвечает селу присылкой новых сельскохозяйственных машин, мануфактур, обуви, янт, културных товаров.

Живая материальная связь деревни и города — вот она. Ее благодат социализм, в суровых боях изгнав капиталистов на всех сферах народного хозяйства.

Социалистическая переделка географии — это и переделка экономики и — самое главное — переделка людских отношений. В СССР, стране Сталинской Конституции, нет эксплуатации человека человеком. Освобожденный человек разумно и планомерно осваивает неисчерпаемые природные богатства страны.

Патриархализм и полулудность, о которых писал Ленин, уничтожались в ожесточенных боях с буржуазными националистами, с троцкистско-бухаринской сволочью. Капитализм мобилизовал свою троцкистско-бухаринскую фашистскую агентуру на срыв сталинских пятилеток. Подлые шпионы и диверсанты взрывали фабрики, заталкивали рудники, пускали под откос поезда. Они по частям продавали нашу родину империалистическим хищникам, готовящим восное нашествие на СССР. Они покушались на счастье величайшего народа истории, переделавшего восток Европы и север Азии.

Тщетны подлые прокис врагов. Остер меч пролетарской диктатуры.

Посмотрите на карту СССР.

Там, у южных рубежей, гордо вздымаются могучийи зерноты. Могучие хребты стоят на границе нашей страны.

Ленин Сталина.

Эти имена вели народы СССР от побед к победе. Эти имена привлекут нашу родину к построению коммунизма.

Фото П. Новикова

Москва! Миллионы людей во всех странах мира повторяют это слово как символа освобождения и счастья. На снимке: факельный парад на Красной площади столицы Советов ССР.

В. В. Маяковский выступает с чткой своих стихов в одной из красноармейских частей (1928 год).

ПОЭТ ОКТЯБРЯ

Ю. НЕЙМАН

Мы живем
вдали от
Октября,
«Аврора»
у нас во дворе.

Матросы, шедшие на штурм Зимнего, пели частушку: «Ешь ананасы, ребячонки жуй, день твой последний приполнит, буржуй». Има автора частушки они не знали, да оно бы и не сказало им ничего, это имя. В октябре 1917 года поэт Маяковский не был еще известен народу. Но то, что в первом отрывком бою за Великую социалистическую революцию в рядах передовых ее бойцов звучали строки Маяковского, — факт не случайный.

Стало чуть ли не общим местом: «Маяковский безоговорочно принял Октябрьскую революцию». Неудачная формулировка!

Вопрос «принять или не принять» не стоял и не мог стоять перед Маяковским просто потому, что автор «Облака в штанах» был одним из тех, кто так или иначе, прямо или косвенно работал на то, чтобы ускорить приход революции.

Существует резкое различие между молодым Маяковским и его товарищами по левому искусству, футуризму. Разницу эту, не всегда умно — осознавая биографии, прекрасно в свое время ощущал тот, против кого направлялись были гнев и горечь ранних стихов Маяковского. Ни Бурлюку, ни Каменскому, ни Крученых не могли быть адресованы слова, сказанные по поводу «Гринадитового апостола» (в печати — «Облака в штанах»): «То вам, — на которую захотелось?»

Те, кого ненавидел Маяковский, слушая его стихи, отчаянно понимали, что здесь дело не ограничится «жесткой войной» и прочей футурбайтформой: это всерьез, это пахнет борьбой и революцией.

С легкой руки самого поэта, не терпевшего безразличия, биографы его почти совсем игнорируют такие факты, как непосредственная связь юности Маяковского с партийными организациями Завказалья, пропагандистская его работа, почти годовое пребывание в Бутырках за революционную деятельность. Но изрядная этих сих песни не выкинешь, тем более, что

они прочно вошли в творчество Маяковского. Гнев и бунт его ранних стихов не так уж бесприметны, как принято думать. Это не гнев романтика против мироустройства вообще — это бунт живого, действительного, задышающего в одиночестве человека против капиталистического мира. Против капитализма и его ценностей направлены все четыре «Долой» программной поэмы Маяковского («Долой вашу любовь, ваше искусство, вашу религию, ваш строй»). О капиталистическом государстве и об отравительном его хозяйстве весьма конкретно говорится в стихах «Гимн судье» и «Мое к этому отношение».

Но причина близости Маяковского с тем, кто подготовил Октябрь, не только в этом: их следует искать и в материализме Маяковского, в твердой его вере в силу, творчество и волю нового человека:

Жилым и мускулам — молитв верней.

Ним ли вымалывать миассот времени!

Мы —
каждый —
деревям в своей пестерне
мысли привиндое ремни!

На первом поэткартбурском собрании союза деятелей искусств (17 ноября 1917 года) Маяковский не присоединился к резолюции, требующей «автономности, независимости искусства от государства» (это ли не социалистическая формулировка для романтика и индивидуалиста?), но единственный из присутствующих заявил: «Нужно приветствовать новую власть и войти с ней в контакт».

В первые же дни после Октября Маяковский и его друзья пошли в рабочие клубы. Перед поэтом была аудитория, о которой он мечтал в своем одиночестве.

Эта аудитория требовала стихов огромного напряжения, высокого накала. Стихи должны были поднимать боевой дух, электризовать, двигать. Маяковский создавал такие стихи.

«Левый марш» написан на клочке, по дороге к матросам, куда Маяковский вызвался

читать. Это не значит, что «Левый» сделан небрежно. Маяковский смог закончить это стихотворение с такой поспешностью только потому, что у него имелись так называемые поэтические заготовки — уже сделанные строфы стихов. Только неутомная, исперыванная работа над стихом помогла Маяковскому выполнить требования, предъявляемые революцией. Только громадный настойчивый труд позволил закончить к первой же годовщине Октября революционную песню «Мистерия-Буфф», написанную блестящим афористическим стихом.

С 1919 года Маяковский работает в телеграфном агентстве РОСТА — делает плакаты жестко и словом. Неудачливы он сам называл эту работу «фантастической вещью», обслуживанием горстью художников, вручную, стилистически примитивного народа». Аванная часть этой работы доставалась Маяковскому.

Что такое «онка сатиры РОСТА»? Представим себе Москву 1919 года, загроможденные трамвайные пути, пестрые витринные магазины. В витринах огромные разрозненные картины. Эти картины замешивают книги, газеты, радио. Их смотрят красноармейцы, идущие на фронт. Задача «онки РОСТА» — сказать о главном в сегодняшнем дне кратко, ярко и точно.

Мы можем прибавить: сказать художественно. Этим и замечательна работа Маяковского над плакатами. Маяковский никогда не позволял себе отмахнуться палочкой, затасканной рифмой: потренировал, мол, в таких тонкостях не разбирается. Маяковский и тогда знал: «Понимает ведущий класс искусство не хуже вас».

Хорошие стихи для РОСТА делались без мысли о своей писательской выгоде. Маяковский бесприметно отдавал крестьянину, рабочему, красноармейцу все свое поэтическое умение. Но есть справедливый закон в искусстве: тот, кто много дает, тот много и получает. Работа над плакатами помогла Маяковскому выпустить «150 000 000», «Владимир Ильич Ленин»: может быть, именно эта работа и сделала Маяковского подално народным поэтом.

Дело здесь не только в очищении языка и в приобретении привычки быть кратким и об-

цеплялись: Маяковский из дня в день приходил в центр, в самой гуще жизни, жила вместе со страной, воспринимала события каждого дня не как зритель, но как соучастник, как боец. Работа в РОСТА давала Маяковскому возможность полностью сняться со страны, ощутить в своей творческой работе биение ее пульса.

Стихи, сделанные для РОСТА, безымянны не только потому, что было не принято подписывать эти плакаты: Маяковский, любивший в дореволюционных стихах подчеркивать свое имя, сейчас точно отказывается от него. Вспомним начало «150 000 000», этой замечательной поэмы о нищете, голодной, но побеждающей России:

150 000 000 мастера этой поэмы имя.
Пуля — ритм.
Рифма — огонь из злания в злание.
150 000 000 говорят губами моими.
Ротационный шаг
в бульварном верте плащадей
напечатано это издание.

Стремление полностью слиться со страной, с трудящимися всех стран — замечательный факт в поэтической биографии Маяковского. Только чувствуя единение свое с миллионами, только ощущая себя как частную эту огромной силы, мог Маяковский писать о том, что имя — синоним революции, партии, Октября. Поэма «Владимиру Ильичу Ленину» — попытка показать в образе великого вождя биографию большевистской партии. Работая над этой вещью, Маяковский очень боялся впасть в сухой пересказ событий. Этого не случилось. Не случилось потому, что политическая тема была для Маяковского темой личной, личностной, насущной.

Не поэтическая метафора слова из поэмы «Ленину»:

Когда я вхожу
то, что прожина,
я ромаш в полях,
я ромаш в полях,
я вспоминаю
одно и то же —
давать патоку,
первый день.

25 октября, первый день новой эры, лействительно был ярчайшим днем в личной жизни Маяковского. Высотой в глубину этого дня взираю, сижу последующую жизнь. «Октябрьским озоном» насыщена вся поэтическая работа Маяковского.

Никто еще из наших поэтов не писал так, как Маяковский, о «железной железной буре», об «октябрьском бое»:

Штабная
тычется
чирканье моляний,
матросы
в бомбы
играют, как в мячики.
От гуда
дрожит
возбужденный Смыслный.
В патронташах
вижу пушечники.
— Вас
вызывает
товарищ Сталин.
Направо
третья,
он там.
— Товарищи,
не оставалась ли
что стали?
В броневике
и на потант! —
— Ест! —
повернулся
и скрылся скоро,
и только
на ленте
у флатского
под лампой
блеснула
«Аврора».

Эти стремительные стихи, передающие грозный колорит, напряженность и динамику то-

го дня, превзойденны пока что разве только самим же Маяковским в октябрьской поэме «Хорошо».

«Хорошо» написана к десятилетию революции. Первоначальное название поэмы — «Октябрь».

О заглавье вещи говорит автор.

Я хоту,
чтобы с этою
книгой побью,
из квартирной
мира
шел оный,
на плачах
пушметной палубы,
как штыком,
строкой
прошерва.
Чтоб из книги,
через ралость глаз,
от свидетеля
счастливого, —
в мускулы
усталые
алаясь
строича
и бутунчатой сила.
«Хорошо» — не исторические воспоминания. Это — непосредственное приобщение читателя к замечательной нашей действительности. Это стихи о том, какая страна создала Октябрь. Ответ спрашивающего:

Что это
за нация такая
«социалистичная»,
и что это за
«соци-
алистическое общество»?

В шестой главе этой поэмы Маяковский рассказывает о встрече своей в ночь на 26 октября с поэтом-символистом Блоком. Об этой же встрече он вспоминает в прозе:

«Спрашиваю: «Нравится?» — «Хорошо», — сказала Блок, а потом прибавил: «У меня в дерзие библиотеку сонгана». «Скажи мне это хорошо дан статься нах пошарим» — в своей поэзии Блок не выбрал...»

Маяковский полным голосом сказал революцию свое «Хорошо».

«Хорошо» — это также стихи о трудностях первых лет революции.

«Шестирин тома», горючие в пещуре. Разрушение заборы, разрушение дома. Длинные холодные ночи. Но

Линь, алая
в такую вот гололаха.

В. В. Маяковский на выставке «20 лет работы у витрины «РОСТА» (1930 год).

зубами
вместе
пролаская.
поймешь:
некая
на людей жалеет
ни одало,
ни ласку.
Землю,
где воздух,
как сладкий морс,
брошши
и мншш, колеса, —
но землю,
с которой
вместе мерз,
вошек
разаживать некая.

В эти годы зарождалось огромное чувство товарищества, дружбы, великого братства трудящихся всего мира, которым Октябрь дал настоящую родину. Октябрь дал родину и поэту Маяковскому, родину, навсегда любимую:

Можно
забыть,
где и когда
пузы растла
и любви,
но землю,
с которой
вдвоем голода,
некая
никогда
забыть!

Об этой родине, о «земле Москва» тоскует Маяковский, застрявший в Париже, в тоске, не цдяла себя, борется он со всякого рода дрянью: с ползающими, ползающими, калугриками, трусими. Этой родине, родине Октябрь, отдаст он всю свою силу, весь огонь своей большой души. Потому что

...Землю,
которую
зачева
и полужу
выпннннн,
где с пулей асталъ,
с винтовкой дожнъ,
где какай
лннннн с массаи, —
с такою
землею
пойдешь
на труд,
на праздник
и на смерть!

«Хорошо» — поэма о великой любви к родине и бесстрашии, нежности к врагам ее, любви к прошлому нашей страны, о замечательном ее настоящем и прекрасном будущем.

Знанием этого светлого будущего, великим оптимизмом пронизана вся поэтическая работа Маяковского. Оптимизм этот подымает и убеждает именно потому, что никто из поэтов не ощущал с такой остротой диалектические противоречия времени, никто так глубоко не понимал великую трудность «марша в коммунизм».

В этом — огромное отличие Маяковского от поэтов-акимиров. Маяковский видел будущее, потому что глубоко проникла в настоящее во всем его многообразии и сложности — драгическое свойство настоящего людей и настоящих поэтов.

Маяковский не «воспевал» революцию, он честно и вдохновенно делал дело революции. Дела, не тнувшись мелочами, не отказываясь ни от одной темы. И — удивительная вещь — даже самые бытовые стихи его, посвященные хотя бы переселению рабочего на новую квартиру или полднику на заем, больше чем любые оды или поэмы говорят о величии завоеваний Октября в области человеческого духа.

Эти завоевания, эти свойства подлинного гражданина нашей страны, ролящие его с людьми будущего, свойства, в высшей степени присущие самому Маяковскому, сформулированы им так: «Работать, работать, всегда жертвовать, неустойчивость изобретать, выгода отдавать, гордость человечеству».

А. СТАХАНОВ.

студент Провхаровской школы А. М. Кabanов.

МИЛЛИОНЫ БРАТЬЕВ ПО ИМЕНИ И ДЕЛУ

Перед глазами у меня судьба двух поколений нашей семьи: Варлама Стаханова, деда моего, и Григория Стаханова, отца. Оную жизнь не отличаю от другой. Мечтали о земле. К своей земле стремились жадно и безнадёжно. Четыре десятины — это была фамильная мечта. Исполнок веков Стахановым был беднейшей батрацкой семьей орошаемое село Луговато.

Я вилку себя у дедашки умирающего деда. Сашку, как зашевет от отца:

— Иди в город на заработки. Покупай землю, коня. Выбравшись из батраков. На шахту не ходи. Катюга, зря пропадёшь...

Дед мой в погоне за четырьмя десятинами побывал в Донбассе. По шестнадцати часов гнул спину в шахте и, кроме ревматизма, ничего в деревню не привёз. Отец деда не послушался: он тоже попытался искать счастье в шахте. Помню, как говорил мне отец:

— Много ли нам, сашкину? Землячки бы да коня бы. Этого добивайся. Счастье в земле.

«Как же так, — думал я, — счастье в земле? И дед и отец глубоко в землю забирались, а ничего, кроме усталой ямки, не нашли. Раз в глубине счастья нет, так что же на поверхности его искать? Если оно здесь обречено, так его давно похоронили». Мала бы я, а ведь правильно рассуждал.

Вся наша семья: отец, мать и две сестры — владела избенкой и половиной десятины земли. Мне было лет шесть, когда отца взяли на войну. Вернулся отец в 1917 году из австрийского плена больным, разбитым. Скоро мы похоронили его. Я остался единственным работником в семье. Мне было девять лет.

Из четырех классов сельской школой успел я окончить только три. Из четырех действий арифметики знала только три действия. Правильно десятины узнала я значительно позже, в Донбассе.

Самостоятельную жизнь я начала жить с двенадцати лет. Работал у мельника. От зари до ночи мешки таскала, а ночью ходила за конями, у мельника их говоров было.

Редакция «Смены» обратилась к ряду представителей советского молодого поколения со следующими тремя вопросами: 1. Думали ли вы о том, как сложилась бы ваша судьба до революции? 2. Что вам дала революция? 3. Как представляете себе свое будущее? Ниже печатаются полные редакции ответов.

Получил я у мельника три рубля в месяц. Сто лет копил, и то не хватало бы на четыре десятины. Тогда я решил хотя бы коня заработать. Сговорился с мельником: пятнадцать рублей деньгами и ползавработка в течение года за гнилого коня. Обманула мельник — не дал коня.

В 1927 году вытянулся я в высконого парня, а все еще ничего не видел кроме своей деревни. И вот решил я, наконец, уехать на шахту. С немощной полусловоматематикой повторил я судьбу отца и деда. Надежда у меня была одна: выколотить четыреста рублей за лето, вернуться в село и стать хозяином.

А теперь, представьте себе, что было бы, если бы в стране еще не грянула революция и попал бы я на шахту капиталистическую. В общем, мельника променял бы на шахтовладельца! Как пошла бы моя жизнь?

Предположим самое необычайное: стал бы заводчиком и в погоне за четырьмя десятинами рекордно повысил бы выработку и дал бы за смену сто тонн. Что бы произошло? С английской сотней рублей вернулся бы я в деревню и выполнял бы то, что зашевел нам дед: купил бы четыре десятины. Тогда стал бы я одним из миллионной армии мелких хозяйчиков, которые составляли большинство населения деревновоколонной России.

Но, может быть, я остался бы в шахте? Может быть, хозяин равнее бы мою славу по шахте, чтобы заставить и других рабочих повысить выработку? Печальным был бы эта слава! Для кого бы я старался? Для личного обогащения шахтовладельца.

Но вернее всего было бы так, как у деда и отца. Никогда бы я не додумался до нового метода добычи угля. Ведь для того, чтобы сделать то, что у деда в ночь с 31 августа на 1 сентября 1935 года — выдать майора сто тонн угля, — мне нужен был коммунист Петров, мне нужен был воздух революции, пробудивший мое сознание, открывший мне глаза на то, что мир мой — не четыре десятины, а сотни тысяч десятин советской земли.

Великую благодарность испытываю я к нашему вождю товарищу Сталину за его настоятельную заботу о рабочем человеке.

Как родного принял меня Сталин в Кремле в незабываемые ноябрьские дни 1935 года. Какой лаской светилась его глаза, как крепко было его рукопожатие! И мне захотелось работать так, чтобы полностью оправдать почетнейшее звание — сталинского ученика.

Весной прошлого года начал я работать инструктором в шахте. Я пошел тогда, что знание четырех действий арифметики недостаточное, чтобы наладить работу всей шахты, научиться мастерству товарищей...

Многие хотели узнать меня, чтобы принести еще большую пользу моей родине. Год я готовился к поступлению в Промышленную Академию. Товарищ Бабий, директор приминской школы, занимался со мной. Теперь учусь. Кончу академично, вернусь торжественно на уголь. Вот тогда порубаю!

Круто повернул из века проторенный путь нашей семьи.

Да и семья Стахановых выросла.

У меня появилось много новых родственников, и число их растет с каждым днем. На вагончик шахты встречаю и сыновей. Волнуетесь, делая фигуры под многоотомленным родом. Спрот от них корабли, ведут паровозы, топят пароходы, шют сапоги, собирают турбины. Как часто на улице, в театре, в поезде слышится: кто-то окликает меня. Иногда незаметно обернешься, прежде чем вспомнишь, что разговор о Стаханове, а не обо мне.

Вот как развинулась моя жизнь. Как же мне не любить своей родины!

Я. ЮСИМ.

директор 1-го государственного подшипникового завода имени А. М. Кагановича.

ДОВЕРИЕ СТРАНЫ

Как сложилась бы моя жизнь до революции? Не стоит гадать. Как бы она ни сложилась, я не имел бы тех возможностей для осуществления самых смелых планов и приложения всех своих способностей, какие имею сейчас.

Сумею ли бы я попасть в университет? А если бы и попал, то думаю, что первые же студенческие волнения вызвали бы мое исключение, а может быть, и ссылку. Потому что я имею смею причислять себя к тем, кто не мог бы выносить без протеста странной социальной и национальной тиш.

Но я живу после Октября, и все сложилось иначе. Я хотел быть инженером и стал им.

В ту пору, когда я учился, большинство моих сверстников хотело быть инженерами. Началась эпоха великих работ. Социализм брал на вооружение самую передовую технику мира. Все мы мечтали о том, чтобы приложить свой труд, свои руки, свои способности к замечательным машинам, которые впервые получала страна.

Едва мы сошли со школьной скамьи, как мечты наши осуществлялись. Первые детали пятилетки, гигантские заводы, начинали уже жить. Для каждого из нас нашлась бездна дел, дел нового, трудного, захватывающе-интересного.

Как странно читать объявления в зарубежных газетах, в которых инженеры умоляют о месте стороны и доктора философии соглашались на кусок хлеба подметать улицы. Эти объявления странно и удивительно читать как документы глухой древности. Мы ушли на столетия вперед.

Мне и моим сверстникам не пришлось искать работы. За нас «включен» наркомат и ведомство. Вся эта новая, только что построенная, сложная инженерия социализма требовала рабочих рук. Нам, молодым инженерам, растекавшимся из университетских центров по все пунктам гигантской страны, вручили ее, и мы были счастливцы.

Я учился в Одесском политехническом институте, готовился к проектировке подстанций транспортных сооружений. Вышло иначе. Тогда молодых инженеров распределяли не так, как сейчас: по размерам наркоматов, со строгим учетом специальности и профилей. Брали инженеров туда, где они были нужны. Так я попал на недавно законченный гигант — 1-й государственный шарикоподшипниковый завод имени А. М. Кагановича.

Это был один из многих боевых участков пятилетки, притом, вероятно, один из самых боевых. Завод выпускал и на старт от иностранной зависимости в области подшипников. А подшипники употребляются всюду и везде: трактора на колхозных полях, бесчисленные станы новых заводов, самолеты над великими просторами Аургии и советские автомобили — все они немисимы без подшипников.

Сначала я работал конструктором в отделе главного механика. Но эта работа оказалась

не по мне. Вскоре я перешел на производство, в кузню. Кузня была отстающим участком.

Я начал бороться за порядок в моей смеде, добиваясь устранения тех мелких неполадок, которые мешали только на первый взгляд. Планировал раскладку инструментов, организацию рабочего места, чистоту — вот за что шла борьба. После этого надо было переходить к организации подсобного хозяйства — кладовой, ввести регулярную и систематическую наладку машини перед работой.

Все это важно, но все это отойдет к машинным, а репалы люди. В тех подбках, которые одержала моя смеда, столько же «понины» мой товарищи, сколько и я.

Едва ли не главной причиной наших успехов была наша тесная, хорошая дружба. Мы не только вместе работали, мы вместе учились, отдыхали, веселились. Мы вместе выдвигали смеде планы, вместе обдумывали их.

После того как мы вышли из прохива, начали регулярно перевыполнять планы, у нас родились все более и более смелые замыслы. Перед решающим скачком вперед я вынесла в цехе подробный план, из которого каждый мог узнать, что ему нужно делать. В ночь на 11 октября 1935 года моя смеда дала 40 197 осей вместо 28 тысяч, по плану.

Это была не только победа моей смеды. Это была победа всего завода. Ощущение великой важности совершенного нами дела — чувство, возможное только в нашей стране, — воздвигало нас на дающую работу. Эта победа была одержана благодаря товарищу Сталину, раскрывшему нам и всем станководцам смысла и значение нашей работы. Эта победа была одержана благодаря тов. Орловскому, после первых же наших успехов поверившего в нас и поддерживавшего нас.

И вот мне, тридцатитрехлетнему инженеру, поручили завод. Вчера еще руководивший 60 рабочими, сегодня я поставлен во главе огромного коллектива в 25 тысяч человек. Где еще возможно такое выдвижение молодых работников? Всюду в нашей стране открыта дорога молодежи. Я мог бы проиллюстрировать это сотнями примеров, хотя бы из жизни нашего завода. Но ограничусь немногим. Я главу моего заместителя инженера-орденоносца Зельштейна. В цехе меня заменил комсомолец Сабокин...

В свое время итальянские инженеры утверждали, что дать более 2 миллионов подшипников в месяц нам не под силу. Однако уже в июне прошлого года завод дала 3 миллиона. Правда, серьезные неполадки, незначимые к станководцам, неправильная организация производства привели к тому, что выработка снова упала. Но уже в августе этого года мы сумели снова довести ее до 160—165 тысяч в день. А это означает 4 миллиона подшипников в месяц.

Я не преуменьшаю трудности, но уверен, что при условии систематической помощи станководцам, бережного выраживания их и правильной организации труда мы можем пойти вперед так далеко, как это трудно даже сейчас представить. Поручу тому — успехи таких людей, как станочник Бичинин, перешедший из два станка и достигший выработки в 460% нормы, станковальщица Мамая, выполняющая норму на 292%, подборщица Ларионова, выполняющая норму на 295%. Кроме них за последние время стали в перенут станководцы и показали себя мастерами социалистического труда Буренков, Конова, Виноградов, Абрамов — еще десятки и сотни людей.

Правда, есть на заводе и саботажники, люди, зарвавшиеся мелкобуржуазным анархизмом. Наша обязанность — обязанность руководителей — разоблачить этих дезорганизаторов производства, удалять тем самым помехи с пути станководского движения.

Я рассматриваю свое назначение как высокую честь для себя. Мне, как и многим другим станководцам, которым поручена столь важная и ответственная работа, следует оправдать лояными успехами доверие страны, партии и любимого товарища Сталина, генерального организатора всех наших побед.

Б. ЧИРКОВ,

артист Ленинградского ордена Ленина киностудии «Ленфильм».

СЧАСТЬЕ ТВОРИТЬ

Меня попросили ответить на три вопроса, а получилось так, что нужно рассказать всю мою жизнь.

Вот моя карточка. Она снята в бывшей Екатеринбургской губернии, в одном из рудничных поселков, где отец служил бухгалтером. Здесь где-то я родился и прожил первые годы детства.

Я спросил: на нее, пытаюсь ответить на первый вопрос; что бы меня вышло, если бы задержалась на долгие годы Октябрьская революция?

Я пытаюсь вспомнить свое детство. Но мало очень осталось в памяти.

Помню, что в пять лет была странно горд знанием того, что остров — это часть суши, окруженная со всех сторон водами. Читать научился рано и с трудом делал любовь к Жюль Верну и Майн Рида с драмами на улицах и лазающим по заборам.

Учился в Вятской губернии лесному, но удачно.

Что же бы из меня вышло?

Домна хотела, чтоб был инженером. Едва ли сделала бы: очень уж не ладил с математикой. А кроме того думала, что все инженеры — воры. Может быть, стал бы учителем, хотя

В феврале 1917 года чуть ли не всем учащимся бегали мы отбирать шкуру у городского, что стоя на угау нашей улицы. И только в конце лета, когда нас, мальчишек, отравил по деревням регистрировать запись хлеба и фуража, мы все поняли: что-то меняется. Мы увидели совсем новых людей. Какие-то непривычные матросы и солдаты в казачьих шинелях. Встретили, как будто, еще войну. Временное правительство и нас, растерянных регистраторов.

С осени в городе начались митинги. На базарной площади никто уже не торговал: все спорили. А с ноября пошел большие перемены. Город вдруг ожил и заволаговался. Появились новые люди. Появились новые учреждения и заводы: Совет, Усовнархоз, Школа II ступени. Началась общественная жизнь и у нас, в школе; собрания, драматический кружок.

Меня как хорошего подсказчика приделали в сфелеры. Карьера моя была непрогнозируемая, но блестящая. Подлая текст актерам, я так увлекался, что забавлял, где и что и в. И, наконец, на одном из спектаклей до того забавлял, что, вступившись из бужды, начал в полный голос читать пьесу. Под громовой хохот публики занавес быстро задернулся, а меня повесили в актерам.

Осенью 1921 года с целым замешательством отправился я учиться. Через 2—3 дня, едва мы успели оглядеться в пустом и заросшем травом Петрограде, как наши студенческие удовольствия кончились, а лучшие наряды были украдены. К нашему счастью, тогда был установлен порядок, по которому каждый, державший испытания и вышедший учебное заведение, получал павк. И целых месяц, как утосался, мы носились по городу, славя направо и налево экзамены и добывая хлеб наступили.

Помню, что в Лесном институте мы заработали трехдневный запас фасоли. Академика художеств в течение 5 дней кормила нас супом в своей столовой. Больше всего пострадал Институт имени Ассатири, так как экзамены мы туда сдавали дважды: за один раз записавшись в общежитие, а это стоило доверчивому Институту трехдневного хлебного пайка. Но все же щедрость Политбюро не позволило, выдвигая сразу двухдневный запас картошки, нас окончательно покорили, и мы, наконец, угомонились.

Началась учеба непосредственно с работой в порту. Неудача работ, разгрома одного судна, обескуражила, по крайней мере, месяц учебы. Мы встали на ноги, и на первые же денги была комиссия обавалась студенческими фуражками.

Через год, видя мои неудачи в области точных наук и помня успехи на фронте искусства, заменили «под коновое» свали меня к институту естественных наук.

Три года со всем рвением постигал я «лево» искусство и гордо изображал пушечное мясо в бесчисленных театральны экспериментах. Но в 1923 году, поступив в театр и сознательно встретившись со зрителем, понял я, что театр не для меня, а для зрителя. С этого времени начался мой подлинная театральная учеба.

Первым моим театром был ленинградский ТЮЗ. Я играл птиц, зверей, диких людей — амогов.

Постепенно — то ли я начал цивилизоваться, то ли театр ошеловачивался — мне стали поручать изображать и живых людей. В конце первого года работы я играл Тина Уин.

С той поры играл я много. Играл молодых разувистых паренков, играл грустных ста-

Подаю, что читатели аяуют, о каком Максиме я говорю.

рыков. Любля изображать хитрого, но легкомысленного Самуила-Павса, с удовольствием играл профессором, не побоявшись ни склоне лет примкнуть к самой лучшей части человечества, борющейся против фашизма («Продолжение следует»). Но ни о какой своей работе я не вспоминаю с таким удовольствием, как о Тиле. Все, что и играл прежде, я стал бы теперь играть иначе — все, кроме Тиле.

А может быть, это была моя юность в театре. В 1930 году захотелся самоопределенной работы. Из рассказов сибирских партизан и отрывка из повести Вишневского сласалли мы с актрисой Уваровой пьесу для эстрады. Вопреки всем традициям, в лирическом диалоге тихими голосами пытались мы раскрыть судьбы двух людей.

В 1932 году начал работать в кино.

Со всех концов Союза идут письма на фабрику. Писут дети и взрослые, ругают, хвалят, торчат с выписку картин.

Я люблю эту работу. Люблю ее и за широту и за то, что сам могу контролировать свое качество. Но в это время никогда и так не расстраивался, как теперь, когда смотрю свои картины. Почти всегда хочется содрать свои изображения с экрана или крикнуть вслахику: «Да оставши же ты пресконию!» Я был все переделал. Разве что оставил бы старика из «Чапаса». Все остальное — только палим, только заявляю на роль, на образ. Но зато мне кажется, что с каждым годом и становлюсь все сильнее и сильнее, как будто бы жизнь пошла наизоброт, как будто

«лет до ста страши
мод без tapaszt...»

И мне кажется, все у меня вперед: самые лучшие люди, самые лучшие работы.

Вель и у засниного на этом фото Максима все вперед: он будет жить на улице и в 1917 году и в наши дни. Подаю, что большинство читателей знает, о каком Максиме я говорю. Фильм «Юность Максима», в котором и снимался, дал мне огромную радость. Может ли быть лучшей чести для советского актера, чем приобщиться к героическому прошлому нашей партии, создать образ протарелая и борца, одного из тех, кто ввел в нашу историю и делет историю нашего великого народа? Но и Максина в последующих сериях я хочу сыграть еще лучше, еще ярче.

И еще хочу сказать? Хочу играть крестьянина старой России, хочу играть Гамлета. Хочу наизыть книгу. Все хочу.

Вот моя карточка. Она снята в бывшей Екатеринбургской губернии.

никакого тяготения к этой профессии не испытывал. Как теперь с легкостью могу представить себя за любой работой — от шопера до библиотечника, так трудно мне отыскать себе занятие в прошлом.

Нина бы где-нибудь в тогашней страшной провинции... Нет, неинтересно копаться в той юности жизни.

Город, где я жил, был паховый, почти деревня — Ноинск. Говорили, что старое его, настоящее имя — Номи, так бы был маленьким. До лесной дороги — 140 километров, до малосудходной реки — 25.

Война сказалась только тем, что в городе стало меньше людей, знакомых и незнакомых. В учашке молодых учеников заменила учительницами и — к нашему удовольствию — отменены были экзамены.

ГОРДОСТЬ БЫТЬ ДОЧЕРЬЮ ВЕЛИКОГО НАРОДА

ВАЛЕНТИНА ХЕТАГУРОВА,

инструктор красная девушка на Дальнем Востоке

Я хочу сначала ответить на второй вопрос: что дала мне Великая октябрьская революция? На этот вопрос я отвечу просто и коротко: все. Это все равно, как спросить: что дала мне родная мать?

Все, что я имею, что радует меня, когда я оглянусь вокруг, что я люблю больше всего на свете, чем я горжусь, — все это дала Великая октябрьская революция. Она дала мне яркую молодость, боевую увлекательную работу, замечательных подруг, друзей. Она дала мне счастливую жизнь во всех ее проявлениях: производственную, общественную, личную.

Я родилась в семье рабочего Балтийского завода в Ленинграде. Наверное, мое появление на свет не принесло большой радости семье: я была сирота, а родилась дочь, третья по счету. Дождавшийся сны родился через год, а через три года умер отец.

Нас осталось четверо у матери. Старшей сестре едва минуло 9 лет. Почти круглые сутки в нашей комнате стучала швейная машинка: ночи напролет мать не смыкала глаз, зарабатывая на хлеб своим малышом. Но, конечно, если бы не революция, мать не смогла бы прокормить нас. Я уже не говорю о воспитании и учебе. Ну кем бы могли стать дочери простого рабочего и портнихи? Прачками, судомойками, полищицами на фабрике.

В лучшем случае перепадали бы ремесло материн и стали белошвейками. Вот вам, между прочим, ответ на первый вопрос.

Революция дала нам возможность учиться, открыла перед нами двери школы, вуза. Моя старшая сестра Вера училась в Голубицком институте (несчастный трагический случай унес ее в год окончания учебы). Нина в будущем году кончает химический институт. Я училась в конструкторском техникуме. Брат Борис, окончив школу фабрично-заводского ученичества, работает механиком на заводе. Так что все трос «вышел в люди», устроены, довольны своей судьбой, счастливы. Я некогда не жалела, что прервала учебу и поехала с путевой ЦК комсомола на Дальний Восток. Пять лет, прожитых здесь, на границе, в обстановке полувоенной, явились для меня замечательным университетом. Я благодарна комсомолу за эту путевку. Вот и выходит, что революция не только дала мне все, о чем и говорила: она создала меня, как и тысячи моих подруг по комсомолу.

А какое это счастье, товарищи, быть дочерью Октября, дочерью великой страны социализма!

На третий вопрос — о чем я мечтаю — не могу ответить двумя словами.

Совсем недавно пришлось мне покинуть тот далекий таежный гарнизон, в котором я провела пять лет и с которым сроднилась. Ничего не подальше: дело наше военное. Придется

мне «командовать» теперь новым «подразделением» женщин-общественниц.

И вот я мечтаю развернуть большую общественную работу в этой части, улучшить с помощью своих новых подруг работу столовой, расширить и отлично оборудовать детский сад. В соревновании частей ОЖДВА наша часть не может быть последней.

Правда, пока мне никак не удается заняться делами части. Я работаю сейчас в красной коммиссии по приему новых девушек, прибывающих на Дальний Восток. Каждый день вместе с со своими товарищами я встречаю и направляю на работу сотни новых дальневосточниц. Я мечтаю о том, что все же за первой партией в 5 тысяч человек (вот сколько девушек приехало уже к нам!) придет еще много тысяч, что все они хорошо устроятся здесь, будут поставлены на работу, найдут друзей и подруг и позволят нам Дальний Восток также горячо и страстно, как его любят мы, «старшие» дальневосточники.

Потом я мечтаю об учебе. Я всегда буду вести активную общественную работу и всеми силами стараться опаналать ту высокую награду, которую дала мне правительством. Но я хочу иметь специальность. Таковую, которая была бы полезна и в мирное и в военное время. Я выбрала для себя такую специальность: буду военным врачом. Мне кажется, что нет почетней труда, чем залечивать боевые раны доблестным защитникам родины.

Валентина Хетагурова (крайняя слева) на хабаровском вокзале с группой девушек, приехавших на Дальний Восток.

Н. ФЛОЯ,

научный сотрудник Астрономического института имени Штернберга

ОРУЖИЕ НАУКИ

Заниятия астрономией начались в одиннадцать лет. Одесса, несомненно пригород Лустдорф, Аркадия...

Было страшно интересно коллекционировать бабочек, жуков, валяться на песке, купаться до тех пор, пока не посинеешь, но самое занимательное, — была пилотом на расклевывающей крысе, читая Фемину-Ариона.

Гигантские расстояния между планетами, огромные объемы звезд и, главное, недоступность этих миров вызвали у меня бешеное любопытство.

Всюкими правдами и неправдами я достал бинокль и звездную карту и начал зарисовывать отдельные участки звездного неба. Из бумаги с картоном сделала астрономическую трубу, подобрал окуляры стекла и потихоньку убрал ночью на дачу, чтобы часами смотреть на небо.

С самодельной трубой я проработала полтора года, потом достала настоящую трубу мореходного типа.

К тому времени я прочла уже много книг по астрономии и через некоторое время я вступила в кружок любителей астрономии при одесской обсерватории.

Я поступила учиться в одесский химический институт, так как астрономического в Одессе не было.

Одновременно я перешла из дому в обсерваторию, чтобы удобнее было вести работу — наблюдать за звездами.

Сколько бессонных ночей у телескопа! А днем загруженная студенческая жизнь: химия, общественная работа...

В этот период я не спала неделями. Это было, как залоп, и становилось совершенно очевидно, что именно астрономия, а не химия я должна посвятить свою жизнь.

В 1929 году, семнадцати лет, я приехала в Ленинград и стала работать в Пулковской обсерватории.

Мало ясных ночей в Ленинграде. В плохую погоду небо недоступно наблюдению. На крыше своего дома, на Крестовском острове, устроила маленькую обсерваторию, установила там пятидюймовый рефлектор Цейса и караулила ясные ночи.

Зимой, в двадцатиградусный мороз, надевала валенки и туфли, вылезала на крышу и записывала свои наблюдения.

Через два года я переехала в таинственную обсерваторию.

Тут началась самостоятельная научная работа.

Работать в Таинстве после Ленинграда было вначале трудно. Иногда в куполе обсерватории стояла такая нереальная жара, что приходилось лезть вниз, аккомпанировать голову в студеньный ключ и держать там ее несколько минут, только после этого можно было снова начинать работу. Но все же искула количество ясных ночей и прекрасное качество южного неба.

За три года я сделала шестьдесят тысяч наблюдений. Программа работы, расписание аппаратуры — все было рассчитано до секунд. Обычно для звездных наблюдений астрономы составляли программу на каждую ночь. В программу входило звезды, разбросанные на разных участках неба. Наводка телескопа, прикладывание фотометра отнимали каждый раз очень много времени.

Я делала наблюдения над небольшими участками, иногда наблюдала звездами группами.

Этот метод был отмечен Всесоюзным астрономо-геодезическим съездом в 1934 году, и сейчас некоторые обсерватории применяют его при наблюдениях переменных звезд.

В январе 1936 года я впервые полетела в стратосферу для наблюдения за лунными затмениями.

Луна освещается лучами, преломляемыми земной атмосферой.

Наблюдая во время затмения за распределением света на лунном диске, можно изучить земную атмосферу и, что особенно интересно, верхние ее слои — стратосферу.

Я летела первый раз в жизни.

Стратостат, подвешенный на 6½ километрах, комбинезон на медвежий меху, резиновая маска, кислородные приборы — вся эта необычайная обстановка волновала и радовала меня.

Но самым замечательным было абсолютно безоблачное небо.

Первый раз в жизни я видела почти не мерцающие звезды.

Когда началось наблюдение, луна была в полной фазе. Она поднимала краснорубым диском с голубой полойской вишней.

Постепенно, минут через десять — пятнадцать, земная тень начала сдвигаться, и через полтора часа от луны остался только краешек.

За тенью идет полутень. Ее я также наблюдала.

Наблюдение продолжалось около 3 часов при температуре 37° ниже нуля.

Сейчас я работаю над проблемой переменных звезд.

Яркость большинства звезд постоянна. Но имеется ряд звезд, свет которых постоянно колеблется в определенных пределах. Звезда то как бы вспыхивает, то снова погасает. Такие звезды называются переменными.

Установлено, что особую группу переменных звезд, находящихся на различном расстоянии от земли, обладают одинаковой силой света.

Это позволяет создать очень ценный метод для измерения расстояний до отдаленных звездных систем.

Это дает возможность решить большой вопрос о строении Вселенной и ее размере.

Кроме того в переменных звездах мы, по существу, наблюдаем гигантские физические процессы, протекающие при таких условиях, как чрезвычайно высокая температура и высокая давление, такие как не можем еще достичь ни в одной земной лаборатории.

В этом вопросе астрономия тесно сотрудничает с физикой, доставляя физике чрезвычайно ценный экспериментальный материал.

Я занимаюсь астрономией 14 лет.

Все эти годы я постепенно овладеваю этой увлекательной наукой.

Вселенная поражает нас громадными расстояниями и необъятными хронологическими перспективами, нивелирующими человеческую историю до размеров мгновения.

Многих буржуазных ученых результаты астрономических наблюдений и исследований приводят к крайнему пессимизму, отрицанию широкого прогресса.

Меня, как и всех советских астрономов, законы вселенной утверждают в материалистическом мировоззрении, дают нам оружие против реакционных бредней фашистских «учебных».

И часто думаю о том, что до революции я смог бы заниматься астрономией только урывками, а может быть, и вовсе не заниматься.

Только революция сделала действительностью то, что раньше могло быть только мечтой.

Благодаря ей открылись широкие перспективы и возможности плодотворной работы на благо великой советской социалистической родины.

У меня много павлов.

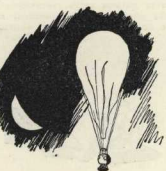
Овладевая в совершенстве всей существующей методикой в области астрономии.

Разрешить проблему строения, эволюции и жизненного пути переменных звезд.

Разрешить проблему источников звездной энергии и подойти возможно ближе к решению вопросов космогонии.

Последняя задача очень смелая: чтобы решить ее, может быть, не хватит и всей моей жизни. Но наше поколение воспиталось в духе великой идеи, что нет таких крепостей, которых нельзя было бы взять.

И самая большая моя мечта — заслужить похвалу того, кто сказал эти слова, заслужить научным подвигом одобрение великого Сталина.

И. ПАРФЕНТЬЕВ

младший командир Н-ского стрелкового полка.

САМОЕ ПОЧЕТНОЕ ПРАВО

Когда я был мальчиком, я любил рассматривать нашу семейную фотографию. Мать и унаваля сразу же встала, и котормы она была счастливой, не была, хотя окружающие называли ее моим отцом. Мать была солдаткой. Жила мы очень бедно. Мать, бывало, соберется в Москву за хлебом, уходит на два-три дня, и я плачу, жую ее. Часто она приезжала без хлеба. Я был рад ей и так. Мать сидит посреди избы, смотрит на меня, плачет, называет сироткой.

Отцу некогда до войны пришлось быть демобилизоваться, но началось империалистическая война и на год он оторвался от семьи.

С 1915 по 1922 год отец был в германском плену. Когда он приехал домой, я посмотрел сначала на фотографию, потом на отца и увидел, как он постарел. Жизнь у отца была тяжелая. Мать его, бабка Ефимья, в детстве воспитала мальчишка собирать по миру. Но Георгий Парфентьев, отец мой, был упрямый человек. Он не хотел быть всею жизнью нищим и выучился плотничать. Много пришлось ему пережить. Был он на побегушках-подручках, как принято говорить. А когда набрался опыта, плотником, пошел в военную службу.

Прошло четверть века с того дня, как скавал отцу, что «тогда», а все не может он забыть отца, зуботочни, росею. Отец любит повторять, что в 1914 году попал он на войну задержать три четверти десятилетия, которыми владели наша семья, и тысячи десятилетия поучились. Так почитать жизнь научили в окопах сознательные солдаты большевистские агитаторы.

Вернувшись из плена, отец стал учить меня плотническому ремеслу. Было это в 1925—1926 году. Я учился охотно, работа мне нравилась. Мне хотелось поехать в Москву на большой завод. Возбуждал во мне эту мечту дядюшкин брат. Я смеялся на него, московского сесаря, с восхищением. Мне страстно хотелось от работы над деревом, от календы теса, от производства раб, пережить быт над делом, овладеть какой-нибудь машиной.

Семидесяти лет, в 1929 году, впервые я увидел Москву. Я всему удивлялся, все меня поразило. Дядюшкин брат устроил меня учеником в слесарную мастерскую при Сокольниковском районном жилищном коопе. Проработав почти пять лет, я думал пойти на завод, но полосушка мой призыва. Языком был получил за новое направление. Я стал бойцом Рабоче-крестьянской Красной армии.

Родился я на два десятилетия лет раньше, чем родился бы мне, вероятно, как отцу моему, побориться под знаменем стать «сиротой» котормой, как называли солдат. Не было у отца родины. Не было бы ее и у меня. Да, поборился бы, батрачка бы, титну бы солдатскую амину.

Нет, не стал бы я терпеть! Мне и отцу моему большевистки-агитаторы открыли глаза. А мы, молодые, и недавно пошли бы бороться против помещиков и капиталистов, за хорошую жизнь, за все, что сейчас имеем и что так недостойно было нам тогда.

На призывной комиссии меня спросили, какой род войск я хочу выбрать. Я попросил отправить меня в морской флот. По здоровью я подошел, а по культуре, образованию оказался слаб. Была и малорослость, книг и газет совсем не читал.

Меня зачислили в Н-ский стрелковый полк. Попав в полк, пригласили к товарищам по

подразделению, вижу, что таких отсталых и неучных, как я, очень мало, которм все напороз авиаций, лодок. Пришлось мне поработать, чтобы не жалеть в хвосте, не мешать другим.

Мне во многом помогли командиры, товарищи по спланию, багдарены я спомну командиру отделения коммунист тов. Рехману. Он много со мной занимался. Трудней всего

давалась мне полнотучеба, но Рехман казался вечер занимался со мной в чепулке, помогал составлять конспекты, научил разбираться в книгах и газетах.

Передо мной открывался интересный мир. Командиры, Рехман, бойцы научили меня бороться за то, чтобы наше подразделение заняло первенство по всем показателям, имело право стоять на правом фланге. Я подтягивался, старался. Чувствовал: нельзя подводить свое отделение, взвод, батальон. Я старался выйти на первое место.

Старая военная пословица гласит: «Пехота—прищипка полей». Пренебрежительное отношение некоторой части молодежи к службе в пехоте можно объяснить только незнанием ценности стрелковых некоторых частей. Командир пехотной части должен знать тактическое и стратегическое значение танка, авиации, кавалерии. У него должен быть широкий военный кругозор.

Старина мой отчаянно служил успешно и некоторым успехом. Когда был в лагере, я имел благодарность от полнотуча роты за образцовый порядок в палатах. Лейтенант вынес мне благодарность за хорошую подготовку бойцов стрелком и стрелковым занятиям, командование полка — за образцовое содержание оружия в отделении. Была одна денежная награда — 75 рублей — за хорошую пристрелку оружия. В 1936 году по стрелковой подготовке я добился отличных результатов: на 500 метров из пяти посланных в мишень патронов три попали в цель. Но больше всего я любил решать тактические задачи в классе, на макетах, по карте и в поле, во время маневров, когда тебе доверена судьба группы людей. В таких условиях особенно остро работает мозг. Надо принять правильное решение, надо помнить о людях, помнить, что позади тебя находится твоя воинская часть, посланная тобой на ответственное задание. За правильное решение тактических задач я имею четыре благодарности.

Красная армия пробудила во мне постоянное желание расти, учиться дальше. Я хочу воспользоваться возможностью, предоставленной мне редакцией журнала «Смена», чтобы отметить мои замечательные наказы. Каждый бой, каждый командир Красной армии имеет все условия для развития своих способностей, талантов. Возьмите наш полковой клуб, наши библиотеки, все наизусть, и мы сразу увидим, как много и плодотворно учатся люди. Одни в рабочей комнате клуба готовят к поступлению в вуз или в одну из военных академий, другие занимаются музыкой, живописью, третий изучает иностранный язык, четвертый пишет стихи, пятый просто читает. Нет у нас в полку такого человека, который не был бы вовлечен в учебу. Вспомню, как я впервые пришел в нашу библиотеку. Библиотекарь дал мне «Бронепоезд Восточная». Это была первая книга, которую я взял в библиотеке. Воевал не забуду этой книги. Я начал читать. Я стал брать сочинения Льва Толстого, книги Пушкина, Лермонтова, Чехова.

О нашей армии, будь у меня талант, я написал бы книгу.

В прошлом году я был дома, в родном Климентьевском колхозе. Замечал радость приветствия меня, младшего командира. Старин мой не мог скрыть своей радости. Мать, как только я вошел, заставила меня сделать два поклона и скавала:

«Какой ты у меня хороший, справный». Мне хотелось сказать матери, что сделал меня справным, хорошим человеком армия, руководимая Климом Ворошиловым, партией Ленина — Сталина, наша могучая, прекрасная родина.

У каждого человека есть мысли о будущем. Я хочу поступить в пехотную школу, стать лейтенантом. Я хочу, чтобы военное дело стало моею пожизненной специальностью. Я знаю, что самое почетное из всех прав, какие дает Сталинская Конституция — это право защищать нашу родину.

И вот я и желаю стать членом Ленинского комсомола.

Другие наши бойцы и командиры могли бы, наверно, ответить на вопросы редакции ярче, интересней. У каждого из нас своя биография, свои мечты и стремления. Но при всей разности натуры и характеров мы объединены в спланированную и своей матери-родиной. А это — самое главное.

Н. СААТКИН.

аспирант Института народов Севера.

В С Е!

Если бы революция задержалась?.. Но у меня не было бы тогда биографии! Мой народ находился на той ступени развития, когда событий нет,— есть прописания, и биография невозможна: ее заменит существование ото дня ко дню.

Я могу одним словом ответить на вопрос, что мне дала революция— все!

До Октября эвенки не имели истории, этой биографии народа. Что могло бы войти в нее? Пути кончались и тайги? Количество добытых шкур? Странные эпидемии, уменьшавшие чуть не вдвое количество людей моего народа?

Я помню тайгу, могучую лесную чащу, заросшую сосной, елью, пихтой и кедром. По узкой тропинке женщинам ведут олени. Песни на восток первого оленя, к нему привязан второй, ко которому— третий, и так они двигаются гуськом, до десятка оленей в каждой апарке. К спинам оленей привязаны тюки и грудастые дети. Дети чуть постарше двигаются самостоятельно, а детишки управляют алымиками. Среди них и я. С осенней, удачно прошедшей охоты возвращаемся мы на зимние становища.

Но раньше чем мы подождем к становищу, быстро вышедшие сани остановились. Они едут со стороны села. Мы знаем: это купцы.

Пока наши женщины кипятят чай и варят оленьи мозги, меня купцов (оба купца приходят с женой) расскалывают подарки. Перед тем как начать еду, купчики раздают нам эти подарки: мешочки с медовыми конфетами, сахаром, карнавал хлеба (эвенки едят пресные лепешки, и кислый, поджаренный на дрожжах хлеб,— дурное лакомство для них).

Купеческие подарки стоят гроши, а наши женщины отдают их шкурами. Они отдают охотничью шкуру и не считают, потому что охота была удачной...

Мы начинаем еду, и купцы ставят последний свой подарок— бутылку водки. Но что бутылка для людей дающих человеку? Охотники просят у купцов еще водки. Что же, это можно: сани завалили бутылками. Но эта водка уже не дарится, а продается.

Чем больше наливают охотники, тем больше шкур берут купцы за бутылку. Первыми пьютот старухи. Они начинают пить, вспоминая в песне любимых оленей и давно умерших сыновей. Скоро им начинают податывать молодые женщины. Но мужчина-охотники не пьют: все так же нетерпеливо и весело беседуют они с купцами. Только все больше запиваются их языки. И тут купцы, переглянувшись, переходят к делу. Они почти не пили, предусмотрительные купцы, и головы их сияли. В несколько минут все сидело замалчивая, смывая. В несколько минут все сидело замалчивая, смывая. В несколько минут все сидело замалчивая, смывая. В несколько минут все сидело замалчивая, смывая.

Чего же удивляться, если через месяц уже начинается голод, а вместе с ним болезни. Эвенков становится все меньше, особенно женщин.

Летом я кочевал с отцом, зимой же он оставался мне в чужих семьях. Пяти лет я ходил за чужими детьми, и за это меня кормили вериголом. Чужие женщины били меня телячьими паками для зарывания хлеба (эвенки пекут лепешки, зарывая их в горячую землю).

Возвращаясь с охоты, отец заставлял меня топить, и все говорил, что я должен скоро умереть. Поэтому в одну из зим он оставал меня за балку в русской семье.

И здесь я топе поил коней и нянчился с детьми. Дети постарше, верные духу этой жестокой кулацкой семьи, шипели на меня: «стун-гусенок»— и не давали жить. Но были ребята,

с которыми я дружил. Одинадцатилетний Генька звал меня с собой в школу. Я не знала, что такое школа, и боялась ее, как смерти. Тогда Генька принес мне букварь. Букварь был замечательным и увлекательным, таинственным и волшебным. Первые буквы были нарисованы в нем. Генька показывал мне буквы и называл их. Так я научилась читать.

Первые вести о революции ничего не изменили в жизни моего народа. Это была февральская революция, и купцы продолжали ездить к нам, привозя с собой грошовые подарки и водку.

Охотники не верили, что нет больше дая, который представлялся им сердитым богом русских. Но однажды, поехав в деревню за мукой, они привезли с собой удивительные вещи: хлеба больше не продают, и это не хуже, а лучше, потому что есть начальные, который раздает его даром. Дают даже их соля.

Это было много позже после Октября. Началась голод, пролетариат и карточка, и тут эвенков не забывал. Пусть история напишет: в самое тяжелое для страны время большевики заботились о маленьком охотничьем народе так, что мы жила лучше чем тогда, когда и нам сдался купцы. С самого начала мы поняли, что большевики— это значит друг нашего народа.

Я помню только начало той трагической работы, которую прославила большевика и которая перенесла мой народ на столетие вперед. Я помню только первые школы, больницы и кооперативы.

Потом я уехала.

В 1925 году Комитет Севера вызвал первых эвенков в Ленинград, где они должны были учиться на специальном отделении Ленинградского университета. Из сосланных становилась уже двое молодых парней.

Я написала письмо в Ленинград: сказала чернила из ледя голубчик, сказала смелой конфер, занисла на нем название города и фамилию.

На почте не приняли письма. Они требовали название уланца, а я не знала, что для адреса требуется название уланца. Они требовали номер дома, а я не знала, что у домов могут быть номера. Но потом я узнала, и раздобыла адрес, и послала письмо.

В районном центре врач осмотрел меня и выдал справку, что к учению я непригоден.

Я прочел справку, разорвал ее и поехал. Иркуту яспускал меня: шум, которого я никогда не слышала, огромные дома, и ночью светало, как днем.

В Иркутске познакомили меня на поезд, научили бегать за книжками и телеграфировать в Ленинград, чтобы меня встречали.

Тут начинаются суровые будни учебы.

Я уехала на рифаре Института народов Севера.

Копилка его, потом кончилась самой Институт и была зачислен в аспирантуру.

Меня приняли в комсомол.

В Институте Севера учатся триста человек двадцати национальностей.

И каждый новый прием показывал мне, как велики намерения в том краю, от которого я временно отъезжал.

Еще не так давно приехавших оттуда учили уму-разуму, носить одежду и есть европейские блюда. Теперь приспосабливали, хорошо одетые, культурные юноши и девушки, такие же, как из любой части нашей великой страны. В самом деле, они учились школам, их лечили врачи, и— научные отцами, что большевики— душили друзей нашего народа,— многие из них сами стали комсомольцами и коммунистами.

Копилкас копечнее моего народа. Охотничьи козамы обеспечили ему зажиточную жизнь.

Когда я уехала, у эвенков не было письменности. Сейчас в тайге открылись библиотеки и в них книги на моем родном языке. Я сама участвовала в составлении этих книг: букварей, учебников, хрестоматий. Я перела на язык эвенков брошюры о советах, «Сталинистский сморителем» Пушкина и горьковского «Девятое января».

С увлечением и страстью впитывала я знания, которые были недоступны людям моего народа, а теперь стал также и его достоинством. Город Ленинград показывал мне бесчисленные свои культурные сокровища. Но я тосков по своему народу, хочу скорей вернуться к нему.

Может быть, я вернусь к нему первым учеником из его числа, может быть, первым учеником будет другой. Все равно, понимаю ли я, что мой народ, который я помню народом бродячих охотников: без школы, без письменности, без поселений, отмеченных на карте,— будет иметь совсем скоро, в этом году, быть может, своих ученых.

Вместе со всеми народами нашей великой родины мой маленький народ, пролежавший за двадцатилетие путь многих веков, приносит товарищу Сталину великую любовь и благодарность за счастливую жизнь.

СПАСИБО РОДИНЕ

ресах, склонностях, способностях. Школой отца была кухня. В чаду, в кухонной грязи, снах и побоях прошла голая «учеба». Наконец, он стал поваром.

Революция изменила судьбу этого немолодого уже человека. После революции отец работает в исполкоме, затем — практическим работником в Институте общественного питания. Он попадает на студенческую скамью и в 1938 году будет инженером общественного питания.

Я окончу институт 24 лет; хочу быть научным работником, специализироваться по микробиологии. Возможность применить знания в этой области чрезвычайно велика.

Мучительно думать, что радость жизни омрачат тяжёлые заболевания, что причина этих заболеваний до сих пор не выяснена и поэтому затруднена борьба с ними. От звонков медиков я сама с из-

вученных проблем рака. Дядя — он работает в Троицком институте и принимает участие в экспедициях в Среднюю Азию — тоже расспрашивал меня о различных не решённых ещё вопросах, которые требуют знания микробиологии. Я поступила на биофак, чтобы принять участие в их разрешении.

Биологию я любила в школе, но школьные занятия меня не удовлетворяли. Мне хотелось узнать как можно больше. Я прочла Дарвина «Происхождение видов», в журналах я раз-

скивала научные очерки и статьи, написанные понятным мне языком. Много раз бывала я в Музее антропологии.

В школе я занималась по всем предметам отлично, даже по тем предметам, которые меня не слишком привлекают. Я не очень люблю математику, особенно геометрию (в геометрии мне не нравится, что там даны готовые доказательства теорем, не приходится думать, нужно просто заучивать), но я преодолевала свою неаппетитность и занималась по математике тоже отлично. Теперь, в университете, меня не будут отвлекать не любимые мной дисциплины и я сумею все время отдавать изучению биологии.

Мои друзья по учёбе, те, с кем я вместе читала, проводила свободное время зимой на катке, летом на лодке, на пляже, поступили кто в Энергетический институт, кто в Механико-математический. Они стали заниматься тем, что их привлекало, они будут специализироваться в той области, которая кажется им лучшей, в которой они сумеют принести большие плоды стране.

Занесённые в Сталинскую Конституцию права на труд, на отдых и на образование стали реальной действительностью в нашей стране. И мы ровесники получали ещё одно право — право активного участия в политической жизни страны. Близится день выборов в Верховный Совет. С исполнением и я мои друзья идем этого дня... Мы будем голосовать за тех, кто привнесёт народ к счастливой жизни. Мы будем голосовать за партию большевиков и её союзей.

Я родилась через год после Октябрьской революции.

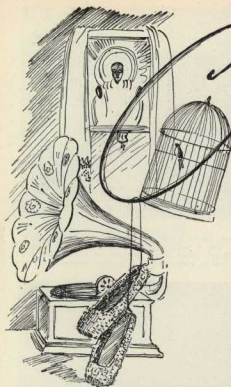
В 1937 году в моей жизни произошёл три крупных события: меня приняли в члены ВЛКСМ, я окончила школу отличницей и поступила на биологический факультет 1-го МГУ.

В семье у нас есть ещё один учащийся — мой отец. Ему около 50 лет. В 1938 году он окончит институт и будет инженером. Мальчиком моего отца отдали из деревни в город, в «ученье». Никто не спрашивал об его инте-

Фото И. Гущина

Юное поколение Советской страны чтит память героев, погибших в борьбе за Октябрь. На фото: школьники на площади Жертв революции в Ленинграде.

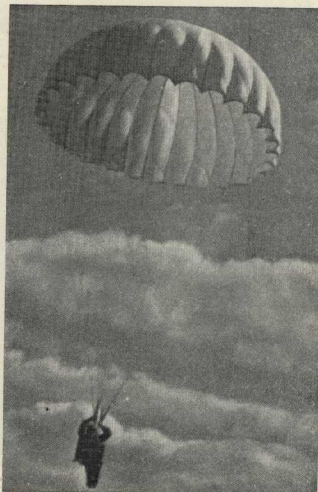
Старые и НОВЫЕ вещи

Фотоочерк Г. Капустинского

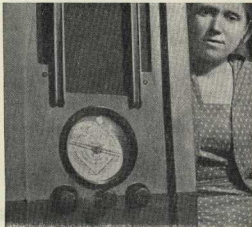
Уходят в прошлое лапти, иконы, исцеление зубными «кладнями» для народа и скололот еще другие вещи! На смену им пришли новые вещи. Они сделаны нашими руками, на наших машинах, из наших материалов. Совсем недавно эти вещи не было, но сейчас мы так привыкли к ним, что порой уже не замечаем их. Пусть есть еще недостатки в работе промышленности, обслуживающей наш быт, но с каждым днем все более совершенствуются, добротнее становятся и красивые вещи окружают советского человека. Партия большевиков, советское правительство неустанно работает о подлинное благосостояние нашего великого народа.

Старая Россия не знала профессионального спорта. Почти на 500 миллионов рублей спортсменами, занимающимися в этом году многократными крими советских флагуаутириков. На фото: теннисист Малышев с ракеткой «Демин».

Как голубой журавль отгадки раскрывается на небе парадит. В нашей стране появились фабрики парашютов. Но одна страна в мире не знает такого высокого развития парашютного спорта, как СССР.

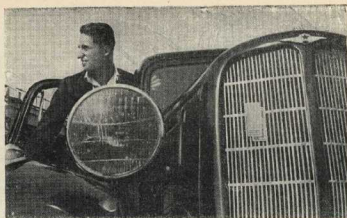
Радио стало могучим орудием советской культуры. В январе 1936 года в нашей стране было 2 737 500 радиоприемников. В январе этого года их число достигло 3 760 400. В январе 1938 года их должно быть 4 855 400. На фото: хозяйка радиоприемника Юлианка у приемника последней конструкции — «СВД».

Цветы в доме, в парке культуры, в рабочей квартире, в колхозном плансаднике. Наша страна — страна цветов. Почти на 15 миллионов рублей в год покупают цветы ода только Москва. На фото: сажист завода Кардоловский тов. Исакович и выходящие садоводы того же завода тов. Алехин покупают цветы.

Отличный подарок получили многократные советские фотолюбители — альбы «ФЭД». Советская альба не уступает по качеству зарубежной. На фото: телика завода «Шарикоподшипник» тов. Волков с кулачковым им аппаратом.

Известный советский автомеханик «М-1» полностью заменил на улицах столицы все машины устаревших марок. Растет число индивидуальных владельцев автомобилей, лучшие стилисты, лучшие люди нашей страны. На фото: стилист завода имени Сталина И. Сергеев на полученной им в премию машине.

Рюкзак за спиною — и в путь! Им хотят позавидовать наши прекрасные странники. В «чужие» края уезжают все больше и больше путешественников советских туристов с 1933 года. На фото: каскадер Электровикторина тов. Захаренко, предпринимавший путешествие по Советам.

Речь Ленина и Сталина, классическую музыку, игру всемирно прославивших оркестров — неисчерпаемый источник по странам-союзникам патефон и пластинок. Более 500 тысяч патефонов получают в ближайшем году страна. На фото: уборщица тов. Истомин у нового, кулацкого его патефона.

Советские электровибраторы прочно входят в наш быт. Служат здесь электротехника и электрические облегчают труд домашнего хозяйства и экономят на время.

Здесь сидит сын вояцкого Юра Волкова и излюбленной машины ребенка — мальчишки. Юра сидит в новом изобретении — автомобиле. Новая промышленность изобретает для советской детворы много интереснейших игрушек.

Рыцарь Красавица

СКАЗКА

Современный вариант

Чего-чего только не было в этой прихожей! На рюкзачках шкафах стояли какие-то картонки, набитые доверку птичьими перьями, почему-то не попавшими в подушки. В углах, заросших пылесью, таились детские кроватки, уложенные в отставку за пылкостью лет. Под кроватками лежали старые журналы и валялась всякая дрянь. Одним словом, это была потешная коммунальная прихожая, которую жильцы никогда не убрали, ибо каждый надеялся, что это сделает за него сосед.

Но в конце концов и прихожая дождалась своего часа.

Один из жильцов квартиры, комсомолец Ваяя Ненароков, после того как на него с ревматического шкафа упала картонка с перьями, страшно возмутился и повел среди домашних хозяйств ламповую агитацию. И вот в какую выходного дня хозяйки, вооруженные кто щеткой, кто тряпкой, двинулись в бой, предводительствуемые Ваяей.

Во время уборки наш комсомолец заметил тонкокожую железную кровать, стоящую в простенке между шкафами. Кровать была завалена коммюнистскими журналами «Наша» за старые годы. Ваяя вытащила кровать на середину комнаты и, брезгливо морщась, стал освобождал ее от «Низов».

Вдруг он искривился.

На кровати, под «Низом», лежала неизвестная старушка в синем и белом горошину ситцевом платке и в черном платке. Старушка спала.

— Гражданин! — сказала потрескеленная Ваяя Ненароков. — Признавайся прямо: чья бабушка?

— Не нашла! — первой сказала серая от испуга вдова Нина Марковна. — У нас в квартире отродясь таких остроносых не было.

Остальные жильцы присоединились к испуганной вдове.

Вскоре явился вызванный по такому чрезвычайному случаю управдом в сопровождении старого и мудрого дворника Артамона.

Пока управдом составляла акт, мудрый Артамон со всех сторон осматривала спящую старушку.

— Главное, граждане, без паники, — сказала дворник, окончив осмотр. — Эту спящую красавицу я хорошо знаю. Это есть Марковна — бывшая супруга бывшего генерала Кулаекина. Кулаекин в этой самой квартире еще при Николаеве жил и Марковну эксплуатировал почем зря. До того

он ее довел, что она, сердечная, перед первой революцией утонула астаргическим слом. Про этот факт, вездом тогда говорили. Теперь получается, что генерала в боинущу ее не отвез, а втащили в прихожую, в угол.

А тут — революция, а тут — генерала по шапке! Про Марковну, значит, и забыли, поскольку новым жильцам невдомашно. Так она и проспала у нас в прихожей, дорогие товарищи, двадцать с лишним годков!

Пораженные жильцы заговорили все разом: кто советовал в Академию наук съезжать, кто в Музей революции собирался, кто напугать тащил — бабушку будить.

Но тут сама спящая старушка чихнула, потянулась раза два и вдруг села на кровати.

— С добрым утром, — сказала старушка. — Ну и поспала же я, грешница!

— Да, уж послали! — неопределенно ответила за всех Ваяя Ненароков, делая жильцам знаки, чтобы они молчали.

— Сколько сейчас времени будет?

— Пять часов вечера.

— Ахти мнел! — засуетилась Марковна. — Скоро барин придет, в мисе к Смоленскому за набивными папиросами беспрестанно надо слезать. Ох, пропала моя головушка! Надо бежать, а то успею.

С этими словами старушка шмыгнула к выходной двери и исчезла, прежде чем ее успели задерживать.

— Бегите за ней, товарищи Ненароков! — закричала одна из жильцов. — Ведь она же двадцать лет на улице не была!

Ваяя Ненароков багом спустился по лестнице, но испящия красавицы уже и след простыл.

Марковна была резвая старушка, а тут еще страх перед генералом лапал себя затылок. Рысью пробежала она два квартала и только тогда огляделась по сторонам.

— На чего такое?

— На метро.

— Ась?

— На метро, говорю.

— На ведро?

— На метро, а не на ведро.

Вон ахот, виднись.

Кинулась Марковна к метро.

Видит: идут люди, я одна пошла. Миню контролеров она прощипнула без билета, а когда увидела, как людей сама лестница

...Являлся старый мудрый дворник Артамон...

Смотрит — и ничего не узнает. Оставившая какого-то

— Милый человек, как мне и

Смоленскому пройти?

— А ты, бабушка, садись на

метро, да и поезжай.

вниз иссет, побесала вся и затряслась.

— Это я сплю, — подумала. —

Сон у меня такой. Эх, будь что будет!

Отучившись на платформе, Марковна совсем растерялась среди мраморных колонн, залитых мягким, ровным светом. Подползла к одному старичку, олстому поросенку, и поплотом спросила:

— Всем тут можно нахлеститься или только господам?

— Каким господам? Проснитесь, граждана. Откуда вы слово это выкопали?

Отшала от него Марковна в великом излемуении. А тут с громом подлетела поезд. Люди сели — и она села. Не успела моргнуть — готово: приехали на Смоленскую станцию. Люди встали — и она встала. Люди пошол — и она пошла.

Разыскала Марковна знакомый дом, поднялась на второй этаж, повновилась. Отворила ей дверь незнакомый молодой.

— Здравствуй, — сказала Марковна. — Маша Иванова дома?

— Я Маша Иванова.

— Мне другую Машу нужно, которая табачница.

— Я как раз работаю на табачной фабрике.

— Тыфу ты, господи! Мне ту

Отучившись на платформе, Марковна совсем растерялась.

Машу надо, у которой незаконное дитё.

— Как такое — незаконное?
— Да ты что не знаешь, какие бывают незаконные дети? Чай не малявками!

— Не знаю!
— Вот родишь ребеночка, на лай бог, несчастная, тогда узнаешь.

— Усе!
— Что уже?

— Уже годна. А с Николаем мы и держи, конечно, не выпускай. Да и в загс еще не собрались сходять. Поэтому, и наша дашочка незаконная?

— Незаконная!

— Про что?
— Про приданое.
— Не понимаю, о чем вы говорите.

Марковна посмотрела с удивлением на парня и губы поджала.

«Молодой, а хитрый!», — подумала она.

Приехали они на аэродром. Вышли на поле. Молодой человек показал Марковне на летящий самолет и сказал:

— Смотрите, бабушка, на небо. Сейчас Маши будет прыгать.

Только он это сказал, от самолета отделилась черная точка, потом пыльным грибом раскрылась

— Олять не та! У той Маши духу бы не хватало с ямба с самого сгнать.

Парашют пошуцала и прибавила:

— И богатства такого у той не было. Ведь чистый шок! А он говорил, приданого у тебя нету. Одна шутка.

— Ничего не понимаю. Какое приданое, кто говорил?

— Дружок твой, барышня не бежала.

Поговорили они немного, и комсомолка Маша Иванова сказала:

— У нас по дворе живет еще одна Маша Иванова. Работница. Молодая. Бродя молк. Ее недавно выгнали в Моссовет. Ты бы отвел, Володя, бабушку в Моссовет. Может, та Маша Иванова как раз ей и нужна.

Она шла Марковна на грузовичок и поехала с этим Володей в Моссовет.

Вышла к ней девушка в красном платочке, акуратенькая такая. Марковна чуть не залакала. Олять не та!

— Я звала Машу Иванову, табачницу, — сказала третья Маша, — она на инженера кончала и уехала на Дальний Восток.

— Это зачем такое?

— Зачем? Работать. Ой, извините мне, бабушка, мне на платок пора.

Вышла Марковна на улицу и дала волю слезам. Время позднее, генерал, поиди, вернись, а ей еще на Дальний Восток надо тащиться, папрросинцу Машу Иванову искать. Хоть и не верилось ей, что та папрросинца может вдруг инженером стать, но уж больно она болела не вымогнать генеральское поручение.

Плачет она горючими слезами, вдруг подхлдит к ней военный человек. На петлицах по два ромба.

— О чем, бабушка, плачешь?

— Как же мне не плакать, когда я генеральская кухарка и своего генерала не угодила. Он меня теперь живьем с'ест.

— Такой у тебя генерал свирепый?

— Все генералы, милый, свирепы, чин ихний таковский.

— А я вот, бабушка, тоже генерал, если по-старому ваять, а не свирепый.

— Нешто ты генерал?

— Генерал! Видишь: два ромба пошу! А раньше я поваром был!

— Будет врать-то! Если ты поваром был, расскажи, как блинжиком готовил.

Военный человек все правильно рассказывал про блинжик. Тогда Марковна как-ж заголосит, даке инжениер на посту задержит.

— Ахлы добрые! Во сне я нахожусь или наяву?

Видит военный человек, женщина не в себе, зьяла ее под локоток и осторожно пома. Влет и потихоньку все объяснит. Марковна и упала не верит:

— Вчера ложилась спать, ничего такого не было. Гляди, что за одну ночь случилась!

— Да вы, бабушка, когда легли-то?

— Известно когда — 3 января 1917 года.

— А сегодня 12 августа 1937 года. Вы, бабушка, больше двадцати лет проспала.

Захала Марковна, чуть в обморок не упала, но потом пришла в себя и сказала:

— Век я, что в добрый час проснулась.

Проходили они мимо парка, и военный человек предложил Марковне зайти туда подышать свежим воздухом. Только вышла она на главную аллею, Марковна опять затряслась и закричала:

— Смотрите, смотрите, Кулебякин-генерал идет! Бейте его, православные!

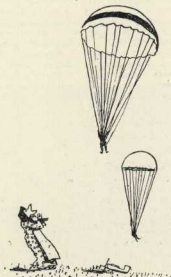
Действительно, навстречу им валю шагал генерал: усичи как у когтя, нос пинет пламенем, на штанах красные лампасы.

— Вот я тебя сейчас, кровопийцу, — пропелала Марковна. — Повар, помогай!

Повар принаосил бы генералу, если бы он не догадался сразу щипать маску. Оказалось, что это не генерал Кулебякин, а переодетый по случаю карнавала комсомолец Боря Неполонов. Увидел он Марковну и обрадовался:

— Я вас, бабушка, по всемогущу иду. Вель это вы в ярихел откопал!

Стали тут все веселиться. А Марковна веселилась влуд всех. Она с красным генералом русскую плясала.

Марковна так и замерла.

— Ты, бабня, я вижу, не в себе... Между прочим, поднимись немного выше. Над нами одна комсомолка живет. Ее, кажется, тоже Машей зовут. Может быть, как раз тебе ее и надо.

Поднялась Марковна втажом выше, повисла. Дверь ей открыл молодой парень с желтой куржурке с голубыми петлицами.

— Мне бы Машу.
— Она сегодня прыгает!

— Ой, допрыгается одна вторая раз до чего-нибудь!

— А вы, бабушка, не сердитесь. Хотите, я вас к ней отвезу на аэродром?

— Отвасите, коли милость будет. А то мне без папррос к моему дракону никак нельзя возвращаться.

Вышли они на улицу, сели в грузовичок, поехали.

Наклонилась Марковна к парню с голубыми петлицами и на ухо ему сказала:

— А вы, извиняюсь, не машин будете кавалер?

— А что?

— Вы бы женились на Маше, молодой человек. Вы не смотрите, что у нее капиталы нет. Она девушка хорошая, работница.

— И «Капиталы» у нее есть, бабушка!

— Капиталу, милый, нету.
— Есть. Все три тома. Сам видел на этажерке.

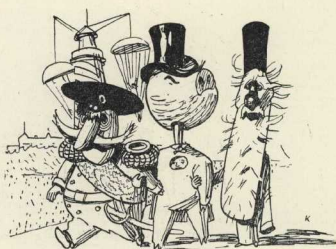
— Я не про этажерку, а про приданое.

парашют и стал быстро опускаться. Марковна так и замерла.

Привезли комсомолка Маша, стала собирать парашют. Ни жива, ни мертва подбежала к ней Марковна.

— Страсти господни! Неужто ты Маша Иванова?

— Я Маша Иванова.
Присмотрелась старуха к девушке и головой покачала:

Навстречу им валю шагал генерал...

ПОСЛЕДНЕЕ ПОДПОЛЬЕ ЛЕНИНА

улицам Выборгской стороны. Лесной проспект был изрыт ухабами, по краям дощатых тротуаров стояли темные заборы.

— Вот увидишь, — сказала тогда Владимир Ильич сопроводившему его спутнику, — возьмем власть в свои руки — все здесь перестроим. Слова Ленина стали явью. Вот как выглядел сейчас Лесной проспект, по которому 20 лет назад в темную октябрьскую ночь проходил Ленин, покидая свое последнее подполье.

В этом доме в Лесном была подпольная конспиративная квартира Владимира Ильича Ленина. Отсюда в ночь с 24 на 25 октября Ленин направился в Смольный, чтобы взять в свои руки непосредственное руководство восстанием. Ленин проходил по нынешним

СОЛДАТСКОЕ ПИСЬМО

Ныне мы помещаем замечательный документ — письмо одного солдата, пробывшего два с лишним года на фронте. Оно красноречиво говорит о настроениях солдатской массы накануне Октября.

Письмо было опубликовано в конце сентября 1917 года в газете «Солдат» и написано как ответ на язвительную статью буржуазной газеты «Свободная жизнь» направленную против солдатских вояжики:

«...Не могу сдержать своего возмущения и прошу ответить автору статьи на вопросы:

- 1) Был ли он на военной службе?
- 2) Знает ли он воинский устав?
- 3) Знает ли, что такое была дисциплина?
- 4) Знает ли все обращения и подчиненным со стороны этих корпусных воспитанников?
- 5) Сидел ли он в окопах, был ли под обстрелом и сидел ли, упираясь в землю ногой от газа?
- 6) Был ли голоден, и ел ли капусту сырую, свежую свеклу, куркузу и т. д.?
- 7) Сидел ли в окопе во время дождя и морозов?
- 8) Был ли бит по лицу? Стеган хамством, который носили

воспитанники корпусов, оправдывався, если кто спросит, что это для собак?

9) Крестил ли его шашкой справа налево?
10) Держал ли товарища за ноги, руки и голову и стоял ли в кругу, когда товарищи поролли розгами за то, что они отказались пить в ополочные наставку, которую давали от головной боли, ушибов и порезов?

11) Ходил ли за щами и кашей и, когда посадинок не хватало, то спрашивал ли, почему их не дают?

Получал ли такой ответ: «По 20 часов боевой стойки», заключающей в себе 6 кириней и винтовку, и ставил ли его с 2 час

ночи на морозе, во время выюга, в духах, равных сапогам?

12) И смотрел ли на тебя отдаленный или вазовый во время стойки, чтобы ты не испекался?
13) Получал ли удары по лицу за то, что не мог отвечать сразу, как автомат: «Лак твою» и «Никак нет», — и становился ли во фронт красному сыну генерала?

14) Грелся ли тебя на улице на глазах у публики за грудь за то, что неправильно козырнешь? И когда писатель «Свободной жизни» даст ответ, я узнаю, что он сидит, окованный здесь, сладко спит и живет, и ему хорошо бросать упрек тому солдату, который все паль обладал своей алой провией и славаши.

ОКТАБРЬ В МОСКВЕ

улыбкам был отвергнут, юнкера начали обстрел Московского совета.

В ответ на это 28 октября забастовали все фабрики и заводы. Рабочие восстали, сформировали вооруженные отряды.

Первые схватки между юнкерами и красногвардейцами произошли на набережной Москвы-реки.

Под натиском красногвардейских отрядов юнкера отступили в центр города и заперлись в Кремле. Здесь им была дана последняя бой.

1 ноября 1917 года шестидесять орудий с Воробьевых гор открыли стрельбу по Кремлю.

Тяжелая артиллерия хорошо сделала свое дело. Противник растерялся.

Утром 2 ноября красногвардейцы заняли Кремль, юнкера принуждены были слиться.

После пяти дней кровопролитных боев революционные войска разгромили последнюю Временного правительства.

На фото — штурмовое орудие, из которого стреляли по Кремлю, во дворе Музея революции.

СЛОВА, РОЖДЕННЫЕ ОКТЯБРЕМ

несение (26—28 мая 1905 года), а потом в Петербурге (26 октября), в Москве (3 декабря) и других городах возникли несамые дотам революционные организации — советы рабочих депутатов. Ленин с гениальной прозорливостью назвал их в марте 1906 года «значимых новой революционной власти» (Сов. Т. IX, стр. 43). А весной 1917 года в знамени-

тых «Апрельских тезисах» Ленин заявил о необходимости перехода всей государственной власти к Советам Рабочих Депутатов» и намечает организацию будущего советского государства: «не парламентарная республика, — возразил к ней от С. Р. Д. было бы шатком назвав, — а республика Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов по всей стра-

не, силу доверю» (т. XX, стр. 88). Лозунг «Вся власть советам!» был брошен в массы, подхваченный и осуществлен в октябрьские дни 1917 года. Новое понятие — «советское правительство», «советская власть» — родилось под грохот орудий, выходящих из Зимнего дворца последние русские буржуазное правительство. Как и слово «большевизм», слово «советы» стало интернациональным, оно сделалось синонимом рабоче-крестьянского правительства, подлинно народной власти, ставшей себе целью осуществление социализма.

Поступательный ход революции беспрерывно выдвигал новые задачи, создавая новые понятия. В ходе строительства вооруженных сил Советской республики зарождается слово «красноармеец».

Для уничтожения врагов, окованных в тылу, устраивавших мятежи, проводивших саботаж и диверсии, создается 20 декабря 1917 года Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с саботажом и контрреволюцией. Слово «чекист» стало для всех врагов советской власти грозным обозначением, напоминающим об ожидающей их рано или поздно гибели.

Великие общественные перевороты производят глубокие изменения во всех областях культуры, в том числе и в языке. Французский язык в результате буржуазной революции обогатился множеством новых слов, выразивших новые понятия.

Тем сильнее должна была отразиться на русском языке социалистическая революция. Корни некоторых новых слов можно проследить до десятилетия до начала Октябрьской революции.

В 1903 году на II съезде РСДРП выявленное революционное течение, возглавляемое Лениным, и оппортунистическое — во главе с Мартовым.

Сторонники Ленина первоначально назывались «большинство», «искровыми большинством», так как они входили в группу газеты «Искра», организовавшей съезд и получившей на съезде большинство по ряду вопросов. В «Письме к товарищам», написанном Лениным 12 декабря 1904 года, уже встречается слово «большинство». Это слово впоследствии обобщило весь мир, вошло во все языки как синоним «коммунизма», «пролетарского революционера».

Разразилась первая русская революция. Сначала в Иваново-Воз-

Красногвардейцы в октябрьские дни... (Фото Ленинградского Музея революции).

В 1918 году организован Коммунистический союз молодежи. В русском языке появились слова «комсомолец», «комсомолец», «комсомолец». С этими словами связано представление о беззаветном героизме советской молодежи на фронтах гражданской войны и социалистического строительства, о беспредельной преданности ее партии Ленина — Сталина.

Кончилась гражданская война, начался период восстановления народного хозяйства, подготовка и великому социалистическому наступлению.

Появились новые слова для обозначения социалистических отношений между людьми и новых, выработанных этими отношениями классовых качеств. Еще в период гражданской войны, в годы тяжелейшей разрухи, родилось слово «ударник». Проникновение этого слова в жизнь. Во время перестройки войны «ударники» назывались отборные части, предназначенные для наступления. В период гражданской войны предпринят, работа которых была особенно важной для обороны, была выделена в особую группу «ударника». Рабочие этих предприятий стали называться «ударниками». В годы первой пятилетки это слово получило широчайшее распространение. Оно стало обозначать человека, энергично и добросовестно работающего, первопроходца производственного плана во имя новых побед социализма.

30 августа 1935 года доверенный заводчик Алексей Стаханов впервые 102 тонн угля, выполняя 14,5 нормы. Его начини было началом нового массового движения за повышение производительности труда во всех отраслях народного хозяйства. Так зародилось слово «стахановец».

Социалистическое преобразование сельского хозяйства вызвало к жизни слово «колхоз». Это — не просто механическое соединение двух сокращенных слов: «коллективное» и «хозяйство», — а новое слово, обозначающее неизбежное явление в деревенской жизни.

В эпоху социализма наполняются новым содержанием и многие старые слова.

«Знатыми людьми» когда-то называли «благородных» происхождением. В нашей стране «знатный человек» — это гражданин, прославивший свою родину, добившийся выдающихся успехов в научном или партийной деятельности.

Слова «родина», «отечество» приобрели в устах советских людей новый, высокий смысл: родина — это не только родная страна, но страна победоносной революции, отечество мирового пролетариата, страна, в которой народу обеспечены подлинное процветание и счастье. Поэтому особенно значительны и полны для советских граждан глубокого смысла слова Сталинской Конституции: «Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР».

ШОХМАТЫ

Отдел ведет А. ГУГЕЛЬ

Задача № 58

З. М. БИРНОВ (Москва)

2-й приз на международном конкурсе в Англии

Белые, начиная, дают мат в два хода.

Советские шахматные композиторы (составители задач и этюдов) за последние годы добились блестящих творческих успехов. Им открыт и разработан ряд оригинальных идей («Московская тема», продолжения защиты, защита Барулая, тема Симова, комбинация в пешках и др.). Эти идеи сейчас широко разрабатываются во всех странах. В десятках крупнейших международных конкурсов задачам и этюдам наших

Задача № 59

С. П. КРЮЧКОВ (Москва)

1-й приз на международном конкурсе в Голландии

Белые, начиная, дают мат в два хода.

композиторов присуждались высшие отличия. По неполным подсчетам, только за 1936—1937 год советским композиторам завоевано около 80 призов на международных конкурсах, в том числе 26 первых призов.

Помещаемые здесь задачи молодых составителей припримованы на конкурсы, в которых участвовали первоклассные мастера шахматной композиции.

ДВЕ ПОБЕДЫ ГРОССМЕЙСТЕР-КОМСОМОЛЬЦА

Имн комсомолец Михаил Ботвинник стоит в числе имен знатных людей нашей страны. Правильнее награждать его орденом «Знак почта».

М. Ботвинник — блестящий мастер шахматного искусства. На юном этапе кунтарю он высоко держит престиж своей родины. Ему присвоено звание «гроссмейстер» — звание, которое носит только лучшие из лучших шахматистов мира, добившиеся неоднократных побед на международных соревнованиях.

Туринские успехи М. Ботвинника общезвестны. На московских международных турнирах и недавнем по силе «соревнования чемпионов» в Ноттингеме (Англия, 1936 год) он убедительно доказал, что является одним из кандидатов на завоевание первенства мира.

Блестящие шахматные успехи М. Ботвинника сочетаются с ученой работой. Недавно он успешно защитил диссертацию, после чего ему было присвоено ученое звание кандидата физических наук.

В первом туре московского международного турнира 1935 года Ботвинник встретился с испытанным гроссмейстером Р. Шиндлером и добился победы в 12 ко-

ло! Эта немаловажная короткая партия обошла шахматную печать всего мира.

Вот эта партия.

Белые: Ботвинник

Черные: Шиндлер

1. e2—c4	e7—c6
2. d2—e4	d7—d5
3. e4:d5	e6:d5
4. d4—d4	Kg8—f6
5. Kb1—c3	Kb8—c6
6. Cc1—g5!	...

Это началоנסит название задачи Белая — Канин. Пятый ход белых выдал и ввел в практику М. Ботвинником. Идея этого хода — атакующий центральный пункт d5 добился выяснения положения в центре.

6... Фd8—b6?

Ход, рекомендованный чемпионом мира Р. Шиндлером. До настоящей партии аналитики считали этот ход вполне приемлемым. Однако Ботвинник подготовил неприятный для черных сюрприз:

7. c4:d5

Пешка черных уезжала.

Не выходя из 7. K:d5 из-за 8. K:d5 Фd4+9. K:c3 Фg5 10. K:f3 Фd4 11. d5 Kc6 12. K:e5 Фd4 13. Cc2, и после рокировки белых черные не успевают удовлетворительно раз-

виться (видя угрозу Аf1—e1 и Cc2—b5+). Плохо было бы и 7. ... K:d4 из-за 8. Kge2 и т. д.

8. Aa1—c1!

Этого тихого хода не видел Шиндлер. Он рассчитывал только на 8. K:d4 из-за 8. K:d4 Фd4+9. Cc2 Фd:4 10. d:c Ke4 с неизбежными осложнениями.

8... Kc6—b4

Ведет к потере фигуры. Вроде, не выходя из 8. ... Kd8 9. C:f6! e:f 10. Cb5+ с сильнейшей атакой. В ответ на 8. ... Kd8 последовало 9. K:d4 Фd4+10. Cc2 с выигрышем фигуры.

9. Kc3—d4	Фd2—e4
10. Cf1—c4	Cc8—d4
11. Kg1—f3	Cc4:f3
12. e2:f3	Черные сдались.

Почти в таком же «молниеносном» стиле выиграл Ботвинник в Ноттингеме у Видмара, гроссмейстера, бывшего первого среди побед еще тогда, когда М. Ботвинник не было на свете...

Белые: Ботвинник

Черные: Видмар

1. e2—c4	e7—c6
2. Kd1—f3	d7—d5
3. d2—d4	Kg8—f6
4. Kd1—c3	Cc8—f7
5. Cf1—e3	0—0
6. e2—e3	Kb8—d7
7. Cf1—d3	...

Обычно в этом варианте ферзевый гамбит играют 7. Acl. Ботвинник же предпочитает уйти с проторенных путей:

7... e7—c5	
8. 0—0	c5:d4
9. e3:d4	d5:c4
10. Cc3:c4	Kd7—b6

Черные выбирают сложное меланшеское развитие с переводом коня на d5. Лучшее было 10... ab.

11. Cc4—b3

12. Фd1—d3

13. Kc4 на d3. Cc2 с лучшей игрой.

На 12. Kd5 белым ответили бы 13. Kc4 на d3. Cc2 с лучшей игрой.

13. Kf3—e5

Хуже 13... Cc8, так как после 14. Kc4 белым не удалось отступить алавы в случае, если белым вынуждают черных сделать ходы g6 и Ch6.

14. Aa1—d1

15. Фd3—f6

16. Kc5—d5

17. f2—f4! ...

Начало решающей атаки.

17... Aa8—e8

18. f4—f5

19. Aa1:f5

Ферсирование проигрывает. Лучшее (хотя и не спасает партии) ход 19... Aa7

20. Kc5:f7!

Если Kp:f7, то A:d5 на лубой ход ферзя следует 21. C:f6

21. Cg5:f6

22. A:f5—d5

23. Aa5—d6

24. Aa6—d7 Черные сдались.

Отв. редактор В. А. Герасимов

Зам. отв. редактора М. Л. Гольдберг

Оформление В. И. Ури

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правда», 24, тел. Д-3-84-24

Слабо в набор 7/IX—37 г.

Подписано к печати 5/IX—37 г.

Изд. № 968

Формат 72х110 см.

6 1/2 печ. л. 98 000 зн. в печ. л.

Уполномоченный Главлита № В—10 930

Выпускающий Н. В. Меркушов

Зак. № 1777 Тираж 45 000

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правда», 24.